

Арина Теплова

18+

ПЕЧАТЬ
ИЩУЩЕГО

Печать Индиго

Арина Теплова

Печать Индиго (трилогия)

«Автор»

2021

Теплова А.

Печать Индиго (трилогия) / А. Теплова — «Автор»,
2021 — (Печать Индиго)

Юная целительница Светослава получает в дар древний кристалл Инглии, открывающий Врата Междуирья. Желая завладеть уникальным камнем, силы Тьмы, в лице могущественного Ордена иезуитов затевают кровавую опасную «охоту» на девушку. Ей чудом удастся избежать смерти. Так и не получив камня, Орден подсылает к Светославе своего непобедимого Темного витязя Кристиана фон Рембера. Молодому человеку поручено усыпить бдительность девушки и хитростью жениться на ней, чтобы завладеть древним кристаллом. Однако юная Светослава не так наивна и глупа, как думают темные... Трилогия. В трилогию входят три книги: 1. Печать Индиго. Дочь Сварога 2. Печать Индиго. В сиянии Зари 3. Печать Индиго. Владыко миров

© Теплова А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Книга 1. Дочь Сварога	5
ПРОЛОГ. Древнее пророчество	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Хранитель Сибири	15
Глава I. Могучий Тобол	15
Глава II. Индиго	24
Глава III. Новая жизнь	31
Глава IV. Колодец	35
Глава V. Жених	40
Глава VI. Свадебный обряд	44
Глава VII. Странный гость	50
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Возлюбленная Тьмы	57
Глава I. Сова	57
Глава II. Бунт	61
Глава III. Невольница	67
Глава V. Подруга	77
Глава VI. Господин фон Ремберг	82
Глава VII. Страх	86
Глава VIII. Брачный обет	90
Глава IX. Новобрачная	96
Глава X. Целительница	102
Глава XI. Дар	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Арина Теплова

Печать Индиго (трилогия)

Книга 1. Дочь Сварога

Наша судьба дана нам свыше. События и люди, которые возникают на нашем жизненном пути, появляются неслучайно. Мы лишь выбираем той или иной путь движения, тот или иной выход, тот или иной вариант общения...

Никто и ничто не делает нас плохими или хорошими. Мы сами своими поступками, решениями, словами формируем свое существо. Сами избираем дорогу – добра или зла, лжи или правды, любви или ненависти. Именно это и характеризует нашу личность, наше «я», неповторимое, уникальное, отличное от других людей...

ПРОЛОГ. Древнее пророчество

Чтоб восстановлен был Круг из зарбина
Вновь засияла Спираль Междумирья...
Вместо Кристаллов Движения Сварги,
Что на краях, для Чертогов Сварожьих,
Установите Кристаллы Инглии...

Свет Иномирья, проявленный в Нави,
Будет в Кристаллах Инглии светиться...
И истекая мощным потоком,
Он восстановит зарбина свечение...

Санттии Бога Перуна

Русское царство, Архангельск, 1695 год
(Московская Тартария, Архангельск,
7203 лето С.М.З.Х)

Уже стемнело, когда русоволосая женщина в синем русском сарафане, вошла в едва освещенную лучиной горницу и присела на узкую кровать, где лежал мальчик лет пяти.

– Матушка, расскажите мне сказку, как давеча, – попросил мальчик.

Женщина окинула родное лицо мальчугана ласковым взглядом изумрудных глаз и, протянув руку, привычным движением благословила его.

– Хорошо, сынок, слушай. Это древнее сказание поведал мне когда-то давно мой дед, – тихо заметила Леля и невольно потрепала тонкой рукой сына по темно-русым непослушным вихрам. – Давным-давно, много тысячелетий назад, когда наша древняя Мидгарт-земля еще имела другие очертания берегов и океанов, на ней жили наши великие предки – славяно-арии. Они вели свой род от древних светлых богов и много миллионов лет назад поселились на нашей земле. Славяно-арии умели летать на небесных колесницах и управлять...

– Матушка, а что такое небесная колесница?

– Эта такая карета, которая взмывает в небо и может лететь очень долго, словно птица, – объяснила Леля. – Так вот наши родичи, славяно-арии, перемещались между планетами-мирами, о которых я тебе рассказывала вчера, на небесных колесницах и творили добро и мир в бескрайней вселенной дали. Миролюбивые и сердобольные, они жили в согласии со всеми живыми существами на нашей Земле, которую считали родной. Они понимали язык животных, растений и птиц. Любили и оберегали нашу цветущую Землю и умели управлять силами природы.

В те давние славные времена на Светлой высокой горе, где энергия четырех стихий земли собиралась воедино, наши великие мудрые прародители сотворили чудесные врата в междумирье. В куполе этих дивных врат сиял огромный Светлый самоцвет-алмаз, один из «Великих Владык» миров. Именно он своим светом и силой открывал путь через эти врата на другие Светлые планеты-земли. В те миры, которые находятся в других чертогах Священной Небесной Сварги и также вращаются вокруг своих ярких звезд, как наша Земля вокруг Ярицы Солнца. Через эти врата междумирья славяно-арии свободно перемещались на другие светлые небесные планеты-земли, постигали там новые знания, творили славные дела и созидали добро.

Но это благословенное время не могло длиться вечно. Ибо в бескрайней вселенной существуют и другие силы – силы Тьмы. Зло и смерть сеют они вокруг. Их путь тьмы зиждется на том, что они захватывают цветущие планеты-земли и выкачивают из них все богатства для своей сладкой жизни. А затем запускают небесные смертоносные грибы, которые разрывают ту несчастную захваченную планету-землю на части. Много живых существ и планет уже погубили Темные за многие миллионы лет.

Оттого испокон веков, Светлые силы ведут непримиримую жестокую войну с силами тьмы. Светлые боги пытаются противостоять Темным Повелителям и не допустить разрушения других миров-планет. Не раз Светлые боги, наши родичи, охраняли другие земли от страшного разрушительного оружия Темных. А иногда с гибнущих планет-земель спасали людей и живых существ, перемещая их через врата междумирья на нашу благословенную Светлую Мидгард Землю, где правили тогда славяно-арии.

Но однажды, во времена, когда наша планета-Земля находилась на звездном небе в чертоге Воинствующего Орла, Темным путем обмана удалось проникнуть и на нашу добрую Землю. Возникла опасность того, что Темные Владыки и их Черные воины смогут через межзвездные врата проникнуть на другие Светлые планеты-земли священной сварги, которые находятся под властью Светлых сил. Опасаясь этого, Светлые боги велели нашим великим предкам славяно-ариям прервать межпланетную связь и закрыть врата междумирья. Светлые волхвы, охраняющие те врата, дабы закрыть межпланетную связь, вынули из врат все кристаллы Инглии. Они спрятали древние кристаллы-камни в недрах нашей планеты до нужного времени. Это было десятки тысяч лет назад...

Леля замолчала и, печально опустив голову, вздохнула. Мальчик, который весь рассказ матери не спускал с нее напряженного заинтересованного взора, тихо боязливо спросил:

– Матушка, а Темные Повелители и их воины до сих пор живут на нашей земле?

– Да, мой мальчик, – тихо ответила Леля. – Их Темные слуги живут среди нас, и их невозможно отличить от обычных людей. Многие заблудшие души Темные подчинили себе и сделали своими Темными воинами. На нашей многострадальной Мидгард Земле теперь они сеют войны и смерть и жаждут завладеть нашим миром и установить свою власть на всей Земле.

– Но отчего Светлые боги не убьют этих злых Темных? – спросил наивно мальчуган.

– Они не могут, мой мальчик, – с горечью произнесла Леля. – Ибо время Коварной Лисицы еще не вышло. И Светлые боги не имеют права открыто помогать нашим Светлым ведунам и волхвам. Иначе вновь начнется кровавая межзвездная война.

– Но когда же придет время?

– Наша Мидгард Земля расположена на рубеже, на границе между владениями тьмы и света. Сейчас наша планета находится в пространстве, где владычествуют Темные силы. Раз в три тысячи лет, Земля проходит этот опасный путь по Темному пространству вселенной. И по звездным древним законам светлым силам запрещено вмешиваться в то, что происходит нынче на нашей земле. В древней книге сказано, что лишь через три сотни лет придет нужное время. Тогда наша Земля войдет в светлое пространство, и Светлые боги смогут бороться с Темными с новой силой.

До этого же времени людям будут явлены: Великий Владыко и другие кристаллы Инглии, изъятые из древних врат междумирья светлыми волхвами и схороненные на нашей обширной земле. Только Светлым и добрым людям будут открыты места, где спрятаны эти древние самоцветы. Спустя сотни лет именно эти кристаллы Инглии, собранные воедино, смогут разрушить мрак, который охватит землю, и помогут найти путь к Вратам Миров. А до этого Светлого времени мы, стоящие за Светлыми волхвами, должны хранить наши тайные знания и не допустить, чтобы силы тьмы нашли кристаллы Инглии...

Кёнигсберг, подземелье кирхи на горе Кведнау,

тайное убежище Ордена иезуитов
1696 год (7204 лето С.М.З.Х)

Часы на башне пробили полночь, когда в мрачный каменный зал, освещенный горящими факелами, стремительно вошел монах в серой пыльной рясе. Капюшон на его голове полностью скрывал лицо. Монах приблизился к высокому трону, который был выдолблен в каменной стене округлой залы, и, скинув капюшон с головы, поклонился сухому дряхлому старику-карлику. Верховный, сидящий на троне, медленно поднял глаза и вперил в монаха свой белесый взор. По сторонам залы неподвижно, как каменные изваяния, стояли шесть братьев Ордена иезуитов в черных рясах, лики которых были скрыты капюшонами. Вошедший монах выдержал пронзительный взгляд Темного старика-карлика Верховного и проскрежетал неприятным голосом:

– Ваше святейшество, мы привезли самоцвет...

Ледяные глаза Верховного миг загорелись.

– Вам это удалось, сын мой? – произнес он. – Однако я предполагал, что Светлые более искусны в ратном деле. Где алмаз?

– Прошу вас, возьмите, – почтительно сказал монах, подходя к старику-карлику и протягивая белую свернутую материю.

Верховный очень медленно с некоторым благоговением взял из рук монаха завернутый самоцвет и проворно распахнул материю. Старик удивленно уставился на большой алмаз насыщенного темно-фиолетового цвета размером чуть более куриного яйца.

– Сын мой, но это не Великий Владыко! – прохрипел фальцетом старик Верховный.

– Но этот алмаз был у светлого мальчишки, когда я отыскал его в подземельях монастыря.

– Великий Владыко должен иметь светлый вид, словно капля росы, – процедил верховный. – Быть прозрачным и бесцветным. И лишь от преломлений того или иного света менять свой оттенок. А этот алмаз почти черный!

– Но, ваше святейшество, – невольно воскликнул монах, холодея от страха и ничего не понимая. – Это ведь тоже редкий воды алмаз. Его размер впечатляет. Никогда никто не находил подобного темно-фиолетового огромного драгоценного самоцвета и...

– Глупцы! – прорычал зло Верховный, и его зловещий голос разнесся по зале. – Светлые провели вас, как баранов! Да, этот алмаз уникален, я чувствую это! Но этот камень не Великий Владыко и оттого не может открыть звездные врата! Темный Повелитель будет недоволен, что мы до сих пор не отыскали Великого Владыку. И у нас нет ключа к вратам. Ты же знаешь, Лионель, что остались жалкие несколько веков, чтобы отыскать все звездные камни Инглии из древних врат, ибо через триста лет наша галактика переместится на Светлую сторону вселенной! И наша сила угаснет! Времени, отмеренного нам темным повелителем, все меньше. А мы топчемся на месте столько десятков лет! Лионель, я всегда был уверен в твоей преданности нашему ордену, но теперь вижу, что ты ни на что не годен!

– Я ничего не понимаю, – пролепетал монах Лионель, смертельно бледнея. – Не мог же мальчишка с такой сильной энергетикой появиться просто так? С ним должен был быть явлен и сильный древний амулет-камень, именно это написано в книге Светлых. Да и Светлые воины монастыря так яростно защищали мальчишку и этот фиолетовый алмаз. И почти все полегли в кровавой сечи от оружия наших братьев. Несколько дней мы искали светлых волхвов по подземельям. Зачем тогда они так яро пытались спасти мальчика и самоцвет? Ведь лишь одному старику-волхву удалось сбежать еще в начале битвы, а последний умер прямо у ног мальчишки, защищая его. Не может быть, чтобы Светлые не знали, что этот камень всего лишь безделушка, а не древний амулет!

– Все это лишь твои бредни, Лионель! А великого камня ты так и не нашел! – произнес зло Верховный и встал на ноги.

Лионель в страхе попятился и ощутил дуновение смерти. Старик-карлик вытянул руку вперед, и Лионель почувствовал, как его горло сковал железный давящий обруч энергии, не позволяя ему дышать.

– Но ваше святейшество, я долго следил за Светлыми. Они бы не стали обучать в своем тайном ведическом монастыре мальчишку, если бы он не был избранным витязем. А его избранность бы не подтверждалась этим темным фиолетовым самоцветом! – из последних сил выдохнул Лионель и схватился руками за горло, желая разжать невидимую удавку, которая душила его.

– Ты провалил порученное тебе дело и сейчас умрешь, – вынес вердикт Верховный, неумолимо напрягая руку.

– Позвольте сказать, ваше святейшество! – вдруг раздался позади Лионеля молодой голос, и в круглой зале появился невысокий худощавый монах в серой рясе.

– Что еще?! – процедил зло старик верховный, обратив злой взор на парня, который был без капюшона.

– Я могу доказать, что этот темно-фиолетовый алмаз так же важен, как и Великий Владыко, который мы ищем уже столько лет! – выпалил худощавый монах.

Старик напрягся и в следующий миг опустил руку. Лионель с грохотом упал на пол, пытаясь отдышаться.

– Говори, юнец! – приказал Верховный.

Молодой монах прошел в центр залы и быстро произнес:

– Мы были вместе с братом Лионелем в том монастыре Светлых. В то время пока он отважно сражался за камень, мне удалось хитростью проникнуть в одну из библиотек, которые располагаются в подвалах монастыря. Там я увидел старого слепого монаха, и он по наивности принял меня за одного из своих Светлых братьев. Я спросил его, где же Великий Владыко, и он подивился моей неосведомленности, сказав, что древний кристалл еще не явлен людям. Тогда я спросил его, отчего же тогда у стен монастыря битва и отчего Темные хотят захватить его? И он удивленно ответил мне, что в это время в монастыре есть некая Индиговая Звезда, фиолетовый алмаз, который тоже является древним амулетом, который так же должен быть в Звездных Вратах, как и Великий Владыко. Я не удержался и спросил, для чего нужна эта Индиговая Звезда? Только в этот момент слепой старик понял, что я не Светлый, ведь я очень много спрашивал того, что все тайные монахи и волхвы знают и так. Он сказал, что хоть он не видит, но чувствует, что я Темный, и прогнал, кинув в меня кинжал. Я успел увернуться от его смертоносного удара, и мне удалось связать старика. Я пытал его более часа, а потом убил, но он так и не сказал, зачем эта Индиговая Звезда явлена людям...

– Индиговая Звезда? – нахмурился Верховный и вновь распахнул ладонь, в которой сжимал большой фиолетовый алмаз.

– Я знаю, о чем говорил тот слепец! – вдруг выпалил Лионель, который уже отдышался и тяжело поднялся на ноги.

– О чем же? – холодно произнес старик Верховный и устремил свой инквизиторский взор на монаха Лионеля, на шее которого отчетливо виднелось темное пятно, удавка, оставленная невидимой энергией.

– В той древней книге Светлых, которую мы добыли, написано, что, кроме Великого Владыки, который открывает врата и путь в другие миры-планеты, есть темный кристалл-амулет, который этот путь закрывает. И имя ему Индиговая Звезда. Этот самоцвет так же важен. Поскольку, если после прохождения в другие миры врата не закрыть, вся энергия планеты выльется в бескрайнюю темную бездну вселенной. А когда иссякнет энергия, планета разорвется на множество осколков.

– Значит, этот темный фиолетовый алмаз вроде двери, закрывающей проход, – вымолвил пораженно Верховный. – Это объясняет, отчего светлые так сражались за индиговый самоцвет. Боятся, как бы их любимая Земля не погибла, – уже с сарказмом добавил Верховный.

– Еще одно! – воскликнул громко Лионель. Верховный вновь посмотрел на него. – Без этого камня, Индиговой Звезды, как мы теперь знаем, проход не может быть открыт. Дословно в книге сказано: «Великий Владыко откроет Звездные Врата, только если чувствует, что ниже него в основании врат зияет Индиговая Звезда, дабы уберечь планету от неосознанной гибели».

– Хм, эти хитрые штуки Светлых, прямо сказать, мне уже надоели. Все у них как-то сложно, – прокряхтел верховный и сел в свое каменное кресло. Он начал внимательно рассматривать темно-фиолетовый камень, как будто пытаясь прочесть в нем что-то. – Что еще написано об этой Индиговой Звезде в древних манускриптах? – спросил верховный у Лионеля.

– Мне удалось расшифровать только одну главу книги Светлых за три года. Шифровка очень сложна и требует множественных подсчетов. Из этой главы я лишь понял, что в этом камне заключена тайная большая сила. Но самое главное, что он, как и Великий Владыко, может освящать другие камни. Не так сильно, разумеется, как прозрачный великий алмаз, но все же достаточно, чтобы освященные самоцветы получили нужную энергию.

– И что нам от этого? – без эмоций произнес Верховный.

– Мы сможем освятить им один из самоцветов, влив с помощью Индиговой Звезды в него потоки черной энергии. А затем подарим этот самоцвет нужному человеку, и тогда он невольно и неосознанно будет исполнять нашу волю, ибо мы сможем им управлять.

– Да, ты прав, Лионель, – кивнул верховный. – Я знаю, что камень Светлых может служить Темной энергии, если верно применить к нему определенное заклятие.

– И я про это говорю, ваше святейшество! – воскликнул Лионель. – Например, мы сможем принести в дар такой перстень с заговоренным самоцветом царю Руси Петру! И будем управлять им!

– Это весьма кстати, – поморщился Верховный. – Этот царский сосунок нам еще пригодится. Мы не можем допустить, чтобы эта ледяная империя продолжала свое владычество в мире и была могущественной и сильной. Надо лишить их флота, армии, вольной жизни, наконец, их наследственной памяти о былом величии их Светлых предков! Хватит им господствовать над другими и указывать всем! Оттого мы должны завладеть сознанием и волей царя Петра, чтобы управлять Московией! Ибо Темный Повелитель желает этого! Лионель займись изучением этой Индиговой Звезды и подготовь нужный самоцвет. Через месяц я постараюсь через подвластного нам посла передать драгоценность в дар царю Петру, и тогда мы умолим Темного Повелителя.

– Слушаюсь, ваше святейшество, – кивнул Лионель.

– И продолжайте искать великий алмаз Владыку.

– Слушаюсь, – поклонился вновь Лионель. – Ваше святейшество, а что делать с мальчишкой, которого я привез из северного монастыря Светлых и который владел Индиговой Звездой?

– Ты что, не уничтожил его? – опешил Верховный. – Ты, видимо, решил сегодня испытать мое терпение?

– Энергия мальчишки почти одиннадцать светинов! – воскликнул Лионель. – И это уникально! Вы же знаете, что у самых совершенных магов бывает не более семи. К тому же его аура светло-фиолетовая, из линейки синей. Это дает нам надежду на то, что мы сможем воспитать из него Темного воина. Поскольку фиолетовый цвет состоит из синего, тьмы, и красного, света. Оттого он может быть как Светлым, так и Темным воином. В умелых руках и при нужном воспитании мальчишка сможет стать совершенным витязем. И служить нашему делу. Я смогу вырастить из него самого сильного и могущественного витязя тьмы, подобного которому еще никогда не было рождено на этой земле. Ибо его энергетический потенциал просто невероятен! И тем самым мы посмеемся над Светлыми. Мы покажем им, что их светлый выродок

стал одним из нас и служит отныне Темному Повелителю. Вот это осознание будет ударом для светлых! Потому что они явно готовили его для борьбы с нами. А вскоре он будет воевать против Светлых!

– Ты слишком хитер, Лионель. Я в тебе не ошибся, – кивнул довольно Верховный. – Не зря я сам обучал тебя. Так и быть, оставь мальчишку жить, раз думаешь, что сможешь переделать его. Только сам возмись за его воспитание.

– Слушаюсь, ваше святейшество.

– Но что ты намерен сделать с его воспоминаниями? Наверняка светлые уже забили много чем его голову.

– Вы правы, ваше святейшество, – согласился Лионель. – Но я заставлю его забыть все свое прошлое. Ему всего шесть лет, и это немного. Вряд ли Светлые смогли многому научить его. Все-таки в монастыре он пробыл всего полгода. Гипноз и внушение сделают свое дело. Я сотру все воспоминания из его мыслей, и он забудет прошлое. А позже я внушу, что он всегда был одним из нас, Темных. На его руке есть родимое пятно в виде равноконечного креста, что подтверждает его уникальность и избранность у Света. Я выжгу на его руке клеймо в виде длинной линии и продолжу один из концов креста. И тогда крест станет не равноконечным, и тем самым его оберег потеряет свое влияние на мальчишку. И этот амулет на его руке будет подавлять его Светлые мысли.

– Весьма умно, сын мой. Но сначала тебе надобно сломить волю мальчишки. Ибо Светлые волхвы, вероятно, уже научили его внутренней силе и стойкости. Думаю, тебе необходимо посадить сопляка в темный подвал с крысами и не кормить его неделку. А потом давать лишь хлеб и воду. Думаю, после пары недель он поймет, что единственное его спасение – слушать нас и подчиняться. И когда его энергия уже будет низка, а дух окончательно сломлен, займись его воспитанием.

– Да, ваше святейшество, именно так я и сделаю.

Студёное море, Соловецкие острова,
тайный скит Светлых
1697 год (7205 С.М.З.Х)

– Братья мои, мы не можем оставить все как есть, – тихо произнес невысокий старец-славянин с окладистой седой бородой и ясными голубыми глазами. Пронзительным печальным взором он окинул трех других собратьев, которые сидели на лавках в небольшой узкой келье.

– Но что мы можем теперь? – заметил горестно волхв Ирислав.

– Надо что-то предпринять! Темные растерзали своими жестокими воинами более сотни наших братьев и сынов, спалили всю нашу древнюю библиотеку, и Индиговая Звезда у них. А мальчик... он вообще потерян для нас, – добавил тяжело голубоглазый волхв Милогор.

– Да, мы ошиблись пять лет назад. И Темным удалось захватить первую часть летописи Светлых богов, благодаря изучению которой они смогли узнать о мальчике, его даре и Индиговой Звезде. Потому наше пристанище в тайном монастыре подверглось нападению. Но более нельзя этого допускать, – вздохнул волхв Ирислав.

– Но Темные так и не нашли вторую и третью части нашей древней летописи Светлых, оттого и спалили наши книги. И теперь стало ясно, что мы надежно спрятали остальные книги древнего великого предания ариев в тайных надежных местах, – сказал третий старец, ведун Валамир, самый молодой из них, так как ему было всего семьдесят шесть лет. – И есть надежда на то, что темным не удастся разгадать все древние пророчества и найти местонахождение древних врат.

– Но Темные знают о вратах междумирья, о Великом Владыке и древних кристаллах Инглии. И в данный миг рыщут по всему свету, пытаясь найти их все, чтобы заполнить путь

к другим мирам-землям, – констатировал факт волхв Милогор и печально добавил: – И это удручает меня последние четыреста три дня, с той темной ночи, когда они убили славного мудрого Светозара и украли его малыша Владимира...

– Владыко Лучезар, вы молчите? – обратился ведун Валамир к дряхлому сухому старцу, который был самым старшим из всех, поскольку уже шагнул годами в свое второе столетие.

– Что мне сказать, дети мои? – глухо произнес Лучезар. Его голос был необычно молод для такого старого человека. – Лишь я виноват во всем. Все же именно я отдал из своих рук мальчика Темным.

– Но у вас не было другого выхода, владыко Лучезар, – с почтением заметил волхв Ирислав. – Ведь в тот страшный миг Светлые владыки послали вам откровение о том, что вы должны отдать мальчика темным, чтобы спасти его? Иначе бы его убили! Разве это было не так?

– Так и было. Мне незачем врать, ибо вы знаете, за ложь мой язык может отсохнуть, – просто сказал волхв Лучезар. – Но что далее? Я чувствую, что Темные хотят использовать мальчика в своих гнусных целях.

– Уже используют, – ответил волхв Милогор. – Мне стало известно, что нынче его обучают черной магии, боевым искусствам, многим языкам. Я не знаю как, но, возможно, они используют гипноз или внушение, или другие силы, чтобы убить его Светлую волю, но в настоящее время мальчик беспрекословно подчиняется им, Темным, и, видимо, мы потеряли его навсегда, как и Индиговую Звезду...

– Отчаяние не удел сильных духом, сын мой, – напомнил владыко Лучезар. – Мы не должны опускать руки. Мы обязаны бороться, стремиться к победе, так заповедовали наши Светлые предки. Надо отвоевать свое право вершить на нашей любимой Земле Светлые дела. Мы должны искать новый путь и действовать! Как раз это на днях мне поведали Светлые владыки.

– У вас вновь было откровение, владыко Лучезар? – благоговейно спросил ведун Валамир. – Что же вы видели, расскажите, прошу вас!

Старый волхв долго молчал и смотрел в одну точку перед собой. Вдруг Лучезар как будто опомнился и медленно тихо произнес:

– Наши Светлые отцы, которые любят нас, тоже опечалены, что мы проиграли в той кровавой битве в монастыре. Они поведали мне, что благодаря тому, что Темные витязи завладели Индиговой Звездой, им удалось подчинить волю государя Петра Алексеевича. Не иначе как под их влиянием он повелел перейти в скором времени на этот кривой Юлианский календарь, выдуманный недалекими людьми, и забыть наш славный древний календарь Асов, которому более семи тысяч лет и который писали наши великие предки, обладавшие тайными ведическими знаниями законов вселенной. В эту пору, управляя царем, Темные готовят еще более гадкие законы в Московии, чтобы уничтожить, унижить наш народ, заставить его страдать.

– Мы не можем допустить этого! – порывисто произнес ведун Валамир.

– Подождите, брат мой, пусть владыко Лучезар расскажет все до конца, – успокоил его по-доброму волхв Мелигор.

– Простите меня, владыко, продолжайте, прошу вас, – кивнул Валамир.

– Светлые владыки поведали мне, что еще не все потеряно, – продолжал уже более бодрым тоном Лучезар. – И мы должны бороться, как я и сказал. Они указали мне на Светлый град Тобольск в Великой Тартарии и открыли, что как раз там должен родиться новый великий витязь. Это написано в третьей древней летописи ариев, в четвертом предсказании, над которым мы так долго бились.

– О какое великое откровение, владыко Лучезар! Именно это предсказание оказалось для нас самым трудным, и мы никак не могли разгадать его. Но теперь все понятно! – сказал Валамир.

– В тех местах, в окрестностях Тобольска, живет некая дева. Дочь ведуна, – продолжал Лучезар очень тихо. – Ее чистота несомненна, ибо до седьмого колена женщины ее рода вели праведную жизнь, вступали девственными в союз с мужами, были верны своим суженым всю жизнь и творили добро. Они все были потомственными целительницами. Светлые владыки подсказали нам, что следует найти эту деву. В данное время она готовится заключить союз с неким кузнецом Романом. Оттого мы должны тайно отправиться в Тобольск и помочь деве зачать Светлого витязя. В наших силах открыть небеса, чтобы в ее лоно спустилась древняя Светлая душа. Так будет явлен миру новый Светлый витязь, только он, по пророчествам Светлых отцов, и сможет остановить зло, которое уже подняло голову и творит свои козни на нашей многострадальной земле.

– А самоцвет? Ведь с сильным Светлым витязем должен быть явлен камень! – не удержался от вопроса волхв Милогор.

– Великий владыко будет наконец явлен людям непосредственно там, – выдохнул Лучезар.

– О Светлый Свет! – воскликнул благоговейно Ирислав. – Но Темные тоже могут узнать о том.

– Да, собственно, об этом и предостерегли меня Светлые владыки. Они поручили нам оберегать как зеницу ока эти новые дары, которые будут явлены и помогут освободить мир от зла.

– Какая светлая надежда! – заметил Милогор. – Это воистину истинный дар наших Светлых отцов!

– Но есть некая печаль во всем этом, – добавил Лучезар.

– Что же это?

– Светлые владыки сказали мне, что более не могут посылать мне откровения. Поскольку вы знаете, что ныне наша звездная галактика находится на темной стороне Вселенной, которая подвластна силам тьмы. А по древним законам перемирия в это время светлые отцы не могут помогать нам. Темные уже и так недовольны тем, что Светлые втайне посылают мне откровения. И может быть нарушен древний союз мира, который заключали наши предки арии с темным миром. Оттого отныне мы должны бороться сами, до того времени пока наша галактика не окажется в светлом пространстве Вселенной, подвластном силам Света, но это будет только через триста лет. А до этого времени мы должны уберечь врата междумирья и кристаллы Инглии от Темных.

– Но это печально, владыко, – вздохнул Ирислав.

– Да, – вымолвил, вздохнув, Лучезар, – Но Светлые отцы поведали мне, что лишь однажды они вновь смогут помочь нам и наставить нас на нужный путь. Но всего лишь однажды. И это должно быть в очень трудный час для нас. Ибо, как я и сказал, мы должны сами бороться за наш Светлый мир, именно в этом наше предназначение...

Примечание автора:

Территория государства, где происходят события романа, указано автором в двух вариантах:

Русское царство – по данным официальной истории (многие исторические факты которой выдуманы немецкими историками в угоду династии Романовых).

Московская Таргария – название государства взято из альтернативных источников информации о реальной истории Руси и мира, которых в наше время великое множество и которые являются истинным знанием.

Уточнение автора:

Тартария – великая империя людей белой расы, существовавшая на территории Евразии с V века до н.э. и до начала XIX век н.э., большая часть населения которой жила по ведическим законам предков славяно-арийцев.

Империя Тартария занимала огромное пространство от Карпат до Тихого океана и от Северного ледовитого океана до океана Индийского. Тартарская Империя включала в себя множество царств, государств и ханств: Великую Тартарию, Московскую Тартарию, Вольную Тартарию, Малую Тартарию и т.д.

Дословно Тартария переводиться как земля Тарха и Тары – Светлых богов славяно-ариев.

В дальнейшем автор будет давать два названия территории и читатель в праве выбрать то, которое ему по душе.

С.З.М.Х – летоисчисление славян, существовало на Руси официально до 1700 года и негласно до XIX века.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Хранитель Сибири

Если свет хочет бороться с тьмой,
То он должен быть жестоким...

С. Лукьяненко

Глава I. Могучий Тобол

Северная Европа, 1706 год
(7214 лето С.М.З.Х)

– Ваше святейшество, наши братья обнаружили необъяснимый яркий поток энергии в русской Сибири недалеко от Рифейских гор.

– Очередной самоцвет? – спросил Верховный.

– Да, святейший. Однако энергия камня так велика, что ранее мы никогда не видели ничего подобного, – ответил Лионель.

– И насколько он ярок? – проскрежетал Верховный.

– В несколько раз сильнее, чем Индиговая Звезда, которую мы отвоевали девять лет назад.

– Великий владыко, – затрясшимися губами проскрежетал Верховный.

– Мы тоже так думаем, – кивнул монах Лионель.

– Наконец-то! – воскликнул Верховный восторженно. – Теперь у нас будет ключ к вратам междумирья. Место откуда идет энергия?

– Золотые рудники в низовье могучего Тобола.

– А мальчишка? Он есть?

– Да, ваше святейшество. Мы отыскали его. Ведь вы сказали, что камень будет явлен, как и Индиговая Звезда рядом с юным витязем.

– И каков он?

– Наш брат Бертран только что вернулся из Тобольска. Он докладывает, что энергетика мальчика более двенадцати светин.

– Более дюжины? – опешил Верховный, прекрасно зная, что у обычных людей энергия колеблется от одного до трех светин. Лишь у самых совершенных людей она может достигать семи. У него самого энергия находилась в промежутке от восьми до девяти, но только из-за того что свои семь светин он увеличивал древними амулетами, которые постоянно носил на своем теле. – Не может того быть, – наконец выдохнул карлик-Верховный. – Даже у Кристиана одиннадцать!

– Брат Бертран заявляет, что его амулет-измеритель показал даже более дюжины, но насколько больше, неведомо. Все-таки более двенадцати светин мы не в силах измерить амулетом.

Верховный долго молчал, обдумывая что-то, и его силуэт превратился почти в каменное недвижимое изваяние. Монах Лионель почтительно молчал, ожидая.

– Расскажи подробнее про мальчишку, – приказал глухо Верховный, устремив пронзительный испепеляющий взгляд на монаха. Лионель тут же опустил глаза, потому что ощутил, как мутный неприятный взгляд Верховного прожигает его радужную оболочку.

– Мальчику семь лет, его имя Ярослав Устинов. Его отец – вольный кузнец в селе Милутово, что под Тобольском. У мальчишки есть еще мать и родная сестра. Аура мальчишки имеет

золотистый оттенок, почти белый, очень искрящийся. Он светло-русый, цвет глаз желтый. На правой руке у него есть родимое пятно в виде круга с изрезанными краями.

– Знак солнца, – произнес Верховный.

– Его родной дед некогда служил на том золотым прииске, где явился Великий Владыко Инглии.

– И камень будет отдан в дар Светлому мальчишке, – проскрежетал Верховный.

– Брат Бертран доложил также, что через месяц мальчик покинет Тобольск и уедет куда-то на север. Это держится в строжайшей тайне, но брату Бертрану удалось выведать, что куда-то под Архангельск.

– Все ясно. Светлые растят еще одного витязя. И в сию пору, когда великий кристалл Инглии проявил свою силу, они хотят отдать мальчишку на обучение к своим волхвам. Но это все зря, – добавил Верховный и жутко рассмеялся. – Лионель, повелеваю тебе немедленно следовать в Тобольск и добыть Великого Владыку. Возьми с собой Кристиана, с ним ты быстро разыщешь священный алмаз. Да, и еще. Захвати с собой брата Бертрана. Он поможет тебе разделаться с семьей мальчишки.

– Мы должны убить всех? – спросил глухо Лионель.

– Естественно, как и всегда, – безразлично пожал плечами Верховный. – Уничтожить всех: его родителей и сестру, а так же тех, кто помешает вам.

– А мальчик? Его доставить сюда, как и камень?

– Мне нужен только Великий Владыко! Мальчишку убрать из жизни непременно.

– Но я предполагал, что, как и Кристиана, мы заберем парня себе.

– Не сравнивай. Ты же знаешь, отчего мы оставили Криса себе. Его аура была светло-фиолетовой. И при определенном воспитании, обучении и тренировках она может как просветлеть, так и стать темнее. Как ты и предрекал, под твоим надзором и воспитанием аура Кристиана теперь стала гораздо темнее. Что подтверждает и выдает в нем воина тьмы. Да он родился Светлым, но не до конца сформировался, оттого мы смогли сделать из него своего Темного витязя. Ты же все это знаешь.

– Но к этому Светлому мальчишке из Тобольска тоже можно применить гипноз и амулеты.

– Нет. Это исключено, – отрезал Верховный. – Его аура уже светла до искр, ты сам сказал. Значит, на нашу сторону он никогда не встанет. Его глаза цвета солнца, а это значит, что его воля невероятно сильна, и сломить его не удастся. С ним нельзя бороться или перевоспитать. Его можно только физически убрать из нашего мира, пока он не достиг совершенства. И медлить нельзя. Ты понял меня?

– Да, – кивнул монах Лионель.

– Кристиан поможет тебе. И, Лионель, поручи Кристиану что-нибудь. Пусть тоже проявит себя. Он заявил, что уже готов к служению. Вот пусть и докажет. Поручи ему что-нибудь крайне мерзкое, – гадко добавил Верховный. – К примеру, расправиться с наиболее беззащитным. Проверим, стал ли он одним из нас, или в нем еще есть Свет.

– Повинуюсь, ваше святейшество.

Русское царство, Тобольск, 1706 год
(Великая Тартария, Тобольск, 7214 лето С.М.З.Х)
Август, 16.

– Ярик, ты спишь? – произнес звонкий голосок, и светловолосая головка Светославы просунулась в дверной проем. Сумерки уже спустились на окраину пустынного села и было очень тихо.

– Нет, Слава, заходи, – кивнул Ярослав и сел на кровати.

Девочка, босая и простоволосая, быстро прошла в маленькую горницу и взобралась на широкий подоконник у распахнутого окна. Усевшись, она поджала свои худенькие коленки к груди и, печально смотря на брата, тихо вымолвила:

– Так жаль, что ты скоро уедешь. С кем я буду играть? И в лес ходить?

– Я не могу иначе. Так должно быть, – ответил тихо мальчуган, с любовью смотря на сестру.

– Мы родились в один день, Ярик. Ты для меня самый родной человек после матушки, пойми, – несчастно сказала девочка. – Я не могу спокойно уснуть с тех пор, как батюшка сказал, что ты должен уехать на учебу в этот монастырь.

– Тише, Слава! – воскликнул Ярослав. – Ты же помнишь, что это тайна. Отец будет недоволен, если узнает, что ты выболтала ее своим подружкам.

– Да кому я расскажу? – печально заметила Слава. – У меня и подруг-то нет. Все деревенские девки боятся меня.

– А я предупреждал тебя, милая сестрица, не показывай то, что ты умеешь, – по-взрослому произнес мальчик. – Ты же помнишь, чему учит нас матушка. Мы должны скрывать ото всех свои умения, иначе люди скажут, что мы колдуны.

– А мы колдуны? – удивилась Слава.

– Да, но только Светлые. А Светлые колдуны называются ведунами и ведьмами.

– А какая разница?

– Отец сказывал, что колдуны и жрецы служат силам тьмы. А мы, Слава, на стороне Света. Волхвы, ведуны и ведьмы, они ворожат и воюют с Темными, чтобы на земле был мир, жизнь, спокойствие и Свет.

– Но зачем Светлым биться с Темными, Ярик? – наивно спросила девочка. – Надо просто не раздражать Темных и все. И они не будут считать нас своими врагами.

– И отдать нашу Землю им во владение? А далее смотреть на то, как они мучают и убивают невинных, делают рабами целые народы и государства? Если Темные поймут, что мы, силы Света, отступились от борьбы, они восторжествуют! И вмиг превратят нашу любимую землю в пепелище и могилу! Неужели ты не понимаешь этого, сестрица? Наше предназначение в том, чтобы биться до последней капли крови с Темными, пойми!

– И мы тоже будем биться? – воодушевленно спросила Слава.

Она любила говорить с братом. Так как Ярослав большую часть времени проводил рядом с отцом, который ему рассказывал много интересного и необычного, обучая его всем навыкам и умениям. Слава же постоянно находилась при матери, Мирославе. Матушка показывала девочке, как варить снадобья, как лечить животных и ухаживать за растениями и цветами. Славе нравились все эти премудрости, которым обучала ее матушка, и она с удовольствием запоминала новые лечебные заговоры и узнавала от Мирославы, как устроены живые существа и растения. Но все же отец, мало говоривший с дочерью, всегда рассказывал Ярику увлекательные таинственные вещи и захватывающие истории, которые потом по обрывкам узнавала Слава от брата.

– Нет, Слава, мы еще слишком малы. Но, когда вырасту, я стану совершенным Светлым витязем, так сказал батюшка. Потому я еду в тот монастырь с отцом. Чтобы научиться всему, что должен уметь. Ибо волхвы прислали полярную сову, которая принесла весть о том, что пришло время и найден древний камень-амулет...

Тут протяжно завyla собака, и мальчик испуганно замолчал.

– Камень? – спросила девочка шепотом, замирая.

– Прости, Слава, я не должен был говорить это тебе. Отец запретил мне.

– Но, Ярик, я тоже хочу знать! – насупилась девочка и спустила ножки с подоконника. – Отчего батюшка все рассказывает только тебе?

– Оттого, милая сестрица, что, когда много знаешь, это очень опасно. Батюшка лишь бережет тебя от зла. Он очень любит тебя, – мальчик чуть помолчал и вдруг воскликнул: – А знаешь, я хотел показать тебе одну вещь. Вчера я научился этому, и батюшка похвалил меня. Хочешь?

– Конечно, – закивала Слава. Ярослав немедля встал с кровати и босой остался на полу. Он вытянул руку вперед и направил ее на небольшой сундук, стоявший напротив. Замерев, он устремил взор на крышку, и уже через миг сундук начал медленно двигаться вбок. Слава тоже вскочила на ножки.

– Я могу и сильнее, – бросил Ярик и чуть повернул руку. Сундук стремительно подвинулся к противоположной стене и ударился о нее.

– Как чудесно, Ярик! – воскликнула девочка воодушевленно. – Ты точно станешь сильным витязем, я даже не сомневаюсь, – похвалила она брата, улыбаясь ему. В следующий момент ее личико омрачилось, и она тихо заметила: – А я только мышей да кротов лечить умею.

– Не говори так, сестрица! – вымолвил Ярик. Подошел к ней и обнял. Мальчик хоть и был рожден в один день с сестрой, был выше девочки на целую голову. – Отец сказывал, что ты тоже обладаешь великим даром. Матушка постепенно научит тебя всему, что знает сама. И ты станешь мудрой знахаркой и сможешь исцелять все болезни. Это только сначала мыши, а потом ты сможешь лечить и людей.

– Ты так думаешь? – спросила Слава и подняла на брата хорошенькое личико с пронзительными золотыми глазами.

– Отец сказал, что так и будет, и я верю ему. Он многое знает.

Дети вновь обнялись и долго стояли так в объятиях друг друга. Через какое-то время Слава чуть отстранилась от брата и, нахмурившись, произнесла:

– Знаешь, в последние дни я чувствую нечто странное.

– Что же? – уточнил мальчик.

– Иногда меня словно охватывает леденящий ужас. А сегодня особенно. Я постоянно его чувствую. Да и сейчас очень жутко. Я даже заснуть не смогла. И кажется мне, будто скоро случится что-то ужасное.

Ярослав проворно отстранился от сестры и, вытянув руку вперед, прикрыл глаза. Минуту он стоял, замерев, пытаясь что-то прочесть в окружающей их тишине. А потом вдруг резко распахнул глаза и выдохнул:

– Ты права, сестрица. Это зло. Оно идет с запада. Их трое. Их ауры темны, как ночь. Они направляются сюда и скоро будут здесь.

– Зло? Это люди? – испуганно пролепетала девчушка.

– Я не знаю. Чувствую только Темный свет, который исходит от них. Один из них светится ярко-фиолетовым отсветом.

– Ужас, – вымолвила Слава. – Надо разбудить родителей! Пойдем, Ярослав!

Выпалив это, девочка побежала прочь из горницы, босая, в одной рубашке. Ярослав устремился к своим порткам и, быстро надев их, побежал вслед за сестрой.

Уже через четверть часа Роман Устинов, отец Ярика и Славы, был полностью одет и торопливо натягивал на свое натруженное тело кольчужный доспех, хмуро поглядывая на жену Мирославу, которая возилась у кровати.

– Мира, я же велел живее! – укоряюще произнес он, обращаясь к жене. Мирослава пыталась заплести светлую косу, длиной почти до пола. – Бери детей, дар отца и к колодцу! Они близко. Ярослав же сказал – они уже в селении.

В этот момент в комнату влетели Ярослав и Слава. Мальчик был одет в простую подпоясанную рубаху, сапоги и штаны, а Слава в сарафан и вышитую рубашку. Мирослава, наконец, справилась с косой и обернулась к детям.

– Слава, ты боса? Я же велела надеть лапти! – выпалила, нахмурившись, Мира.

– Ох, матушка, простите, я так торопилась, что позабыла.

– Нет времени! – воскликнул Роман, проворно закрыв на поясе последний замок перевязи. – Пусть идет так.

Мира схватила со стола черный мешочек и, закрепив его веревкой на запястье, устремила взгляд на мужа.

– Увидимся позже? – с любовью произнесла она. Роман на мгновение отвлекся от своей португеи и палаша, которые крепил к поясу, и, бросив на жену полный любви взор, приблизился к ней и обнял.

– Непременно, мой цветочек, – проворковал он, целуя ее в щеку.

Устинов быстро отстранился от жены и подошел к детям. Славу он поцеловал в макушку, а сына потрепал по плечу. Печально улыгнувшись, он властно сказал:

– Быстрее бегите. Я задержу их. Позже я найду вас.

– Будь осторожен, – пролепетала с горечью Мирослава.

– Отец, их энергия очень сильна, – заметил вдруг мальчик. – Ты не справишься один. Позволь я останусь с тобой!

– Что еще удумал? – пророкотал Роман, распахивая дверцы шкафа. – Я же не желторотый юнец. Ступай с матерью, это приказ. Я найду вас в колодце. Все, идите!

Ярику не понравились слова отца, но он не посмел ослушаться и приблизился к шкафу. Мальчик вошел внутрь и исчез в потайном ходе. Мира, схватив Славу за руку и увлекая ее за собой, лишь на секунду бросила любовный взор на мужа, Взгляд Романа, направленный на них, излучал добро и любовь. Поджав губы, Мира устремила с дочерью вслед за сыном в темный проход.

Едва Устинов закрыл за родными потайную дверь шкафа, как снизу раздался сильный грохот. Он понял, что незваные гости выбили дверь. Роман потушил свечу и быстро вышел из спальни. Тихо ступая, он приблизился к деревянной винтовой лестнице и чуть свесился вниз. Сверху он увидел куски разбитой входной двери, разбросанные по полу. Вокруг стояла гробовая тишина, и никого не было видно. Устинов медленно тихо спустился вниз по темной лестнице и направился к приоткрытой двери в горницу. Уже через миг он увидел трех монахов в темных сутанах, стоявших к нему спиной. Один из них был высок, как раз он вдруг по-немецки произнес:

– Камня здесь нет. Его унесла женщина со светлой аурой. Сейчас она с детьми в поле.

– Ясно, Крис. За ней, – велел тут же второй, стоявший посередине.

Монахи медленно повернулись. Их головы скрывали просторные капюшоны, а на лицах были маски до подбородка.

– Сначала гостей принимает хозяин дома, – глухо пророкотал Устинов по-русски, прекрасно поняв, о чем говорили монахи. Он стремительно вытащил из ножен палаш и встал в боевой стойке в проходе.

– Тогда ты будешь первым, Светлый выродок, – вынес приговор Лионель на ломаном русском.

Быстрым движением монах распахнул сутану и обнажил свою шпагу с пламенеющим неровным клинком. Он был одет в кожаные штаны и короткую куртку из твердой кожи. Лионель бросился на Романа, который в ответ отразил его смертельный удар холодного оружия. Устинов вмиг сконцентрировал энергию и создал вокруг себя оградительный светлый кокон, охраняющий его тело. Лишь его рука с оружием была снаружи кокона. Лионель зло оскалился и тоже сотворил вокруг себя темно-коричневый ареол, целясь в руку Романа и намереваясь отрубить ее.

Мира с детьми почти достигла леса, когда Ярослав неожиданно взбунтовался.

– Матушка, я вернусь к отцу. Поймите, я нужен ему! – воскликнул мальчик, вырывая руку из нежной ладони матери.

– Прекрати, Ярик! – выпалила нервно Мирослава. – Отец же велел тебе идти с нами. Нам надо схорониться в тайном колодце, это наше спасение.

Но Ярослав отбежал от матери и бегом устремился назад.

– Без меня его убьют, я знаю! – не оборачиваясь, заявил мальчик, убегая от них в сторону дома. Мирослава тут же инстинктивно устремилась вслед за сыном, но вдруг осознала, что ее руку сжимает маленькая ладошка дочери. Увидев, что мальчик уже в полусотне шагов от них, Мира устремила пронзительный взор на девочку.

– Слава, ты помнишь, где колодец?

– Да, матушка, – кивнула девочка.

– Беги одна. Спускайся в колодец в самый низ, как я учила. Я поймаю Ярика, и мы придем к тебе. Ты поняла?

– Нет, матушка, я боюсь одна, – испуганно залепетала девочка, но, увидев на лице матери жестокую муку и то, как она затравленно оглядывалась в сторону, куда убежал мальчик, тихо вымолвила: – Хорошо, матушка, я одна. Верните Ярика...

Девочка отпустила руку матушки и неуверенно пошла вперед в направлении леса.

– Беги, милая! – крикнула ей Мира и бросилась обратно за сыном.

Так и оглядываясь назад, на удаляющуюся матушку, девочка устремилась в сторону темной лесной чащи, ощущая, как на ее глаза наворачиваются слезы.

Высоко поднимая юбку широкого темного сарафана, Мирослава бежала по полю, не разбирая дороги. Она ясно видела худую невысокую фигуру сына. Он был еще далеко от нее. Но Мирослава, сцепив зубы от жуткого тревожного чувства, бежала вслед за ним, прибавляя и прибавляя ход. Лишь одна мысль терзала ее существо – догнать беглеца и даже силой увести сына в безопасное место. Ее дикий взор не отрывался от мальчика.

Когда Ярик достиг окраины селенья, что-то вдруг щелкнуло в сознании Миры. Она замерла как вкопанная, и ее пронзила мысль о том, что у нее в руках священный камень. Бросив затравленный ошарашенный взор на черный мешочек, где лежал Великий Владыко, она осознала, что не может более бежать за сыном. Ведь если она приблизится к дому, где в настоящее время находятся враги, древний оберег может попасть в руки Темных. А это было до того страшно и жутко, что Мира похолодела. Если Темные завладеют Светлым Великим Владыкой, то все живое на Земле подвергнется опасности. Она отчетливо ведала, какую тайную великую силу таил в себе этот прозрачный алмаз. Только с ним Светлые волхвы могли одолеть зло, которое теперь стремительно распространялось по миру.

Жутковатым болезненным взором Мира отметила, как Ярик скрылся за дворовой калиткой, и ощутила, как ее сердце, обливаясь кровью, сжалось от смертельного ледящего чувства. Даже жизнь ее сына не стоила того, чтобы отдать камень Темным. Она прекрасно понимала, что если погибнет ее горячо любимый Ярик, от боли и тоски иссохнет только она. Но если Светлым кристаллом Инглии завладеют Темные, то кровь невинных реками польется по всей земле. И ради Света она готова была принести в жертву свое обожаемое чадо.

Она знала – уже многие века идет противостояние между Светлыми и Темными силами, перед великим переходом планеты и галактики в светлое пространство Вселенной. Оттого нынче Темные силы не боялись открыто творить зло, стараясь изо всех сил завладеть как можно большим числом древних кристаллов Инглии, чтобы до Светлого времени перехода найти врата междумирья.

Неведомо сколько Мирослава стояла так. Жуткие травящие душу думы бродили в ее голове. Она боялась отпустить Ярика от себя, но не могла сдвинуться с места. От сильного напряжения в ее горле лопнул кровеносный сосуд. Она сглотнула соленую кровь. В этот миг она увидела, как из ворот показалась сухая фигура монаха в черном одеянии, с серой аурой.

Поняв, что это один из Темных, Мирослава, заглушая в своем сознании страшные мысли о том, что же происходило сейчас в ее доме, дернулась с места и побежала обратно в сторону леса. Камень надо было немедленно спрятать. Она надеялась, что Слава уже в колодце, и собиралась как можно скорее спуститься к дочери.

Кристиан стоял сбоку у печи, бледный как полотно. Это было его первое задание, порученное Верховным. И шестнадцатилетний юноша очень хотел показать всем, чему научился за последние девять лет, с того момента как попал к братьям. Он жаждал поехать сюда, в эту далекую северную страну, но в настоящее время отчего-то его существо испытывало терзания. Отчего-то в его душе нарастало негодование. Ибо он видел, что русский, который теперь не выпускал их из своего деревянного дома, был один, а монахов двое. И это несправедливо. Но Кристиан всеми силами гнал из своего сознания эти мысли. Он внушал себе, что перед ними враг и его надо убить, именно так говорил им Верховный.

Лионель бросился на русского, нанес очередной смертельный удар, и Светлый воин, который почти на голову был выше противника, умело отразил выпад монаха. В следующий миг взор Кристиана заволокла странная дымка, и как будто во сне или в мираже юноша увидел странную картину. Видение показало ему другую битву между двумя мужчинами. Одним из них оказался Лионель, но монах был с редкими темными волосами, а не лыс, как сейчас. Его противник – высокий широкоплечий мужчина в светлой одежде с вышитыми красными узорами, – ловко орудуя мощной шпагой, отражал смертоносные удары Лионеля. Мужчина имел темно-русые густые волосы, широкоскулое, грозное лицо и выразительные глаза. Кристиан видел, что аура мужчины светло-лиловая, а аура Лионеля темно-зеленая. Неожиданно картина перед взором Кристиана сменилась, и он увидел, как Лионель добивает ножом того же темно-русого воина, уже лежащего на земле. Юноша явственно различил, как душа воина, светлая и искрящаяся, медленно вылетела из тела.

Через мгновение окрик-приказ Лионеля вывел Кристиана из этого видения:

– Бертран, Крис, идите за бабой. Найдите камень!

Лионель отбросил русского к стене, и Бертран немедля устремился к выходу. Устинов зарычал, словно медведь, придавая своим гортанным голосом силу своему телу. Быстро выпрямившись, русский умело нанес опасный мощный удар и ранил Лионеля в ногу, пробив энергетической силой его защитный кокон. Монах болезненно взвыл и рухнул на колени. Роман бросился к Бертрану, намереваясь помешать ему выйти, и тот был вынужден так же отбить бешеный удар Устинова, пятась к стене.

В этот момент на пороге горницы появился мальчик и выкрикнул:

– Отец, я здесь!

Ярик выкинул вперед руку, и небольшая лавка, стоявшая у стены, вихрем поднявшись, стремительно подлетела к Бертрану и со всей силы ударила монаха по плечу. Ярик нахмурился, ибо целился в голову, но от неумения промахнулся. Бертран лишь на миг прогнулся назад и сразу же выпрямился.

– Уходи немедля, Ярик! – выпалил в ужасе Роман, оглядываясь назад на сына.

Лионель уже поднялся на ноги и, гадко оскалившись, понял, что мальчишка слишком чист душой и светел мыслями, раз, не боясь смерти, вернулся на помощь отцу.

– Глупый щенок! Сдохни! – выплюнул Лионель по-немецки и, вытянув руку и растопырив пальцы, напрягся.

– Ярик, защита! – истошно закричал Устинов сыну.

Мальчик испуганно оглянулся, и в его сознании пронеслось то, чему учил его отец, но он не успел. В следующий миг Лионель резко сжал пальцы в кулак, и некая мощная сила отбросила Ярика в сторону. Мальчик сильно ударился об дверь и, потеряв сознание, упал на пол. Роман вновь зарычал и ранил Бертрана в руку. Однако Лионель уже был рядом. Он подло накин-

нулся на русского сзади и всадил кривой клинок своей шпаги по самую рукоять в грудь русского, сильнейшим ударом пробив кольчугу, а затем резко вытащил. От хлынувшей из груди крови Роман рухнул на колени, и его энергетическая защита ослабла. Путь оказался свободен, и Бертран устремился к открытой двери. Кристиан, холодея, смотрел на эту кровавую жуткую схватку, стоя в стороне.

– Крис, ты еще здесь?! – рявкнул в его сторону Лионель и нанес еще один смертельный удар в правое плечо Романа.

Опомнившись, юноша направился прочь из горницы вслед за Бертраном.

Когда юноша исчез в темноте коридора, Лионель дьявольски оскалился, увидев, что русский снова тяжело поднялся на ноги. Устинов еле передвигался, ибо из его раненой груди и плеча лилась кровь, а его защитный кокон исчез. Но Роман, пошатываясь от жуткой боли, перекинул палаш в левую ладонь и вновь накинулся на Лионеля.

– Тебе не совладать со мной, русич! – выдохнул Лионель и резко повернул на своем запястье темный амулет с кроваво-красным рубином, направив руку на Романа. – Хватит этого потешного побоища. Умри!

Издалека Мира увидела дуб, рядом с которым едва различались очертания заветного колодца. Она отметила, что дочка стоит рядом с деревом и, заглядывая в колодец, до сих пор находится снаружи. Похолодев от страха, Мирослава побежала быстрее и закричала:

– Ты почему не спустилась в колодец?!

– Матушка, я боюсь, там так темно! – запричитала девочка сквозь слезы.

Их разделяли всего несколько десятков шагов, и Мира затравленно обернулась назад. Она увидела того самого монаха, который чуть ранее выбежал из ворот и теперь следовал в их сторону. Она стремительно обернулась к дочери и закричала ей:

– Поздно! Беги в лес, непослушная! Скорее в лес, хоронись там!

Мира понимала – времени нет, поскольку в колодец можно было спуститься только по одному. И если бы малышка уже была там, то она, возможно, успела бы тоже.

– Матушка, я... – всхлипнула девочка.

– Кому сказала?! Беги немедленно!

Уже добежав до дочери, Мирослава легко шлепнула девочку по задку, подталкивая ее вперед. Слава, глотая слезы, которые лились по ее щекам, устремилась в лес, услышав за собой мелодичный приятный голос матери:

– Я найду тебя.

Проводив взором фигурку дочери, которая уже достигла леса, Мирослава наклонилась к колодцу и мгновенно приняла решение. Стянув со своей тонкой руки мешочек с камнем, она кинула его в колодец. Протянув руку над темной бездной, она несколько мгновений улавливала сильное излучение, исходившее от камня. Затем ощущение тепла исчезло, и Мира поняла, что падающий сверток достиг узкой зоны конуса, где его свет блокировался определенным строением. Ее покойный отец строил этот колодец по чертежам северных волхвов. Колодец был очень глубокий и внутри походил на песочные часы, сначала сужаясь к глубине, а затем вновь расширяясь. Хитрое строение скрывало излучение камня и всего живого, что находилось внутри. Если бы они с детьми спустились, то теперь были бы в безопасности.

Глотая кровь в горле, Мира обернулась, ощущая близость Темного. Монах оказался уже в десяти шагах от нее и, быстро вытянув руку вперед, резко провел ею в воздухе. Миру вмиг откинуло к дубу, а на ее плече образовалась кровавая горячая рана.

– Где камень? – процедил Темный монах на ломаном русском, останавливаясь от молодой женщины в пяти шагах и испепеляя ее злым взором. – Говори, девка, или умирать ты будешь долго.

Быстро опомнившись, Мирослава сосредоточилась и попыталась создать вокруг себя защитный кокон, но Бертран без промедления выкинул вперед вторую руку с кольцом-амулетом, и синий еле различимый энергетический луч тут же вдребезги разбил защиту молодой женщины. В следующий миг монах нанес еще один глубокий порез по шее молодой женщины энергетическим невидимым лучом. Мира болезненно вскрикнула, но упрямо сцепила зубы, не собираясь ничего говорить.

Она потянулась к рукоятке ножа, который висел у нее на поясе, и молниеносно выкинула холодное оружие в сторону монаха, лезвием целясь ему в глаз. Бертран, явно не ожидая выпада от этой хрупкой женщины с белой длинной косой, лишь пораженно отметил момент, когда лезвие замерло в опасной близости от его глазницы. Вдруг нож упал на землю. Бертран ошарашенно обернулся и увидел, что сбоку к нему приближается Кристиан, который, вытянув руку, своей энергией и остановил смертельное оружие, направленное ему в голову.

– Где ты шатаешься? – проворчал Бертран по-немецки, когда юноша оказался рядом. – Ищи камень!

Кристиан провел рукой вокруг и уверенно произнес:

– Я не чувствую его.

Мира отчетливо поняла смысл фразы и устало облокотилась о дерево. Прищурившись, она облегченно подумала о том, что, даже если Темные убьют их всех, великий кристалл Инглии не достанется им. Она вновь и вновь пыталась восстановить свой защитный кокон, но уже раненое тело плохо подчинялось ей.

– Что это значит? Ты же чувствовал камень за много миль! – процедил Бертран и вновь провел резко рукой, и на теле Миры появилась новая глубокая кровавая отметина. На ломаном русском Бертран угрожающе прохрипел: – Говори, русская, где камень? Куда ты его дела?

– Я не понимаю, – сказал юноша, вновь и вновь проводя рукой вокруг. – Но света самозвезда отчего-то нет.

– Он не найдет его, – вдруг выдохнула Мира, придумав ложь, которая, возможно, помогла бы ей спастись от убийц. – Я уничтожила его...

– Ты думаешь, я поверю в это, девка? – взвился Бертран. – Когда я знаю, что без камня вы не сможете выиграть решающую битву! Ты врешь!

– Более я ничего не скажу вам, Темные, – пролепетала она.

Бертран посмотрел в ее невероятно прелестное лицо, понимая, что она решила молчать. Но он знал – женщины гораздо слабее мужчин. Неужели эта хрупкая девица, по виду которой было чуть более двадцати лет, сможет устоять перед пытками? Он вновь нанес невидимый удар молодой женщине по руке, и она, застонав, почти упала на дерево. Вдруг в голову Бертрана пришла еще одна мысль.

– Была еще девка малая, – выпалил быстро монах, обернувшись к юноше. Кристиан, кусая губы, все пытался обнаружить энергию камня, но у него ничего не получалось. Бертран приказал: – Найди ее, Крис. Я видел, что она убежала в лес. Возможно, камень у нее.

– У девочки нет камня, – ответил Кристиан, направляя руку к лесу и не чувствуя камня.

– Верховный приказал убить всех!

– Я должен найти девочку? – переспросил юноша.

– Да, и разделайся с ней. Иди! Ты слышал мой приказ!

– Нет, не смейте! – воскликнула Мира и попыталась отстраниться от дуба и броситься в сторону леса.

– Куда?! – прохрипел Бертран по-немецки, вновь разбив слабый защитный кокон Миры своим перстнем. И сильным потоком энергии отбросил невидимой темной волной молодую женщину обратно к дубу. Кристиан, как будто не решаясь выполнить приказ, замерев, стоял рядом. Монах недовольно прикрикнул: – Чего застыл опять? Девка безвредна. – И уже прикрикнул на парня: – Найди ее и убей!

Кристиан медленно попятился назад и тихо повторил:

– Найти ее и... – он не смог повторить жутковатое слово, но понимал, что это повеление Верховного и он должен исполнить приказ Бертрана.

В следующий миг, усилием воли заставив себя двигаться, Кристиан пронзительно просвистел и устремился к лесу. Через несколько мгновений его нагнал большой белый волк, который побежал рядом с юношей.

Не разбирая дороги, Слава бежала из последних сил. Страх охватил все существо девочки, и она, глотая горькие слезы, проворно перемещалась между высокими деревьями и низкими кустарниками, боязливо оглядывалась назад. Она дико боялась, что Темные могут идти по ее следу. Сумерки уже окутали лесную чащу. Дрожа от страха и стараясь не думать о том, что случилось с ее родителями и братом, девочка начала шептать окружающим ее деревьям:

– Родные мои, помогите! Схороните меня! Помогите!

Она шептала и шептала, посылая свой призыв в лесную чащу, и обращалась к деревьям. В какой-то момент в чаще поднялся сильный ветер. Лесные исполины – сосны, красавицы-березы, целительницы-осины – закачали своими ветвями, как бы откликаясь на призыв девочки.

Неожиданно перед Славой оказалась ива. Под сильным ветром дерево подняло свои ветви, а за ней взору девочки открылось огромное дупло до земли, находившееся в широком вековом дубе. Не думая ни секунды, малышка юркнула в просторное дупло дуба, и тут же ветер стих, а Ива опустила ветви. Слава оказалась как будто в тайной древесной пещере, вход в которую укрывали ветви ивы, усыпанные зелеными листьями. Через эту листву девочка могла даже видеть, что происходило снаружи.

С самого раннего детства Светослава знала этот лес, он был ей родным. Она часто прибежала в чащу играть, разговаривала с деревьями, любовалась животными и птицами, обитавшими здесь. Видимо, лес, считая девочку своим другом, помог ей, услышав просьбу, укрыл в своих зеленых недрах от Темных.

– Благодарю вас, родные мои... – вымолвила шепотом Слава.

Замерев и стараясь даже не шевелиться, она принялась ждать. Девочка предполагала, что матушка будет искать ее, когда исчезнет опасность, и непременно позовет по имени. И оттого своим чутким слухом и инстинктивным чутьем напряженно ожидала мелодичного зова матери.

Уточнение автора:

Великая Тартария, самая большая Тартария в империи, простиралась за Рипейские горы (Уральские горы) на всю Сибирь и до Черного моря, граничила с Московией (Московской Тартарией). Великая Тартария была завоевана в XVIII-XIX веках династией Романовых и присоединена к Российской Империи после многих войн, известных в официальной истории как Пугачёвский бунт, покорение, завоевание, Сибири и другие восстания.

На землях Великой Тартарии никогда не было крепостного права (рабства), в отличие от Московии. И все жители империи, русичи-татары (не путать с современными татарами) – люди белой расы – славяне были вольными и могли по собственной воле наниматься на службу и перемещаться по территории империи.

Глава II. Индиго

Кристиан проворно ступал по мягкой траве, ощущая светлую ауру девочки где-то неподалеку. Его чутье подсказывало, что она затаилась. С каждым шагом он приближался к ней, предчувствуя окончание этой мрачной игры в прятки.

– Ищи, Лихой, – командовал юноша волку, бегущему рядом. Животное как будто принохивалось, но было довольно пассивно. Хмурясь, Кристиан проводил рукой по воздуху, нащупывая энергию девочки. Быстро меряя шагами лесной покров чащи, юноша тихо твердил: – Нам надо отыскать девку малую. Иначе Верховный не поверит в то, что я готов к настоящей службе...

Не прошло и четверти часа, как Кристиан резко остановился напротив ивовых зарослей, за которыми возвышались вековые дубы, и напрягся. Он отчетливо ощущал, что девочка спряталась именно здесь. Но волк отчего-то не подавал голоса и крутился вокруг него, словно был не в себе. Даже Кристиан ощущал светлую энергию девочки в десятке шагов от себя, а уж Лихой должен был почувствовать ее запах наверняка. Ведь ни разу белый друг не подводил его, но сейчас его любимец вел себя весьма странно. Кристиан начал приближаться к одной из ив, с каждым шагом ощущая тепло девочки все явственнее. Ее не было слышно, и лишь вековые сосны вдалеке шумели высокими кронами. Он положил ладонь на рукоять своего кинжала, нагнетая в мыслях неистовое желание разделаться с этой мерзкой Светлой, которая уже полчаса заставляла его гоняться за ней по неприветливому лесу, оттягивая выполнение приказа Верховного.

Слава видела, что Темный худощавый монах замер неподалеку от дупла, где она спряталась. Его голову покрывал черный капюшон, а нижнюю часть лица прятала маска. Он начал приближаться прямо, и девочка поняла, что она обнаружена. Она чувствовала, как от монаха исходят дикие кровожадные помыслы, и видела его ауру ярко-фиолетового цвета. Он был опасен и наверняка жаждал ее крови. Слава испуганно задрожала. Еще каких-нибудь двадцать шагов – и он найдет ее.

Терзаясь в нервных думах, девочка неожиданно увидела, как бело-серый волк, который пришел вместе с монахом, заскулил и бросился в противоположную сторону от дуба, где она пряталась. Темный отвлекся на зверя, и Слава поняла, что у нее есть всего несколько мгновений, чтобы спастись. Молниеносно приняв решение, она стремительно вылетела из своего укрытия и побежала прочь от высокого опасного человека. Монах быстро среагировал и, обернувшись, заметил, как она понеслась прямо в глубину лесной чащи, пытаясь скрыться от него.

Помня наказания отца, Слава бежала не по прямой, а петляя, хотя это и замедляло ее темп. В следующую минуту девочка увидела, как рядом с ее виском пролетел острый смертоносный нож, вклинившись в ствол дерева сбоку. Испуганно вскрикнув, она прибавила ходу. Вдруг около нее оказался белый большой волк, бегущий рядом. Девочка подумала, что зверь кинется на нее, ибо Темный монах наверняка дал ему такую команду.

Через миг хищник действительно бросился на нее, и Слава испуганно вскрикнула, опасаясь острых зубов зверя. Но мохнатые лапы волка мягко оттолкнули ее в сторону, и в следующий момент животное резко рухнуло на землю. Она оглянулась, не понимая, отчего волк не впился ей в горло, и увидела в груди зверя кинжал, оставивший кровавую рану. Удивленно отметив, как из глаз хищника льется ласковый зеленый свет, направленный на нее, девочка явственно услышала мысли волка:

– Живи, маленькая дочь Света...

Лишь на секунду Слава, опешив от всего этого, приостановилась, но, услышав, как прохрипел позади Темный монах, бросилась со всех ног далее. Пробежав несколько десятков шагов, девочка вновь инстинктивно обернулась и увидела, как Темный бросился к раненому волку и упал перед ним на колени.

Слава пробежала еще некоторое время и ощутила, что монах не преследует ее. Резко остановившись и спрятавшись за деревом, девочка попыталась отдышаться. Мысли ее путались. Она не понимала, отчего белый волк, который подчинялся Темному, спас ей жизнь, подставившись под смертоносный клинок своего хозяина. Этот опасный зверь явно не хотел ее смерти. Она стояла за деревом некоторое время, не зная, что делать дальше.

Кристиан упал на колени перед любимым другом, потрясенно смотря на свой кинжал, который по рукоятку вошел в мускулистое тело животного, попав прямо под сердце.

– Лихой, как же так? – несчастно выдохнул юноша.

Боясь прикоснуться к раненому зверю, хрипящему в предсмертной агонии, Кристиан не мог дышать от охватившего его ужаса. Капюшон спал с его головы, и он проводил трясущимися ладонями над телом волка, пытаясь сосредоточиться и как-то помочь. Лихого он спас пять лет назад в ледяном лесу, когда тот был еще волчонком. Тогда маленький голодный зверь замерзал от холода и напомнил Кристиану его самого, когда он был таким же беззащитным и несчастным, попав к братьям-монахам. Юноша прекрасно помнил, как он сам долгое время обитал в сырой темнице, пока его не вызволил оттуда монах Лионель, который приютил его у себя и дал пищу. И именно с таким же несчастным мальчиком, которым он был когда-то, Кристиан ассоциировал волчонка.

Кристиан взял маленького зверя к себе и выходил его. А позже, спросив разрешения у Лионеля, оставил волка, и с тех пор Лихой был единственным его другом и постоянно оставался подле него. И теперь это жуткое ранение казалось Кристиану чудовищно несправедливым. Поскольку его смертоносный клинок предназначался для Светлой девки, а не для его мохнатого друга. Чувствуя, что задыхается от гнева и боли, юноша склонился над раненым хищником. Осторожно приподняв волка на руках, он прижал его к лицу, как бы пытаясь передать свою жизненную энергию волку. Кристиан знал, что нож вытаскивать нельзя, так как кровь, хлынувшая из раны, немедля погубит Лихого. Юноша даже забыл о девочке и, находясь как будто не в себе, думал в этот момент только о погибающем друге.

Светослава немного отдышалась и выглянула из-за дерева. Никого не было видно. Она явственно ощущала, что угроза, исходившая от высокого монаха, исчезла. Девочка подождала еще немного и, тихо ступая, направилась назад, прячась за деревьями и стараясь быть незаметной. Она хотела выяснить, ушел ли Темный? Уже через некоторое время Слава вновь заметила монаха, он находился от нее в нескольких десятках шагов. Сидел на траве и сжимал в руках недвижимое тело белого волка. Девочка замерла и вновь спряталась.

Выглядывая через кустарник, Слава начала осторожно присматриваться к Темному, пытаясь понять, что происходит. Она явственно ощутила, что угрожающий кровожадный настрой Темного монаха испарился, и он, на ее удивление, превратился в страдающего человека. Его аура изменила свой насыщенный фиолетовый цвет и стала гораздо светлее. Славу невольно охватило чувство жалости к раненому животному, которое спасло ее. Волк был еще жив, и лишь невидимая тонкая грань отделяла его от смерти.

Непонятное сострадание завладело девочкой, и она, нахмурившись, вышла из-за дерева и начала медленно приближаться к Темному. Разумом она понимала, что это очень опасно, подходить к монаху, но неистовое желание помочь умирающему зверю все же толкало ее вперед. Боязливо приблизившись к монаху, она отметила его непокрытую голову с темно-русыми вихрами и маску, закрывающую все лицо. Слава подошла довольно близко и тихо поинтересовалась:

– Вы успокоились?

– Что? – переспросил Темный невероятно юным голосом.

Инстинктивно подняв на нее лицо, он вперился непонимающим взглядом в девочку.

– Вы более не хотите меня убить? – спросила наивно Слава.

Она также в упор взирала в его непонятного цвета глаза, которые сверкали через прорези черной маски. Она заранее знала его ответ, ибо чувствовала, что все его существо было подавлено и страдало, а мысли юного Темного совсем не казались кровожадными. Смотря в золотые глаза девочки, стоящей перед ним, Кристиан на хорошем русском процедил:

– Больно ты нужна, гадкая белка! – он вновь перевел взгляд на волка, который хрипел в предсмертной агонии, и прошептал: – Он был единственным, кого я любил...

Мысли о том, что Темный незнакомец смертельно опасен, не заглушили в душе девочки неистового желания спасти зверя, и она тихо произнесла:

– Я могу помочь.

– Помочь? – недовольно выдохнул юноша и вновь посмотрел на нее.

Слава отчетливо чувствовала его страдание и видела, что в теперешнем состоянии Темный не может причинить никому вреда, потому что сам нуждается в защите и тепле.

– Матушка учила меня исцелять животных. Правда, я лечила только полевых мышей и одного зяблика, но могу попробовать помочь вашему волку.

– Его зовут Лихой, – ответил глухо юноша и, вновь посмотрев на зверя, уже через миг поднялся на ноги с волком на руках и, медленно сделав три шага к девочке, с недоверием спросил: – Ты правда сможешь?

– Да, – кивнула уверенно Слава. – Вы должны положить его на землю.

– Ладно, – согласился Кристиан и опустил хрипящего зверя к ногам девочки.

Слава присела на колени к волку и быстро вытянула нож из его раны. Юноша лишь издал глухой звук, но девочка, увидев его испуг, остановила Темного жестом и, уверенно взглянув на него, прошептала:

– Все будет хорошо.

Она без промедления придвинула свои маленькие ладошки к ране зверя, которая сильно кровоточила, и напряглась, чуть прикрыв глаза. Уже через минуту кровь перестала хлестать, а рана прямо на глазах начала затягиваться. Юноша так и стоял над девочкой и расширившимися глазами следил за ее действиями. Спустя четверть часа, когда от раны волка остался лишь кровавый рубец, а волк вдруг открыл глаза, Кристиан пораженно выдохнул:

– Ты колдунья?

– Нет, – ответила Слава. – Матушка называет нас целительницами, ведуньями. Ему надо много спать, и через пару дней он поправится.

В следующий миг Кристиан резко наклонился к волку и осторожно поднял зверя на руки. Закинув белого мохнатого хищника к себе на плечо, он внимательно посмотрел на девочку и произнес:

– Что ж, Светлая ведунья, живи...

Он быстро развернулся и почти бегом направился прочь от лесной поляны, где была Слава.

Слава вышла из лесной чащи спустя полчаса, едва почувствовала, что опасность миновала, а Темные монахи исчезли в ночи так же стремительно, как и появились. Бегом девочка миновала небольшую березовую рощицу и устремилась к колодцу, где рассталась с матушкой. Еще издалека она увидела на земле у дуба неподвижное тело в синем сарафане. Похолодев от охватившего ее страха, она стремительно преодолела расстояние до матушки и немедленно склонилась над нею.

Мирослава не двигалась. Иссиня-белое лицо ее с кровавыми подтеками на шее выглядело безжизненным. Окровавленные руки и плечи в разодранной белой рубашке вызвали у девочки болезненный вскрик. Слава упала перед матерью на колени и начала осторожно осматривать ее неподвижное тело, не прикасаясь к Мире и проводя по контуру ее тела ладошками. Она пыталась нащупать энергетические выходы энергии. Закусив губу, девочка чувствовала, как от душевной боли у нее сперло в горле. Она видела, что все тело матери покрыто многочисленными колющими ранами, словно ее всю изрезали ножом. Через эти раны потоками выходила энергия. Сарафан Мирославы стал бордового цвета, впитав большую часть ее алой крови. Энергия молодой женщины теперь была на исходе, а в ее существо осталась лишь маленькая доля силы. Мира почти не дышала, а ее душа вот-вот должна была покинуть тело.

От охватившего ее отчаяния из глаз Славы хлынули слезы. Но в головке девочки появились неистовые мысли о том, что она может помочь несчастной. Как-никак, она только что спасла волка и умеет заживлять раны. Но до сего дня Слава исцеляла только животных. И ни разу не лечила людей, Мирослава всегда говорила ей, что это непросто, так как для исцеления человека требуется затратить много энергии и сил. Однако в этот миг жизнь горячо любимой матушки висела на волоске.

Не думая более ни минуты, Слава приставила свои маленькие ладошки к самой кровотоочивой ране на шее Мирославы и, не прикасаясь к коже, напряженно начала заживлять рану. Кровь остановилась не сразу, но все же вскоре перестала течь, а рана начала очень медленно затягиваться. Почти четверть часа девочка, глотая горькие слезы, перемещала свои ручки по израненному телу матери и заживляла ее многочисленные раны.

Слава старалась не плакать и не переживать, сосредоточиться лишь на своем деле. Ибо прекрасно помнила наставления Миры о том, что при целительстве надо быть бесстрастной и спокойной, тогда и лечение выйдет более сильным. Девочка пыталась не думать о том, что матушка умирает, и упорно посылала свою жизненную энергию в недвижимое тело молодой женщины, медленно залечивая ее раны. Она не знала, как надо делать верно, и пыталась делать то же, что и при исцелении волка. Вскоре она отметила, что энергия перестала вытекать из ран Миры. А Слава, стиснув зубы, все вливала и вливала свою энергию, видя, как ее золотистые жизненные потоки наполняют существо Мирославы.

Однако через некоторое время девочка почувствовала сильное головокружение, а ее руки и ноги будто окаменели. Осознавая, что ее собственная энергия на исходе, Слава все равно не прекращала своего действия. Ее безграничная любовь к матушке была так сильна в эти мгновения, что она даже не задумывалась о том, что сама может погибнуть. Еще через какое-то время кожный покров Мирославы стал менее бледным, а существо матери на треть наполнилось живительной силой. Слава облегченно выдохнула, понимая, что матушка уже не умрет. Через минуту девочка потеряла сознание, упав светловолосой головой на живот Миры.

Слава пришла в себя от нежного прикосновения к своей щеке.

– Маленькая моя, ты слышишь меня? – ласковый мелодичный голос матушки вывел девочку из забытья.

Слава распахнула глазки и увидела над собой склоненное озабоченное лицо Мирославы.

– Матушка, вам лучше? – спросила она, садясь на траве. Мирослава поддержала ее, и девочка выпалила: – Я так хотела помочь вам. Но я не знала, как! И ваши жуткие раны, я пыталась их залечить, как вы учили меня.

– Ах, так это ты помогла мне? – опешила Мира. – А я удивилась, отчего мои раны зарубцевались, едва я пришла в себя.

– Я так долго лечила вас, матушка, а вы все не приходили в себя, – всхлипнула невольно малышка. – Я так боялась, что вы умрете.

– И что же ты отдавала мне свою энергию напрямую, как и мышкам?

– Да. Вы же так учили меня, – пролепетала наивно Слава.

– Слава, но так лечат лишь животных! – объяснила Мира удрученно и обняла дочь. Ушка девочки она тихо озабоченно добавила: – Никогда более не делай этого. У людей энергетическое поле гораздо сильнее. Потому исцелять так людей опасно, можно отдать больному всю свою жизненную силу и погибнуть самому. Ты понимаешь меня?

– Вот отчего у меня сильно кружилась голова, матушка.

– Да. Оттого ты и потеряла сознание, ибо влила почти всю свою энергию в меня, малышка.

– А как же тогда исцелять людей?

– Надо использовать определенные обереги, подобные тем, которые я ношу на запястьях и пальцах, через которые следует пропускать свою энергию и лишь затем отдавать ее боля-

щему человеку. Тогда ты не будешь терять столько жизненной силы. Я обязательно научу тебя, милая. Надо нам немедленно идти, пока Темные не вернулись.

– Их нет поблизости, матушка. Они исчезли из наших мест. Я чувствую это, – отметила девочка.

– Раз так, то нам нужно вернуться в дом.

Тяжело поднявшись на ноги, они медленно направились в сторону деревни, обнявшись. В какой-то момент, не выдержав, Слава бросила жалостливый взгляд на Мирославу и спросила ее:

– Темные мучили вас, матушка?

– Они служат силам тьмы, для них это обычное дело, – тихо ответила та. – Поэтому твой батюшка так волновался за нас.

– Батюшка, Ярик... они, наверное, тоже ранены?

– Не знаю, милая, пойдем быстрее. Мы исцелим их, не бойся.

Они уже спустились до деревни, когда девочка вновь тихо спросила:

– Но зачем приходили Темные?

– За нашим Ярославом, – ответила Мирослава. – Они боятся его.

– Темные боятся Ярика? – опешила Слава.

– Я уже говорила тебе – твой брат избранный. Предсказано, что он станет великим Светлым витязем, который сможет одолеть зло. Оттого Темные и напали на нас. К тому же они искали еще одну древнюю вещь.

– Какую?

– Позже я расскажу тебе, милая...

В этот момент они прошли в распахнутые ворота и оказались в их дворе. Войдя в дом, Мира и Слава остановились.

В горнице прямо у порога лежали бездыханные окровавленные тела Романа и Ярика. Они распластались в неестественных позах рядом друг с другом. Кровь уже не текла из их глубоких ран. Едва увидев это, Мирослава застыла как вкопанная и будто окаменела, диким взглядом смотря на жуткое изуродованное тело любимого мужа и перерезанное горло обожаемого сына.

– Матушка, что же это?! – воскликнула истошно девочка, падая на колени возле убитого брата и проводя дрожащими ручками по его недвижному телу. – Они убили их! Убили! – дико затараторила она и стремительно отползла к отцу и начала осматривать и его. – Их света нет! Матушка, я не чувствую их света! Значит, их души на небе? Так?

Слава подняла глаза на Мирославу, которая так и не двигалась. Жутковатый взгляд молодой женщины, не отрываясь, взирал в темный угол горницы.

– Смотри... – выдохнула одними губами женщина и указала глазами в сторону окна.

Тут же обернувшись, девочка побледнела. Там, в проеме окна, озаряемые бледным светом луны, виднелись две фигуры. Высокая широкоплечая и худая невысокого роста. Полупрозрачные, еле различимые силуэты отца и брата, Слава узнала сразу. Она поняла, что это их души. И если сейчас они парили отдельно от тел, то вернуть их к жизни было уже невозможно. Она вскочила на ножки и бросилась к прозрачным фигурам у окна.

– Батюшка, ты слышишь меня? – закричала малышка.

Вдруг прозрачная душа Романа, которая была до того недвижимой, протянула руку вперед, удерживая девочку от приближения. Слава резко замерла.

– Они прощаются с нами, – тихо вымолвила Мирослава, так и не двигаясь, и лишь болезненным взглядом смотрела на души мужа и сына у окна. – Роман говорит, что мы должны сжечь их тела и немедленно бежать из этих мест, здесь опасно.

– А батюшка видит меня?

– Да, – мертвенным голосом произнесла Мира. – Он благословляет тебя в сей миг. У них осталось всего несколько мгновений. Ибо они выпросили у Высших сил немного времени, чтобы дожидаться нас и попрощаться.

– Но я не хочу прощаться! – с болью выпалила Слава и приблизилась к душе Ярослава. – Ярик, я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя, сестрица, бегите, – отчетливо услышали они обе в зловещей тишине голос Ярослава, который поднял руку вверх и, как будто прощаясь, начал перемещаться назад спиной к окну.

– Прощай, сынок, – тихо прошептала Мирослава и, благословив сына рукой, глухо добавила: – Жди меня в небесном Ирии. Мы обязательно встретимся позже...

Ярик кивнул, а в следующую секунду его тело как бы прошло через стену дома и исчезло в кромешной тьме улицы. Душа же Романа медленно приблизилась к девочке, и Слава явственно в своих мыслях услышала голос отца:

– Не сдавайся, моя девочка. Даже если тебе будет казаться, что все потеряно, борись до конца...

Прозрачный силуэт отца чуть склонился над ней, и Слава, хотя и не почувствовала его прикосновения, но ощутила тепло на своем затылке. Затем душа отца отлетела от нее и направилась к матушке. Девочка увидела, что Роман-дух обнял Миру, и уже через миг душа его начала удаляться вслед за душой Ярика. Глазами, полными слез, Слава следила за исчезающим в ночном мраке силуэтом отца и ощущала, что сердце сжимается от острой терзающей боли.

Спустя некоторое время Мирослава с дочкой стояли у края цветущего поля. Печально, со слезами на глазах они, не отрываясь, смотрели на полыхающий дом, в котором догорали тела Ярослава и Романа. В какой-то момент Мира тихо велела:

– Пойдем, Слава, нам пора...

Молодая женщина накинула капюшон темного плаща на светловолосую головку Славы. Взяв за руку дочь и держа под уздцы двух коней, Мирослава устремилась в сторону дальнего села, надеясь уже к утру остановиться на ночлег далеко от этих мест.

– Кристиан, так что же произошло? – проскрежетал Верховный, сверля юношу жутковатым ледяным взором. – Лионель говорит правду?

– Да, ваше святейшество, – твердо вымолвил юноша. – Я чувствовал самоцвет очень явственно. А потом вдруг его энергия исчезла, словно он провалился под землю.

– И нынче ты не ощущаешь его света?

– Нет.

– Ты уверен?

– Да.

– Вы потеряли камень.

– Но мы уничтожили всех, – выпалил Лионель.

– Девка осталась жива. Ведь Кристиан упустил ее, – зло выплюнул Верховный.

– Я не смог догнать ее, – соврал, не моргнув глазом, юноша.

Он выдержал подозрительный, проникающий в самое нутро ледяный взгляд Верховного. Кристиан был одним из немногих, кто мог блокировать убивающий взор жреца и не отводить глаз.

– Ты не справился с порученным тебе заданием, мальчишка. И не доказал, что готов служить нашему Повелителю, – вынес вердикт Верховный, сверля жутковатым взором юношу.

– Девка слишком мала и вряд ли представляет опасность для нас. Главное, что ее братца теперь нет в живых, и Светлые потеряли своего витязя, – встал на защиту Кристиана Лионель, стоявший рядом с юношей.

– Вы с братом Бертраном постарались и уничтожили мальчишку, главного нашего врага, и его родителей, – согласился жрец-карлик. – Но Кристиан не оправдал возложенного на него доверия. И должен искупить свою вину...

– Я готов, – не задумываясь, отчеканил юноша, думая о том, что готов пострадать за то, что оставил девочку в живых, ибо жизнь его волка стоила того.

– Месяц в подземелье с крысами на хлебе. Думаю, это будет хорошим уроком для тебя, мой мальчик, – приказал жестко Верховный. – А ты, Лионель, не переставай искать. Возможно, надо будет еще раз наведаться к Тоболу, чтобы найти великий кристалл Инглии.

– Слушаюсь, ваше святейшество.

Глава III. Новая жизнь

Казанская губерния, Астрахань, 1717 год
(Великая Тартария, Астрахань, 7225 лето С.М.З.Х)
Июнь, 14.

Утро едва занималось, и прохлада еще наполняла окружающие поля и леса. Пришпоривая резвую кобылу, Слава старалась нагнать Гришу, который скакал чуть впереди. Девятнадцатилетний юноша был всего двумя годами старше девушки. Темно-каштановые его вихры трепал ветер, бивший в лицо, и его худощавое жилистое тело смотрелось весьма гармонично на спине поджарого резвого жеребца. Слава же, ощущая свежие порывы ветра от бешеной скачки, чувствовала, что ее душа ликует от радости и счастья. Девушка обожала прогулки верхом на Ласточке, так завали ее кобылу буланой масти. Эту лошадь, еще два года назад подарил ей отчим, Тихон Михайлович Артемьев, в доме которого они жили вместе с матушкой.

Тем страшным августом, когда они простились с Яриком и Романом, Мира и Слава долго скитались по пыльным дорогам, ища пристанище. Зиму они провели в Уфе. Однако Мира помнила, как душа Романа перед отходом велела им с дочерью следовать на юг страны, ибо только там они с малышкой могли бы укрыться от Темных. Уже весной 1707 года Мира и Слава добрались до далекой прибрежной Астрахани.

Именно здесь на четвертый день после приезда на рынке Мирослава случайно повстречалась с одним из местных дворян, который занимался рыбным промыслом. В тот день молодая женщина, не имея денег на пропитание и оставив малышку Славу в грязном хлеву неподалеку от причала, пыталась устроиться на службу в лавку местного бакалейщика. Толстый неприглядный лавочник ни в какую не хотел брать на работу Миру, уверяя, что ему нужен молодой расторопный парень, а не баба. Мира же почти молила о том, чтобы он сжалился, и была готова выполнять любую работу.

Лавочнику же не нравились ее молодость и красота, и он утверждал, что все покупатели будут пялиться на молодую хорошенькую бабу, а не на товар. Она пыталась разуверить в этом бакалейщика, но тот был непреклонен. Не выдержав, Мира сняла со своей руки старинный серебряный браслет и попыталась отдать его лавочнику, чтобы обменять его хотя бы на хлеб. Именно в этот момент в лавку вошел местный астраханский дворянин, Тихон Артемьев. Вмиг оценив ситуацию и привороженный прелестями Мирославы, Тихон Михайлович заплатил с лихвой за буханку хлеба, гречу и рыбу и отдал их молодой женщине. Хотя она и была очень бедно одета, но Артемьев сразу же разглядел ее невероятную красоту и соблазнительную женственность.

Артемьеву было чуть более сорока лет, моложавый, плотного телосложения, он слыл весьма справедливым спокойным хозяином, благочестивым человеком и имел добрый твердый нрав. Предки Тихона Михайловича происходили из астраханских князей. Он имел обычную

русскую внешность: широкую кость, здоровое телосложение, русые волосы вкупе с голубыми глазами и тяжелую поступь.

Будучи одним из богатейших дворян Астрахани, он имел во владении несколько судов, на которые нанимал работников для ловли рыбы, а также для перевозки по Волге различных товаров из Черного в Каспийское море и обратно. Артемьев овдовел довольно рано и до этого времени даже не помышлял о новой женитьбе. Он жил на широкую ногу большим двором на главной улице Астрахани, имел в своем распоряжении около двухсот служивых людей и слуг, большой конюшенный двор и состоял в городском совете города. Вместе с ним в усадьбе жили и его взрослые сыновья, Федор и Семен, которым Артемьев подыскивал богатых достойных невест.

Мирославе в то время исполнилось всего двадцать шесть лет. И молодая прелестная вдова кузнеца из Тобольска, как она представилась Тихону Михайловичу, произвела сильное впечатление на Артемьева и мгновенно завладела его сердцем. В тот же день он направился провожать Миру до того самого хлева, где она оставила маленькую дочь.

Едва увидев светловолосую худенькую девочку с чистыми золотыми глазами, сидящую на грязной вязанке соломы, Тихон властно настоял на том, чтобы Мирослава с дочерью немедленно переехали в его усадьбу. Пообещав молодой женщине место экономки в своем доме, Артемьев поселил ее с дочкой в уютной просторной горнице в гостевом доме, который стоял чуть в стороне от главного деревянного терема, где жил Тихон с сыновьями.

Мира согласилась остаться в усадьбе, начала выполнять обязанности старшей над слугами и быстро завоевала уважение и любовь дворни. Молодая женщина никогда не повышала голос, была приветлива и добра, но ее внутренняя сила считывалась служивыми людьми, которые жили в усадьбе. Вскоре слуги начали подчиняться ей беспрекословно, так как ее взор – чистый и мерцающий – завораживал, и окружающие люди невольно пытались ей услужить и даже угодить. В ответ Мирослава хорошо относилась к простым людям и постоянно помогала им или добрым советом, или прося за них Тихона Михайловича. Свои первые жалования Мира почти все раздала бедным семьям рыбаков, которые жили в соседней деревне и служили на рыболовецких судах Артемьева, лишь немного оставляя денег для того, чтобы приобрести новую одежду для себя и Славы. Ее малышка тоже ни в чем не нуждалась, и, пока матушка занималась хозяйственными делами, девочка с удовольствием играла с ребятами слуг или ходила на Волгу, в которую влюбилась с первого взгляда.

Не прошло и пары месяцев, как Артемьев, безумно влюбленный в Мирославу и за это время распознавший ее добрый, тихий и уживчивый нрав, начал настойчиво склонять молодую женщину к замужеству. Она не любила Тихона Михайловича, поскольку до сих пор тосковала по своему покойному мужу Роману, который так рано ушел из жизни, оттого поначалу отказала Артемьеву. Однако Тихон не собирался отступать. Подарками, упорством и нежным отношением ему все же удалось умолить нежное сердце Мирославы, и спустя год она дала свое согласие. Счастливый Артемьев уже через месяц обвенчался с молодой женщиной, и она стала полновластной хозяйкой усадьбы. А ее маленькая дочь Светослава – приемной дочерью Тихона Михайловича.

С той поры Артемьев не чаял души в своей молодой жене, которая была на семнадцать лет моложе его, баловал ее и лелеял. Поначалу Мирослава решила на союз с Тихоном только из-за Славы, потому что понимала, что они с дочкой не могут постоянно скитаться и должны найти новый дом, и относилась к Артемьеву с теплом и благодарностью. Но уже через пару лет молодая женщина искренне полюбила этого достойного простого человека, который старался сделать для них с дочерью все что мог, оберегая их от всех невзгод. Мира не жалела о своем выборе, так как чувствовала, что именно покойный муж послал ей на жизненном пути Артемьева. Однажды она видела вещий сон, в котором к ней явился покойный Роман и благословил

ее на новый союз, заявив во сне, что Тихон Михайлович станет для нее новой защитой. Только после этого Мира и решилась ответить согласием Артемьеву.

Сейчас Мирослава жила вместе с новым мужем в парадных палатах большого хозяйского особняка. Она все также помогала в управлении слугами, которые уважали ее и всегда могли обратиться к молодой хозяйке за помощью. Уже вскоре жители усадьбы узнали, что молодая женщина – тайная знахарка, травы которой излечивают от любых болезней и быстро заживляют раны. Слух о ее даре целительства распространился за пределы усадьбы.

В скором времени Мирослава в своей тайной комнатке, находящейся в дворовом доме, которую она использовала для приготовления своих снадобий и хранения трав, принимала больных. Она вправляла сломанные кости, исцеляла лихорадочных детей, избавляла даже от мучительного пьянства. Молодая жена Артемьева никогда не брала за свою помощь деньги, лишь просила людей на восходе солнца помянуть с чистыми помыслами неких отрока Ярослава и убиенного Романа.

Рассказы о даре Миры передавались между простыми людьми шепотом и тайно, так как церковь считала всех знахарок ведьмами и жестоко травила их. Оттого, чтобы не подвергать опасности молодую женщину и помня о ее доброте, люди старались скрыть от церковников все исцеления, что творила жена Артемьева. Однако несколько раз находились злые завистливые людишки, которые доносили на Мирославу властям. Но тут же на защиту молодой жены вставал Тихон Михайлович. Имея довольно большую власть в Астрахани, как член городской думы, он добивался того, чтобы церковнослужители переставали докучать жене своими подозрениями.

Все свои навыки и знания Мирослава постепенно передавала дочери, и Слава с усердием изучала науку врачевания, часто вместе с матерью помогая больным в целительской келье. Сейчас, в свои семнадцать лет, Слава с искренней благодарностью и уважением относилась к Тихону Михайловичу, который был всегда добр и приветлив с нею. Также девушка радовалась за матушку, которая после смерти ее отца, благодаря любви и заботе Артемьева, снова научилась улыбаться.

Слава в доме Артемьева жила в отдельной светлой горнице, которая выходила окнами на обширный яблоневый сад и пользовалась таким же уважением и почтением слуг, как и родные сыновья хозяина усадьбы. Не имея собственных дочерей, Тихон Михайлович искренне обожал малышку Славу, которая имела веселый живой нрав, и относился к ней как родной. Он баловал ее, качал на коленях и дарил подарки. Сыновья Артемьева были уже взрослыми. Оттого отцовская любовь Тихона Михайловича нашла живое воплощение в приемной дочери.

С Федором и Семеном Артемьевыми Слава мало общалась. В основном она проводила время с Гришей, племянником Тихона Михайловича, который также жил в хозяйском тереме. Еще в детстве, едва поселившись в усадьбе, она сразу же отметила добрый и отзывчивый нрав Гриши, которому было тогда десять лет. Своими повадками и вежливостью он напоминал девочке погибшего брата Ярослава. Слава быстро подружилась с Гришей и считала его единственным своим другом. Он поддерживал ее во всех играх и порывах, как и она его. Они были неразлучны и искренне любили друг друга, как брат и сестра.

– Гриша, осторожнее! Там овраг! – крикнула громко девушка в спину парня.

Тот вмиг обернулся, бросив на нее ласковый карий взгляд.

– Помню, сестрица! – ответил он и по-доброму улыбнулся ей. Чуть придержав коня, он подождал, пока Слава поравняется с ним, и предложил: – Может, к речке свернем? Уж больно жарко. Искупаемся?

– Поехали, Гриша, – с воодушевлением согласилась Слава и звонко рассмеялась в ответ.

Гриша кивнул и направил коня в нужную сторону, устремившись к излучине реки.

Только к обеду молодые люди вернулись обратно в усадьбу, въехав в широкие дубовые ворота, которые услужливо распахнул для них старый Михей.

Федор Артемьев как раз отчитывал конюха за то, что тот плохо почистил его жеребца, когда мимо него к конюшням, как вихрь, пронеслись верхом Гриша и Слава. Проводив пристальным мрачным взором парочку, молодой Артемьев отослал конюха и направился в сторону конюшен. Приблизившись к деревянным постройкам, Федор терпеливо дождался, пока из конюшни выйдет Слава, которая, не заметив его, быстро направилась к хозяйскому дому.

Молодой человек, попятившись к старому сараю, прошелся темным взглядом по стройному изящному силуэту сводной сестры, одетой в мужской наряд, подчеркивающий прелести девичьего стана. Сглотнув ком в горле, он отметил, что длинный золотистый хвост Славы, собранный на макушке, доставал почти до округлых бедер. В этот момент рядом послышались чьи-то шаги, и Федор обернулся. Григорий проворно следовал в его сторону. Немедля загордив двоюродному брату проход своей коренастой высокой фигурой, Федор пророкотал ему в лицо:

– Ты это чего, Гришка, не знаешь, чем заняться? По полям разъезжаешь? Я тебе велел сходить к Морозову по поводу его баржи, что пришла вчера из Судака.

– Федор, я был у него на рассвете, – ответил парень. – Он сказал, что договор в силе и завтра он ждет от тебя список всех товаров, которые мы намерены отправить на его судне.

– Ты смотри, какой прыткий! – выдохнул Федор, и у него появилось жгучее желание ударить парня за то, что он так быстро исполнил его поручение.

Федору Артемьеву, старшему сыну Тихона Михайловича, еще весной исполнилось двадцать восемь лет. Мужиковатого вида, жестокий и наглый Федор наводил страх на всех слуг, которые жили в усадьбе. Его буйный нрав, постоянные потасовки с соседями и другие безобразные выходки приводили в ужас и печаль его отца Тихона Михайловича. Желая образумить сына, старший Артемьев велел Федору работать вместе с ним. Хотя Федор не особо жаждал помогать в делах отцу, опасаясь твердого нрава Тихона Михайловича, он все же исполнял порученные ему обязанности.

Более девяти лет отец пытался женить Федора. Однако молодой человек жениться ни в какую не хотел. Он прекрасно обходился без жены, которая, по его мнению, только ущемляла бы его свободу. Смазливый, богатый и похотливый Федор перебрал почти всех горничных девок Мирославы Васильевны и имел в постоянном интимном услужении пару молодых девиц, которые исправно посещали его спальню.

Григория Федор ненавидел уже давно, за его добрый нрав и за то, что Тихон Михайлович относился к нему как к своему родному сыну и потакал всем желаниям мальчишки. Гриша остался сиротой в раннем детстве, оттого его родной дядя Тихон Михайлович взял его к себе в дом еще в пять лет. Не раз Федор тайком избивал парня за какую-нибудь незначительную оплошность и делал все, чтобы жизнь юноши стала невыносимой. Вот и сейчас, не в силах сдержать свою неприязнь, он схватил Гришу за грудки. Вплотную приблизив свое бородатое лицо к лицу парня, Федор угрожающе заявил:

– Ты больно наглым стал, Гришка, пора бы тебя проучить как следует.

Григорий в ответ уперся кулаками в широкую грудь старшего брата, пытаясь отцепить его от себя, и храбро выдохнул:

– Я не боюсь тебя, Федор!

– Не боишься, говоришь? А зря.

– Федор, прошу, отпусти его! – раздался вдруг сбоку от них мелодичный приятный голосок.

Федор стремительно повернул голову и сузил глаза. Слава отчего-то вернулась назад и быстро приблизилась к ним. Все так же в своем мужском костюме девушка как-то нервно испепеляла старшего Артемьева прелестным золотым взором, кусая губы.

– Еще чего я должен? – огрызнулся Федор. – Ступай лучше в горницу. Твоя мать еще с утра тебя разыскивала.

– Я не уйду, пока ты не отпустишь Гришу.

– Ты это чего, соплюшка, в защитницы Гришки записалась, что ли? – ядовито процедил Федор, так и не отпуская темную вышитую рубашку парня.

– Если не отпустишь, я немедленно расскажу все матушке. Или лучше рассказать Тихону Михайловичу? – с угрозой заметила Слава, окатив Федора предостерегающим взглядом.

После ее слов Федор напрягся, прекрасно зная, что ему не поздоровится, если девица действительно все расскажет отцу. Выдохнув матерное слово, Федор заставил себя отпустить парня и, окинув злым взглядом молодых людей, пробурчал:

– Ладно, идите пока. Я дождусь, когда в этом доме будет моя власть, вот тогда посмотрим, как вы заговорите у меня!

Резко развернувшись на каблуках, Федор быстрым широким шагом направился в сторону гостевого дома. Слава печально вымученно улыбнулась Грише, и парень сказал:

– Благодарю, сестрица.

– Отчего ты терпишь все это, Гриша? – не удержалась от вопроса Слава. – Отчего не пожалуешься Тихону Михайловичу?

– Да неудобно мне как-то, Слава. Все-таки дядя столько сделал для меня. Когда осиротел я, принял меня в своем доме как родного сына, что ж я буду расстраивать его рассказами о том, что мы с Федором враждуем.

Глава IV. Колодец

Сибирская губерния, Тобольск, 1717 год

(Великая Тартария, Тобольск, 7225 лето С.М.З.Х)

Июнь, 29.

– Доченька, вставай, милая, – ласково произнесла Мирослава, склонившись к постели, и осторожно провела ладонью по щечке девушки. – Идти нам надобно, уже светает.

Спросонья, потягиваясь и зевая, Слава села на постели. Мира подала ей одежду, терпеливо дожидаясь, пока дочь оденется и умоется.

– Мы так рано пойдем, матушка? – удивленно спросила Слава. – Едва первые петухи пропели.

– Надобно, чтобы не видел нас никто, – тихо ответила Мира и велела: – Нижнюю юбку не надевай, только одну темную, которую я тебе собрала.

Уже спустя четверть часа они вышли через калитку, которая вела с постоянного двора в сторону леса, и поспешили по узкой тропке. Ярко-оранжевое солнце еще не встало, и утренний туман стелился по траве. Мира спешила и опасливо оборачивалась, словно чего-то боялась.

– Матушка, вы так и не сказали, зачем мы приехали сюда, – сказала Слава, едва они вышли в поле, засеянное гречихой.

– Пришло время, девочка моя, – тихо вымолвила молодая женщина, чуть обернувшись к дочери и увлекая ее все дальше в направлении леса. – Две недели назад прилетела белая сова с Северных островов. Потому мы и приехали сюда, где вы родились с Ярославом.

– Я ничего не понимаю, вы постоянно говорите какими-то загадками, – пролепетала Слава.

Две недели назад Мирослава настояла на немедленной поездке в Тобольск, причем все увещания Тихона Михайловича не возымели никакого действия на молодую жену. Она как безумная твердила, что они со Славой должны ненадолго съездить на могилки к Ярославу и Роману. Артемьев не в силах отказать любимой жене вызвался сопровождать ее, но Мира категорично отказала ему, заявив, что они с дочерью поедут одни. На все уговоры и даже мольбы Артемьева о том, что опасно на дорогах, она оставалась непреклонна. Тихон Михай-

лович был вынужден отпустить их в далекий Тобольск и для сопровождения жены нанял на службу пятерых солдат, позаимствованных у губернатора Астрахани, которые должны были защищать Миру и Славу от лихих людей.

Только вчера они приехали в Тобольск и остановились на одном из постоянных дворов, ближайшем от того поселения, где ранее они жили всей семьей с Романом и Яриком.

– Я должна многое рассказать тебе, Светослава, – сказала Мира, когда вдалеке заметила древний могучий дуб, у которого много лет назад Темные едва не убили ее.

Она тянула дочь за руку дальше, и Слава уже нервно выдохнула:

– Матушка, это жуткое место, я боюсь. У меня перед глазами все как тогда...

– Это место светлое, Слава, – объяснила Мира, продолжая идти. – Твой дед так говорил. И даже Темные своими кознями не смогли осквернить его. Ибо священный камень до сих пор не найден и скрыт в недрах этой земли.

– Священный камень? – удивленно заметила Слава.

– Да. Я не могла рассказать тебе раньше, дочка, но недавно Светлые волхвы известили меня, что пришло время. Мы должны поднять из темницы Великого Владыку Миров. А через два месяца, когда тебе исполнится восемнадцать, ты отправишься в Архангельск.

– Я?

– Да, Слава. Помнишь тот колодец, который строил твой дед?

– Да, – кивнула та. – Но он не спас нас тогда, как говорил батюшка.

– Все произошло не так, как мы того хотели, но ты должна понимать, что Темные слишком коварны и умны. Мы уже сотни лет ведем с ними войну, и, как все повернется, никто не может знать. В тот раз мы потеряли Ярика и твоего батюшку, – молодая женщина умолкла, и ее глаза заволокли слезы. Но Мира тут же взяла себя в руки и тихо добавила: – Но священный алмаз не попал в руки Темных, и потому мы выиграли ту битву, даже потеряв наших любимых. Именно так сказали в послании северные волхвы.

– Матушка, о каком камне вы все время говорите? – не удержалась от вопроса девушка.

Они уже приблизились к колодцу, Мира остановилась у деревянного круглого строения и внимательно посмотрела на дочь.

– О старинном обережном камне, Великом Владыке, который открывает врата в между-мирье. Этот алмаз был найден твоим дедом на рудниках незадолго до того жуткого нападения Темных. Монахи-убийцы приходили за этим камнем. В ту страшную ночь я бросила его в колодец. Я боялась, что камень повредился, но волхвы в послании объяснили мне, что я неправа. Этот колодец твой дед построил по рисункам северных волхвов, и он имеет тайное устройство. Все, что падает в него, в самой глубине внизу невольно замедляет свое движение и парит, словно птица, а затем осторожно опускается наземь. Оттого волхвы думают, что камень цел. Надобно спуститься в колодец и достать его.

– Как чудно, матушка.

– Плохо. Потайная лестница оборвалась, – нахмурилась Мира, склоняясь внутрь колодца.

Слава вспомнила, как отец учил ее спускаться в одиночку по этой мягкой лестнице. И как раз по ней в ту страшную ночь девочка побоялась лезть одна. В эту пору от лестницы остались только тряпичные обрывки на каменной стене колодца.

– Ну, ничего, – встрепенулась молодая женщина, опуская рукой ведро, висевшее над колодезной темной пропастью. – Я спущу тебя на ведре от водицы. Оно хитро устроено, тоже твой дед выдумал. На нем можно сидеть, как на качелях. Ты легче меня да ловчее, – добавила Мира, приобняв дочь. – Осторожно опущу тебя внутрь, и ты достанешь алмазный камень. Я полезла бы сама, но у тебя не хватит сил вытащить меня.

– Хорошо я слажу, матушка, – кивнула девушка, с опаской заглядывая в колодец. – Но там темно...

– Вот, милая, возьми с собой огниво, зажжешь его. Едва почувствуешь под ногами землю, слезай с ведра и обыщи колодезное дно. Как камень отыщешь, дергай веревку. Я и вытащу тебя.

Слава положила в карман огниво. А в это время Мира поставила ведро на широкий бок колодца. Ведро было шире обычной величины и имело чуть изогнутую форму. Девушка залезла на качели-ведро, и молодая женщина, чуть отойдя, взялась за железную ручку. Хитрый подъемный механизм колодца позволял поднимать большой вес. Оттого Мирослава едва напрягаясь, довольно легко сделала несколько поворотов ручкой, быстро спуская Славу внутрь колодца.

– Зажигай огниво, милая, тебе будет не так страшно, – велела Мира.

Будучи гибкой и подвижной, девушка, поджав ноги, плотно ухватившись икрами за ведро-качели, торопливо зажгла огниво, заключенное в стеклянный корпус и похожее на лампаду. Уже через миг стены колодца озарились светом, и Мира продолжила опускать дочь вниз, то и дело заглядывая в колодец. Через некоторое время девушку совсем не стало видно. Лишь яркий огонек явственно сиял в кромешной тьме колодца.

– Слава, ты слышишь меня? – крикнула взволнованно Артемьева.

– Да, матушка, – спокойно ответила девушка приглушенным голосом, и Мира прекрасно расслышала дочь. Это было удивительно, все же она спустила ее почти на шестьдесят аршин и земля должна была поглощать звуки, но все было очень хорошо слышно. – Вы не кричите, я все хорошо слышу.

– Хорошо, милая, я дальше опускаю, – сказала Мира, продолжая поворачивать ручку с силой, напрягая руки и стараясь опускать веревку с ведром монотоннее, чтобы нечаянно не уронить девушку.

Прошло еще некоторое время. На лбу Миры выступил холодный пот от напряжения и страха за любимую дочь, и она отметила, что веревка вот-вот закончится. Уже через несколько мгновений молодая женщина, отпустив ручку, наклонилась над колодцем. Отчетливо видя неяркий отсвет огнива в длинном темном подземелье, которое казалось бездонным, тихо произнесла:

– Слава, ты слышишь меня? Веревка кончилась. Ты спустилась?

– Матушка, я не вижу земли, – услышала она тихий голосок в ответ. Мира в который раз поразилась, как хорошо слышны слова дочери, которая находилась, наверное, в сотне шагов вниз от нее. В следующий миг послышался испуганный голосок Славы: – Я слышу какой-то странный писк...

– Обведи вокруг огнивом и посмотри! – велела Мира.

– Хорошо, матушка...

Крепко держась рукой за веревку, которая была над ее головой, и крепко обхватив ногами ведро, Слава провела огнивом вокруг себя, медленно разворачиваясь на качелях-ведре. В следующую секунду из-под ног девушки неожиданно вылетела небольшая птица с огромным клювом и устремилась в лицо Славы, до смерти напугав ее. Вмиг еще три мохнатые птицы с раскрытыми зубастыми клювами взвились из темной бездны и кинулись к девушке, пытаясь вцепиться ей в волосы. Невольно закричав от испуга, Слава отпустила веревку и огниво и инстинктивно закрылась руками от диких крылатых чудовищ. Тут же она потеряла равновесие и, сорвавшись с ведра, полетела вниз, дико закричав. От жуткого испуга ее сердце едва не выскочило из груди.

Черные летучие мыши, вылетев из темноты с диким писком, едва не врезались в бледное лицо Миры, которая склонилась над колодцем. Испугавшись, та резко отшатнулась, сразу же поняв, чей писк слышала Слава. Мира вновь быстро склонилась над колодцем и в ужасе вскрикнула, увидев, что свет погас.

– Слава! Слава! – истошно закричала в панике молодая женщина. – О Боги, да что же это?! – завопила она в ужасе, представив, как девушка, сорвавшись, упала в пропасть и разбилась насмерть.

– Матушка, я упала! – услышала вдруг Мира приглушенный голос дочери. А через миг та удивленно и облегченно добавила: – Все, матушка! Под ногами твердо! Я на земле.

– Боже, девочка моя, ты не расшиблась?

– Вроде нет. Ничего не болит, – тихо ответила Слава. – Я так долго падала. Думала, умру от страха. А потом вдруг ощутила, как под ногами твердо.

– Слава Светлым Богам! Знать, волхвы были правы, что колодец по чародейному сотворен.

– Кто это был, матушка? Эти жуткие птицы?

– Это летучие мыши, милая. Они, видимо, испугались тебя и вылетели.

– Я выронила огниво. Тут ничего не видно. Я боюсь!

– Слава, ищи огниво! Оно наверняка тоже упало. Слышишь? Без него тебе не найти камень. Да и понять надо, сколько веревки еще надобно, чтобы вытащить тебя! Слава! И не бойся! Слышишь? Главное, не бойся. Я здесь, с тобой!

– Хорошо, матушка, – ответила тихо Слава из тьмы.

Быстро присев на корточки, девушка начала шарить руками по земле. Было так темно, что она не видела даже собственную руку, и лишь какой-то гнилой запах заполнял ее ноздри. Жуткий страх сковал тело Славы, но она пыталась сдерживаться и не заплакать и упорно шаг за шагом продвигалась вперед, стараясь нащупать спасительное огниво.

– Нашла, малышка?! – уже через пять минут выпалила Мира, не выдержав напряжения, неистово схватившись руками за край колодца и склоняясь внутрь.

– Не могу найти. Тут так темно. Мне страшно, матушка! – прокричала нервно девушка.

Понимая, что дочка сильно напугана, Мира поджала губы, и на ее глазах тоже выступили слезы. Но она глухо приказала:

– Только не плачь, милая, – и по щекам молодой женщины от бессилия побежали слезы. – Попробуй ладонью провести вокруг. Огниво еще теплое. Ты должна ощутить энергию потухшего огня, как я учила тебя.

– Вы правы, матушка, сейчас, – уже более воодушевленно заметила Слава и через какое-то время воскликнула: – Матушка я что-то нашла. Но это не огниво. Оно тяжелое и твердое. Это какой-то камень. Он такой большой! Едва помещается на ладони. Он обернут в материю. Этот камень я должна найти?

– Да, девочка моя, – выдохнула тихо Мира в колодец. – Ты почувствовала его, Слава. Это и есть Великий Владыко.

– Он теплый.

Некоторое время Славу не было слышно. А через минуту Мира увидела тусклый свет, который появился в темной бездне.

– Ты нашла огниво? – воодушевленно спросила Мира.

– Нет, матушка. Это камень! Я вытащила его из темного мешочка, и он светится! Светится! Так красиво.

– Слава, он светится, как огниво?

– Почти. Но не так ярко. Но я все вижу! Здесь пещера! Она небольшая, и тут много луж, – произнесла девушка. Мирослава отчетливо слышала дочь и видела, как тусклый светлый шарик внизу чуть перемещается в сторону и обратно. – Ах, вот и огниво! Оно все намokло и не зажжется.

– Слава, я поняла! – вдруг вымолвила Мира. – Твоя энергия наполнила камень, оттого он светится. Ты не выпускай его из ладони! Тогда он не погаснет. Ты поняла, малышка?!

– Хорошо, матушка.

– Все верно, милая. Посмотри, высоко ведерко от тебя?

– Высоко, очень. Наверное, сорок, а то и пятьдесят шагов вверх.

– Ясно, малышка. Слава, я сбегая на постоянный двор. Я быстро. Принесу еще веревку, чтобы вытащить тебя! Жди, милая, я уже бегу! Главное, не бойся!

– Да, матушка, я буду ждать! С камнем мне не так страшно, – крикнула Слава, и Мира услышала последние слова девушки уже на ходу.

Спустя час молодая женщина, удлинив веревку и спустив ведро до конца безводного колодца, вытащила дочь из мрачного подземелья. Едва девушка достигла края колодца и встала ногами на землю, как Мира неистово притиснула Славу к себе и выдохнула:

– Как же ты напугала меня, милая!

– Все хорошо, матушка, – улыбнулась та. – Главное, я достала камень.

Она протянула до сих пор светящийся камень Мирославе. Алмаз размером с два куриных яйца имел округлую форму, чуть приплюснутую с обеих сторон. Гладкий и переливающийся, он невольно вызывал восхищение у всех, кто видел его. Он не имел цвета, и его прозрачная структура походила на чистую каплю росы без вкраплений и изъянов. Молодая женщина с благоговением осторожно взяла камень в ладонь. Едва камень оказался в руках Миры, он начал бледнеть, и свет, что исходил изнутри самоцвета, стал угасать и вскоре пропал совсем.

– Он погас, матушка.

– И, правда, милая.

– И что это значит?

Мира долго молчала, медленно переводя глаза со Славы на камень и обратно, и только спустя некоторое время вымолвила:

– Пойдем в лес, малышка. Мне надо многое рассказать тебе. Там спокойнее, никто не услышит.

– Как скажете, матушка, – согласилась та и вытянула из кармана черный мешочек.

Мира осторожно всунула большой алмаз в холстину и, взяв дочку за руку, устремилась с ней в лесную чащу.

– Камень этот очень сильный оберег. Он имеет такую же форму, как и наша Земля. Он оберегает наш мир от зла, – начала Мирослава, едва они уселись на небольшую поваленную сосну, окруженную осинами. – И думаю я, что светился он нынче не зря. Ведь волхвы наказали мне подарить этот древний самоцвет тебе. Видимо, камень чувствует тебя. Я дарю тебе его, девочка моя. Береги камень этот. Он бесценен. Пока он на стороне Света, мы защищены от страшных войн и ужасов, которые могут вызвать своими происками Темные. После своих именин ты отправишься в Архангельск, в тайный скит. Все думают, что это православный монастырь. Но на самом деле это тайное пристанище последних оставшихся в живых Светлых волхвов, ведунов и ведающих матерей-ведьм, которые в настоящее время пытаются бороться с Темными. В своем послании волхвы велют тебе ехать к ним для обучения тайным знаниям.

– На обучение?

– Да, милая. Твой брат погиб. И теперь ты должна оберегать камень. Мудрые волхвы научат тебя всему, что тебе надобно знать и уметь. И ты будешь под их защитой. Через месяц мы отправимся с тобой в Архангельск. Там я и передам тебя владыке Лучезару.

– Кто это, матушка? – благоговейно спросила Слава.

– Великий волхв Света. Он будет твоим наставником.

– Я боюсь, матушка. Долго ли я должна жить на этих северных островах? Я там никого не знаю.

– Неведомо сколько. Но ты должна понять, доченька, что другого пути у нас нет. Твой долг помочь нашим Светлым братьям. Они очень ждут камень и тебя. И медлить нельзя. Ведь Темные могут прознать, что мы вновь обрели древний оберег. А ты помнишь, что случилось тогда? Темные не должны завладеть камнем. Потому волхвы хотят, чтобы ты жила у них. Так

они смогут охранять тебя и камень. Я очень люблю тебя, Слава, но мой долг отдать тебя Светлым волхвам на обучение. Это твое предназначение, они так написали.

– Но ты можешь поехать со мною, – предложила Слава.

– Нет, милая. Я чувствую, что моя жизнь скоро прервется.

– Что вы говорите, матушка? Разве вы больны?

– Нет. Но ты знаешь, что я могу иногда читать будущее...

– И что же вы видите?

– Последнее время ко мне приходит одно видение, оно преследует меня.

– Расскажите, прошу вас!

– Я видела тебя в некоем подземелье среди Темных. – Мира замолчала и сглотнула твердый ком в горле. Но тут же, с любовью и болью посмотрев на девушку, добавила: – И один из Темных стоял за твоей спиной с поднятым смертельным оружием, мечом. От него исходила опасность...

– Он хотел убить меня? – выпалила в ужасе Слава.

– Скорее всего, дочка. Это видение приходит ко мне очень часто в последние месяцы. Этот Темный имеет сильную энергетику и невероятную силу. Я чувствую, что это будет в твоей судьбе...

– Но как убежать от него? От этих Темных? Вы знаете?

– Я пыталась посмотреть будущее, но более ничего не вижу, – удрученно заметила Мира, вздохнув. – А когда я пытаюсь спросить высшие светлые силы, как спасти мою девочку, они показывают мне некую старинную прозрачную книгу. Я заглядываю туда и читаю.

– И что там написано, матушка?

– Загадочные слова. Я не могу понять их.

– Скажите какие?

– «От Света рассыплется тьма в прах и тогда спасутся от лжи...»

– И впрямь странные слова, – пролепетала Слава.

– Да, – тихо вымолвила Мира. – Но я чувствую, что именно эта фраза будет ключом к твоему спасению, малышка. Возможно, эти слова смогут разъяснить тебе северные волхвы, ты непременно спроси их о том.

– Да, матушка, я поняла. Я запомнила...

Глава V. Жених

Русское царство, 1717 год

(Московская Тартария, 7225 лето С.М.З.Х)

– А, Кристиан, мой мальчик, войди, – произнес хриплым низким голосом Верховный.

Кристиан фон Ремберг твердым шагом проследовал в каменный округлый зал. Не обращая внимания на нескольких темных монахов, стоявших по обе стороны от каменного трона, он открыто без опаски взглянул прямо в глаза Верховному. Бывший жрец, монах Лионель, который с детства воспитывал его и обучал всему, полгода назад был посвящен в сан Верховного жреца, после неожиданной кончины предыдущего управителя Ордена Святого Креста.

Верховный отметил, что молодой человек, как и обычно, не поклонился в знак почтения, как того требовал устав Ордена, а лишь чуть склонил голову и тут же выпрямился. Если бы подобное сделал любой другой брат или посвященный Лионель бы немедленно приказал бросить его в темницу на съедение диким псам. Но Кристиан был единственным, кому позволялось такое вольное поведение по отношению к Верховному. И это было не потому, что Лионель с теплотой относился к молодому человеку. Вовсе нет. Сердце Верховного не испытывало ни жалости, ни любви к кому бы то ни было. Но внутренняя сила Кристиана, его необычные

способности, тайные умения были нужны Лионелю. Верховный жрец постоянно использовал молодого человека для самых трудных поручений.

Эти задания были не просто сложными, а в большинстве случаев невыполнимыми или смертельно опасными. Не раз бывало так, что, сначала посылая на трудное задание дюжину хорошо обученных военному делу братьев ордена и ожидая победы, Лионель в ужасе наблюдал за тем, как спустя время ни один не возвращался живым. Тогда верховный отправлял туда именно Кристиана и одного. И молодой человек не только возвращался живым и невредимым, но и с блеском выполнял поручение. Кристиан всегда действовал один, лишь белый волк был его спутником. Оттого Кристиан был нужен Верховному, поскольку он один стоил целого войска темных братьев.

– Я привез изумруд, – вымолвил Кристиан глухо.

– Ты все же нашел его? – удивился Лионель, этот камень Темные разыскивали уже десять лет. И только по обрывочным сведениям они знали, что древний изумруд находится у женщины с рыжими волосами. – Впрочем, я не сомневался в тебе, мой мальчик.

– Это не составило особого труда, – заметил фон Ремберг. – Женщина отдала его без сопротивления. Потому я оставил ее в живых.

– Ты слишком жалостлив к этим Светлым, Крис. Я не этому тебя учил, – поморщился Верховный, которого выводило из себя то, что Кристиан старался избегать убийства беззащитных детей, женщин и стариков.

– У нее шестеро детей. Она им нужна, – безразлично ответил молодой человек.

– Что тебе до нее? – проскрежетал жрец Лионель. На это Кристиан промолчал. И Верховный видя, что фон Ремберг совсем не раскаивается в своем поступке, холодно добавил: – Однако изумруд наш, это главное. Отдай самоцвет брату Деонису, пусть запишет его в нашу книгу.

– Я уже сделал это, – кивнул Кристиан. – Мне сказали, что вы искали меня.

– Да, мой мальчик. У меня есть новое поручение для тебя, – заявил Верховный жрец.

– Я слушаю, ваше святейшество.

– Ты оказался прав. И Великий Владыко действительно появился вновь. Твои ощущения не подвели тебя, как и обычно.

– И где же он? – спросил фон Ремберг.

– Он в Астрахани. На юге, как ты предполагал. Наши братья выяснили, что он появился вновь у той светлой – матери двойняшек.

– Но ведь женщина умерла? – удивился Кристиан.

– Она выжила. И, видимо, все же успела спрятать священный алмаз в тайник. Она ездила в Тобольск и привезла оттуда камень неделю назад.

– Но, если камень был в тайнике, отчего я не ощущал его все эти годы?

– Я не знаю, Крис, – поморщился Верховный. – Но это очередная загадка Светлых. Сейчас это неважно. Главное – Великий Владыко вновь явлен. И мы должны завладеть им. Нынче Светлая подарила алмаз своей дочери, которая тогда убежала от тебя в лесу. В эту пору девице семнадцать, и она живет с матерью в Астрахани. Именно там они и хранят камень.

– Я немедленно поеду и заберу камень. Вряд ли сопливая девица сможет оказать мне сопротивление.

– Нет, Кристиан! – испугано проскрежетал Верховный. – Я запрещаю тебе это! На днях брату Арману удалось расшифровать одно из преданий Светлых, и в нем сказано, что нельзя Великим Владыкой завладеть насильственно. Иначе древний алмаз потеряет всю свою силу. Его можно отдать только в дар. Ты понял меня?

– Но тогда, девять лет назад, мы хотели... – начал фон Ремберг.

– Ранее мы не ведали этого. И если бы насильно забрали камень тогда, то совершили бы страшную ошибку! Ибо самоцвет утратил бы свою силу, и мы бы не смогли открыть Врата

Миров. Теперь я понимаю, отчего в тот день темный повелитель приказал нам остановиться и уходить. Не зря мне явился в тот день Повелитель, мы бы все разрушили, и сила камня бы иссякла, – он чуть помолчал и добавил: – Отныне мы будем действовать по-другому. Мы должны затаиться и изменить наши деяния. Более никакого открытого противостояния и насилия.

– Мы что же, перестанем искать священные кристаллы Инглии? – поинтересовался фон Ремберг.

– Нет, конечно. Но теперь все надо делать очень скрытно и осторожно. Так как тайная канцелярия этой ледяной страны, в которой мы нынче вынуждены обитать, сильно интересуется нашим орденом. Особенно после того кровавого побоища, которое устроили наши братья этой весной в Москве при поиске рубинового яхонта. С сего дня все приговоренные должны исчезать незаметно. Так, чтобы никто не заподозрил, что они казнены нами. Ты понимаешь меня, мой мальчик?

– Да. Но тогда я должен выкрасть священный алмаз, Владыку?

– Нет. Я же сказал, камень можно получить только в дар. Иначе он потеряет свою энергию.

– Но Светлая девица никогда не захочет подарить этот древний самоцвет нам, – вымолвил удивленно Кристиан. – Скорее всего, мать рассказала ей обо всем.

– Ты прав, Крис. Но я придумал кое-что. Послушай. Как я сказал, девице семнадцать лет. И она наверняка наивна и чиста, потому как еще почти ребенок, плохо знает жизнь и вряд ли разбирается в ней. И я думаю, надобно сделать так, чтобы она влюбилась. И сильно. Возможно, тогда она передаст камень в дар своему возлюбленному, при условии, что он попросит ее. Ведь влюбленные девицы становятся до того глупыми, что готовы на многое ради объекта своей сердечной привязанности. Что ты об этом думаешь, мой мальчик?

– Наверное, вы правы, ваше святейшество. Но я вовсе не разбираюсь в этой самой любви. Оттого не знаю, как девица сможет повести себя.

– А я разбираюсь. Вот послушай. Девка точно влюбится в некоего рыцаря, так сказать, который будет красив, умен, силен. Который сумеет ее обаять, затуманить ее голову соблазнительными речами и увлечь. А если еще устроить небольшую потасовку и сделать так, чтобы этот молодец спас девку, он станет для нее героем, и она точно влюбится в него без памяти. В нужный момент этот молодец выпросит у нее в дар камень. Вот алмаз и окажется у нас, ибо этот рыцарь-спаситель будет подослан нами. Ты согласен со мной?

– Наверное, – нахмурившись, буркнул Кристиан. Ему совсем не нравился этот странный разговор о соблазнении девицы. – Но кто станет этим рыцарем-оборотнем?

– Ты, мой мальчик, – твердо вымолвил Верховный.

– Я? – опешил молодой человек вконец.

– Конечно! – воодушевлено проскрежетал жрец Лионель, и его глаза заблестели мрачным светом. – В тот раз, девять лет назад, в лесу она же не видела твоего лица?

– Нет...

– Вот! Это главное! Ты молод, хорош собой, я бы даже сказал, красив. Тебе недостает лишь... – Верховный чуть замялся, подбирая слова. – Ты должен почаще улыбаться и не смотреть так грозно и сурово, как будто хочешь кого-то растерзать. Понимаешь меня?

– Но я вряд ли подхожу на роль соблазнителя-возлюбленного, – глухо неуверенно заметил фон Ремберг.

Молодой человек прекрасно знал, что девицы и женщины боялись его. Его взгляд наводил ужас на противоположный пол. Да, Кристиан был красив и внешне эффектен, но стоило ему лишь посмотреть на девушку, как она от страха начинала дрожать. Однажды, лет в девятнадцать, он заставил одну из девушек сказать, отчего она пытается убежать от него, все же он только хотел поговорить с ней. И она, дрожа от ужаса, ответила, что видит в его глазах жут-

кий леденящий кровь холод, проникающий до самых ее внутренностей, а также смертельный огонь, который хочет спалить ее.

С тех пор Кристиан не дерзал приближаться к девицам. Да и они не особо жаждали с ним общаться. Поскольку Кристиан прекрасно знал, что все обычные непосвященные люди считают его чудовищем. Едва он появлялся где-либо в обществе, жутковатые слухи о нем немедля передавались из уст в уста, а его взор подтверждал все страшные догадки. Оттого девицы и дамы даже боялись смотреть в его сторону. Так происходило и в Кёнигсберге, где он жил долгое время, и в Берлине, где он служил при дворе короля Пруссии Фридриха I. Да и сейчас, поселившись в окрестностях Петербурга, он видел, что дворяне и простые люди начинали сторониться его, едва темные кровожадные слухи достигали их ушей.

Теперь фон Ремберг и сам старался избегать общества женщин, ибо считал их всех недалекими, пустыми, взбалмошными созданиями, которые, по его мнению, и нужны были только для того, чтобы удовлетворять мужские потребности да рожать детей. Единственными существами женского пола, с которыми он общался, были девицы легкого поведения в кабаках. Которые хотя и боялись его, но все же за хорошую плату соглашались провести с ним ночь. Однако Кристиан, дабы немного уменьшить неприязнь к себе, всегда приходил в кабак в маске и требовал, чтобы при интимных делах девица не смотрела ему в глаза, чтобы не напугать ее, да и непременно гасила все свечи. Именно поэтому сейчас так недоуменно говорил молодой человек, не понимая, как он должен исполнить несвойственную ему роль.

– Я никогда не соблазнял девиц, – замялся Кристиан, и неуверенность была явно не свойственно молодому человеку.

– Кристиан, не огорчай меня, – нахмурился Верховный, и его взор стал темнеть. Фон Ремберг лишь напрягся, зная, что спорить бесполезно, оттого что и никогда не никто спорил с Верховным – это был смертный приговор. – Я сказал, ты должен соблазнить и влюбить в себя девку. Только ты сможешь это сделать. Брат Бертран поведал, что ее энергетика почти десять светиннов! Ты понимаешь меня? Да, это, бесспорно, меньше, чем у ее умершего брата, но все же это очень много. И потому только ты сможешь противостоять ей и своими умениями и тайными знаниями, умом и гипнозом подчинить ее себе. И именно ты сможешь убедить ее подарить тебе священный алмаз! Более никто не справится, я знаю это! Так что даже не спорь! Ты понял меня?

Верховный замолчал, испепеляя взором молодого человека.

Кристиан почувствовал, что жрец, как и обычно, применил свое энергетическое воздействие, пытаясь подчинить его своей воле. Фон Ремберг сразу же поставил невидимый защитный барьер, все-таки он уже давно тайно научился блокировать воздействие Верховного, ибо после воздействия жреца Кристиан несколько часов чувствовал боли во всем теле. Молодой человек опустил взор, чтобы у Верховного не получилось так сильно воздействовать на него. И Лионель продолжал:

– Ты ведь сможешь сыграть эту роль? Соблазнителя? И надобно всего-то говорить девке ласковые слова да льстить. Да и взгляд чуть потеплее сделай. И она растает, даже не сомневаюсь. Ты же очень умен. Я думаю, что тебе не составит большого труда влюбить в себя эту девицу. Главное – необходимо изолировать ее от матери и отчима. Но насчет них я тоже кое-что придумал. Затеем небольшую баталию и найдем злодея. Он, кстати, тоже уже имеется, как выяснили наши братья. Во время хаоса ты спасешь девицу из лап этого злодея, и девка сразу же влюбится в тебя. Видишь, как я все выстроил? И тебе останется сделать самую малость. Ну и что ты скажешь на все это?

– Я выполню волю ордена, – глухо пробубнил Кристиан.

– Ты недоволен, мой мальчик? – возмутился Верховный, но не зло. Лионель понял, что Кристиан в душе уже согласен. – И что ты боишься, я не пойму? Ну, проведешь с ней немного времени, и все. Главное для тебя – камень. Ты понял?

– Да, главное – камень, – как попугай, повторил фон Ремберг и поднял глаза на Верховного. – Я сделаю все, как вы велите.

– Вот! Теперь я вижу, что ты понял, что это очень важное дело, мой мальчик. И только ты сможешь его выполнить. Да! Тебе, возможно, придется жениться на этой девице.

– Жениться? – опять опешил Кристиан. – Но я смогу влюбить ее в себя и не доходя до алтаря. Я так думаю, ваше святейшество. Зачем же...

– Кристиан, ты много споришь со мной сегодня, я уже недоволен, – предостерегающе заметил жрец Лионель. – Ты женишься на ней, я так повелеваю. Ибо, кроме камня, нам нужна и сама девица. Об этом я расскажу тебе позже. Только если будешь для всех ее мужем, ты сможешь увезти ее, куда считаешь нужным, и никто не сможет остановить тебя, поскольку ты будешь иметь на нее все права.

– И что же, я должен принять православие, чтобы жениться на ней? – спросил кисло молодой человек.

– Нет, конечно! – вымолвил Верховный. – Но мы уверим всех, что это так. А затем устроим венчание, точнее, сыграем его. Один из наших братьев исполнит роль попа, и для всех мы покажем, будто ты взял девицу замуж.

– Но это же будет фикция.

– Все верно, мой мальчик. Это будет спектакль. Для всех ты обвенчаешься с девицей. И главное, чтобы она поверила в это. Она влюбится в тебя и отдаст тебе камень. И пусть Светлые останутся с носом, так как у нас в руках окажется и девица, и Великий Владыко, которых они так берегут. Главное, мы получим то, что хотим...

Глава VI. Свадебный обряд

Астрахань, 1717 год

(Великая Тартария, Астрахань, 7225 лето С.М.З.Х)

Июль, 14.

– Здравие жениха и невесты! Горько! – прокричал звучно Федор и, подняв кубок, полный вина, ухмыльнулся во весь рот, смотря на смущенных молодых. Жених, Семен Артемьев, величавый крепкий молодец с румянцем во всю щеку, с небольшой густой русой бородой, поднялся с лавки, устланной овечьей шкурой, и помог встать своей молодой жене, Любаше. Быстро наклонившись к молодой супруге, Семен крепко поцеловал бледную девушку. Гости дружно подхватили слова дружки и с веселыми криками принялись чокаться полными чарками.

Сегодня, четырнадцатого июля в воскресный день, в первую неделю после праздника Петра и Павла, известный астраханский дворянин Тихон Михайлович Артемьев женил своего младшего сына Семена. Молодые, смущенные и немного ошалевшие от поздравлений, были одеты в русские праздничные наряды, которые испокон веков носили их предки. Недавний указ царя Петра Алексеевича о ношении немецкого платья, хоть и был донесен до далекого юга русского царства, все же еще не имел сильного влияния на отдаленные окраины России. Многочисленные гости, также в большинстве облаченные в вышитые сарафаны, зипуны, кокошники и длинные кафтаны, являли собой исконно русский колорит свадьбы. Лишь немногие приглашенные гости-иностранцы да чиновники были наряжены в немецкие платья и темными пятнами выделялись в яркой праздничной кавалькаде гостей.

Двадцатилетняя невеста, Любовь Ивановна Стрешнева, была хороша собой и знатна родом. Красный атласный сарафан, богато вышитый золотом, подчеркивал стройную высокую фигуру девушки, а темные густые волосы ее были распущены за спиной и украшены нарядным жемчужным кокошником. Длинные золотые серьги свисали почти до плеч. Новоиспеченный муж ее, Семен Артемьев, то и дело с любовью поглядывал на бледную девушку и довольно

улыбался. Светло-русый высокий Семен двадцати четырех лет от роду имел мужественный вид и добрые серые глаза. Одет он был в белый праздничный кафтан, подпоясанный вышитым кушаком, темные штаны и высокие сафьяновые сапоги красного цвета.

Гости, сидевшие по обе стороны от молодой четы в огромной светлой горнице, шумно обсуждали жениха и невесту, сытно ели и обильно поглощали всевозможные напитки. На столе стояли разнообразные яства: студни, печеная дичь, жареные поросята, вареные рыбы, соленья, пироги, каши и другие праздничные блюда. Слуги постоянно разливали в опустевшие бокалы гостей медовуху, вина или квас. Женщины красовались в богатых кокошниках и ярких платьях-летниках; румяные, белёные, с нарисованными углем черными бровями. Мужчины, бородастые, в дорогих кафтанах и косоворотках, сидели с довольными и важными лицами. Гости, веселые, говорливые, сыпали прибаутками и наставлениями в сторону молодых. Только пару часов назад свадебный поезд вернулся из церкви, и впереди предстоял пир на долгие три дня.

Молодые сидели в центральной части большого стола. Слева от невесты располагались приглашенные со стороны жениха, во главе которых находился хозяин дома Тихон Михайлович, облаченный в синий кафтан, расшитый серебром и с драгоценными каменными пуговицами. Рядом с ним зияло пустое место, оно было предназначено для хозяйки дома Мирославы Васильевны, которая еще не спускалась к свадебному пиру. Далее на лавках сидели дальние родственники, друзья и знакомые Артемьевых.

Федор, единокровный брат жениха, исполнял роль дружки на свадьбе. Он сидел за столом по правую руку от Семена, в начале стола с гостями невесты, и руководил свадебным пиром. Такой же высокий, как брат, широкоплечий Федор имел красивое лицо с правильными чертами, яркие карие глаза и темные волосы. Он брил бороду на западный манер, приучившись к этому еще во время службы в Померании.

Облаченный в красный шелковый кафтан, вышитый жемчугом, он был уже довольно пьян и то и дело произносил торжественные речи, выполняя свою ведущую роль на свадебном пире. Федор был старшим братом Семена и вторым по рождению сыном Тихона Михайловича. Он помогал отцу вести торговые и рыболовецкие дела и заведовал всеми денежными сборами в их вотчине. Незамужние девицы смущались при виде Федора, а женщины постарше обсуждали за его спиной, что он невозможно смазлив для мужчины. Ему уже минуло тридцать лет, но он до сих пор ходил в холостяках. Его отец постоянно сватал ему ту или иную богатую девицу, но молодой Артемьев заявлял отцу, что жениться не собирается.

Федор в очередной раз устремил наглый взор на невесту, и Любаша зарделась под его пьяным темным взглядом. Впервые молодая Стрешнева увидела Федора пару лет назад в церкви, тогда Любаше едва исполнилось семнадцать лет, и сразу же влюбилась в этого веселого, нагловатого повесу. Но молодой человек совершенно не обращал внимания на старшую дочь Ивана Стрешнева, который являлся компаньоном его отца в торговых делах. Чего только только Любаша ни делала, чтобы обратить на себя взор молодого человека: упрашивала отца чаще приглашать в дом Тихона Артемьева вместе с сыновьями, сама часто становилась рядом с семейством Федора в церкви, чтобы привлечь его внимание, а однажды даже послала ему любовную записку. Но молодой человек оставался холоден к ней.

Однако все усилия девушки привели к тому, что в нее влюбился младший брат Федора, Семен. Прошлой зимой Тихон Михайлович послал сватов в дом Стрешневых, и отец Любашы, польщенный вниманием Артемьева, с радостью дал согласие на венчание любимой дочери с Семеном. Узнав об этом, Любаша долго плакала, но о своих чувствах к брату жениха рассказать отцу не осмелилась, потому была назначена свадьба. Единственным человеком, который знал о страданиях молодой Стрешневой, была ее близкая подруга Слава, приемная дочь Тихона Михайловича. И сейчас, видя хмельного и веселого Федора, Любаша страдала и в душе плакала о том, что ее молодая жизнь навсегда будет загублена с нелюбимым мужем.

Тихон Михайлович в очередной раз залпом выпил полную деревянную чарку медовухи и с гордостью посмотрел на своего сына Семена. Он вдруг вспомнил о своей покойной жене Фотинье, которая подарила ему четверых сыновей почти погодок и умерла еще в молодости. Иван, старший из сыновей, был особо любим отцом, и как раз ему Тихон намеревался передать все свое состояние. Однако судьба распорядилась иначе, и Иван погиб в двадцатилетнем возрасте в шторм на бурном море. Вскоре после этого умер и самый младший его сын, Василий, от чумы.

И сегодня Тихон с радостью женил своего третьего сына Семена и надеялся на то, что его род не прервется и будет здравствовать еще долгие годы. Артемьев провел добрым взглядом по молодой жене Семена и решил, что за внуками дела не станет, ибо такая красавица, как Любаша, здоровая и румяная девка, уж точно нарожает ему много маленьких внучат. Дальнейшая жизнь Семена была уже устроена с помощью одного влиятельного человека при дворе царя Петра Алексеевича. Еще в прошлом месяце молодой человек получил хорошую должность и уже через пару дней должен был отправиться в Москву со своей молодой женой на новое место жительства.

Взгляд Тихона переместился левее, и отец семейства нахмурил брови. Федор был его нелюбимым сыном. Он постоянно спорил с отцом, часто вел себя нагло и непочтительно. И старший Артемьев не знал, как совладать с ним. Постоянные попойки Федора, его кровавые забавы на охоте со страшными подробностями, лишённые невинности дворовые девки – все это не давало спокойно жить на старости лет Тихону Михайловичу. Как ни пытался образумить он сына, тот лишь молча выслушивал отца и продолжал творить свои темные дела, как и раньше. Иногда Тихон жалел, что вместо Ивана, его любимца, не погиб в бушующем море Федор.

Однако у Тихона Михайловича была тайная радость – его вторая молодая жена – Мирослава Васильевна. Тихону уже стукнуло пятьдесят лет, а Мирослава была гораздо младше его. Впервые увидев ее в лавке бакалейщика девять лет назад, Артемьев мгновенно влюбился в молодую прелестную вдову, на руках у которой была малолетняя дочь. Не надеясь уже снова испытать любовное чувство, Тихон ощутил, как его существо наполняется давно забытыми порывами и желаниями. Уже вскоре молодая вдова кузнеца, как представилась ему Мирослава, вышла замуж за Артемьева и стала полновластной хозяйкой в его доме и в его сердце. Тихон оберегал и обожал Миру, ежедневно наслаждаясь видом ее стройного, ладного стана и чудесных светло-золотистых очей. Ее малышку Светославу он принял очень тепло и относился к ней как собственной дочери.

– Горько! Горько! – вновь прокричал Федор громким низким басом, и молодые, вновь встав, чинно поцеловались.

Подбадривающее эхо пронеслось по столам, и гости, уже довольно хмельные, стали требовать танцев.

Прошло уже несколько часов от начала пира, когда в светлую праздничную горницу через большие дубовые двери вошла Мирослава. В желтом атласном летнике, нарядном кокошнике и золоте, она вплыла, как царица. Присутствующие притихли, невольно обернулись к ней. Хозяйка дома приветливо поздоровалась с гостями и, громко пожелав счастья молодым, выпила за них до дна полную чарку медовухи, которую услужливо подал ей слуга на серебряном блюде. Затем она проворно направилась в сторону Тихона Михайловича и уже через миг села подле мужа. Артемьев, который обожал жену, тут же пытливым взором отметил, что на ее нежном лице написано крайнее волнение.

– Что-то случилась, Мирушка? – поинтересовался ласково Тихон, склоняясь к ней. – На тебе лица нет, яхонтовая моя.

– Да, – ответила Мира и, нервно затеребив в руках пустой бокал, попросила: – Налей мне квасу, любезный Тихон Михайлович.

– Со Славущкой что случилось? – спросил Артемьев напряженно.

– Нет, слава Богу, не с ней. Она скоро спустится.

Мужчина быстро налил из хрустального графина квасу.

– Что ж тогда? Не томи, рассказывай, душенька.

Мирослава немного отпила из хрустального бокала и печально взглянула на мужа.

– Федор опять за старое взялся. Снова моих сенных девушек по углам зажимает, – произнесла она и с укором взглянула в сторону Федора, который громко смеялся над шуткой брата Семена. – Марфутка понесла от него ребеночка. Только час назад я узнала о том. Она вешаться надумала. Говорит, что Федор ее прогнал, как узнал, что тяжела-то она. Мы ее со Славой вовремя остановили и еле образумили.

– Ах, греховодник! – воскликнул Артемьев так громко, что некоторые близко сидящие гости обернулись к ним. Однако за общим шумом и весельем остальные не услышали его гневного окрика. – Ну, я ему задам! Никакой управы на него нет!

– Да уж, ты поговори с ним, будь добр, Тихон Михайлович. Если не ты, то кто ж вразумит-то его? – вздохнула женщина и, поднявшись с места, добавила: – Пойду с бабами поздороваюсь.

Едва Мирослава отошла от мужа, Артемьев кликнул слугу и велел позвать к нему сына. Тихон видел, как выслушав слова слуги, Федор ехидно улыбнулся и почти нехотя встал со своего места, вальяжно направился в его сторону, на противоположный край стола. Когда старший сын приблизился, Артемьев взглянул на него недобро и гневно произнес:

– Садись, нехристь! Поговорить мне с тобой надобно!

– Можно и поговорить, – хмыкнул Федор, скорчив кислую мину на красивом лице.

Он тяжело бухнулся на скамью рядом с отцом, и Тихон почувствовал сильный запах вина, которым разило от молодого человека. Привычку много пить заморского вина Федор привез из Европы, где долгое время служил.

– Видать, не воспитал я тебя как надобно, раз ты свои грязные дела творишь! – процедил грозно Тихон.

– Что это вы, батя, так осерчали-то? – спросил, ухмыляясь, Федор.

– А ты будто не знаешь отчего?!

– Не знаю.

– И перестань ухмыляться, когда я с тобой говорю! – взорвался старший Артемьев, грохнув кулаком по столу.

Соседние гости чуть обернулись к ним, но тут же перестали обращать на Артемьевых внимание, продолжая кричать фразы за здоровье молодых.

Федор убрал наглую ухмылку, но оставил хитрый оскал на красивых губах. Его глаза светились пьяным весельем, а Тихон Михайлович, помрачнев, не знал, как еще вразумить сына, дабы тот хоть немного жил по чести и совести. Артемьев понимал, что где-то он упустил воспитание Федора, недоглядел, и нынче во всех гнусных поступках сына винил в первую очередь себя. Но теперь было уже поздно, потому что Федора вразумлять – словно море лаптем черпать.

– Это ты, охальник, Марфу обрюхатил? – спросил грозно приглушенно Тихон Михайлович.

Густые темные брови Федора сошлись на переносице, и через мгновение его высокий лоб вновь разгладился.

– Может, и я, – нехотя ответил молодой человек и безразлично пожал плечами.

– И до каких пор я буду твой блуд у себя под крышей терпеть? – пророкотал Тихон уже до крайности раздраженный.

Гости, сидевшие рядом, были уже довольно пьяны и не слышали среди всеобщего шума разговор мужчин.

– Что ж мне было делать, коли она сама ко мне не шею вешалась? – заметил безразлично Федор, нагло ухмыльнувшись. – Люблю, говорит.

– Замолчи, негодник! – оборвал его отец. – Ты хоть когда-нибудь можешь быть серьезным?

– Могу. Но сейчас надобно веселиться, мы как-никак на свадьбе, – съехидничал тот.

Казалось, ничто не могло пронять Федора и стереть с его лица наглую ухмылку и шутовской блеск из темных распутных глаз.

– Я вижу, ты уже повеселился, – буркнул себе под нос Тихон. – И что прикажешь мне с ней делать? С Марфой-то?

– Это как вы решите, батя, мне дак все равно, – сказал Федор и повернул голову к молодоженам.

Этот разговор молодому Артемьеву уже порядком наскучил, и он, заметив, что Любаша смотрит на него страстным взглядом, призывно улыбнулся ей в ответ. Невеста вмиг смутилась, зарделась лицом, и быстро опустила в пол глаза.

Тихон проследил взглядом за сыном и вновь со всего размаху грохнул кулаком об стол.

– Федор, я с тобой разговариваю?! – взорвался старший Артемьев.

Федор немедля обернулся к отцу. Тихон посмотрел на молодоженов, которые непонимающе смотрели в их сторону, и решил все же успокоиться, негоже было портить праздник Семену из-за этого неугомонного Федора. В его голову вдруг пришла одна мысль. Тихон хмуро улыбнулся и произнес:

– Женить тебя, что ли, на Марфе, на дворовой-то! Что б наказать как следует! Может, хоть тогда ты образумишься!

После заявления отца Федор напрягся и вперился ехидным взглядом в Тихона Михайловича. Старший Артемьев понял, что сын ни на секунду не поверил в его угрозу относительно женитьбы.

– Вы не сделаете этого, отец, – прохрипел ехидно Федор. В следующий миг старший Артемьев с удивлением заметил, что лицо Федора стало напряженным, а его глаза впервые за вечер приняли серьезное выражение. – Вы знаете, кто мне нужен. Лишь тогда я остепенюсь!

На это заявление сына лицо Тихона Михайловича посерело и сделалось каменным, и он прорычал с угрозой:

– Не бывать этому, пока я жив!

Федор тоже замер с серьезным угрожающим видом и зло посмотрел на отца.

– Я все равно добьюсь своего! – произнес с угрозой Федор, глядя в разъяренное лицо Тихона Михайловича.

– Только попробуй притронуться к ней, – пророкотал тихо предостерегающе Тихон Михайлович. – И я собственноручно прибую тебя!

В это время в горницу вошла Слава. Юная, семнадцатилетняя, прекрасная, словно полевой цветок, с румяным нежным лицом, яркими золотыми глазами, обрамленными темными ресницами, стройная, как лань, в голубом вышитом сарафане, с толстой светло-русой косой, доходившей до колен, с голубой лентой в волосах на девичий лад. Светослава вызвала невольное восхищение всех присутствующих. Она приветливо поздоровалась и быстро легким шагом приблизилась к Тихону Михайловичу и Федору. Пожелав старшему Артемьеву доброго здоровья, она села напротив отчима и печально улыбнулась.

– Простите, Тихон Михайлович, я задержалась...

– Я не в обиде на тебя, дочка, – сказал хмуро старший Артемьев, но его недовольство относилось к сыну, сидящему справа от него.

Глаза Федора жадно пробежались по красивому румяному лицу девушки и задержались на ее пухлых алых губах.

Отметив, что лицо Тихона Михайловича мрачно и нервно, Слава участливо спросила:

– Вам нехорошо, Тихон Михайлович?

– Нет, дитяtko, все в порядке, – добавил тот и выдавил из себя улыбку, чтобы успокоить взволнованную падчерицу.

Затем Артемьев старший искоса взглянул на сына, который сидел рядом, и, заметив его взгляд, направленный на девушку, произнес:

– Я предупредил тебя...

Федор зло посмотрел в светлые глаза приемной сестры, которая даже не глядела в его сторону, и быстро вскочил на ноги. Короткая лавка с грохотом упала от его резкого движения. Федор бросил последний раздраженный взгляд на отца и Славу и, звонко стуча каблуками, покинул свадебный пир.

Вскоре Мирослава вернулась к мужу, сев рядом с ним. Ласково посмотрев на дочку, она тихо спросила Тихона Михайловича:

– Вы поссорились с Федором? Пошто он так неожиданно ушел?

– Да, – буркнул Артемьев. – Пуцай погуляет немного, может, выветрит всю дурь из головы. А ты, Мирушка, скажи Марфе, чтобы она не делала плохого себе, я позабочусь о ней. Если этому пустозвону ребенок не нужен, так я, дед, позабочусь о нем. Скажи ей, что ни в чем нуждаться она не будет. С этого дня я беру ее под свою защиту.

– Благодарю тебя, Тиша, – произнесла любяще Мирослава и печально улыбнулась Артемьеву. – Всегда знала, что ты истинно сердобольный человек. Люблю тебя за это. Только беспокоюсь за тебя, милый друг, переживаешь ты очень.

– А как же иначе? На старости лет от сына такие подарки получать неприятно. Одни вы у меня, горлинки, отрадой-то остались. Старшенький помер, Семен послезавтра уедет от меня. Лишь вы со Славой утешите мои в последние дни.

В этот момент в большой светлице появились бабы-певчие. Одна из них затянула свадебную песню:

Не по бережку добрый конь идёт,
Конь головушкой покачивает,
Золотой уздой побрякивает,
Удилами наговаривает.

Две другие бабы, наряженные в яркие летники, в высоких кокошниках подхватили песню, распевая ее на несколько голосов:

За конём идёт удалой молодец,
Ох, разудалой, удалинькай,
(а) расхороший парень, бравенькай,
Ох, по имени Семенушка,
Ох, по отечеству Леонтьевич-душа.
Ох, за собою ведёт судьбу свою,
Ох, судьбу красную девушку,
Ох, что по имени-то Олюшка,
Ох, по отечеству Ивановна-душа.
Они сойдутся близёшенько,
Ой, что поклонются низёшенько,
Ох, поцелуются милёшенько.

Глава VII. Странный гость

Усадьба Артемьева располагалась в центре Астрахани в Стрелецком переулке. Владения состояли из большого двора, просторных хором из нескольких особняков, конюшни, амбаров и дюжины больших изб для слуг. В главных хорамах находились гостевая светлица – гридня, приемные покои, кабинет Тихона, спальни для гостей. Дом был двухэтажный, деревянный, величавый и возвышался в парадной части усадьбы. От него тянулись крытые сени в два других дома. Женские хоромы располагались в глубине двора и имели высокий терем и много светлиц с красными окнами. Справа стоял другой хозяйский дом, в котором жили сыновья Тихона и дальние родственники мужского пола. В глубине владений был разбит небольшой сад, с грушами и яблонями. Хоромы и двор окружал высокий частокол из массивных бревен, заостренных кверху. Добротные дубовые ворота имели железный запор, способный выдержать непрошенных гостей.

Немного угорев в наполненной народом светлице, Слава вышла на двор. Она остановилась у высокого каменного крыльца, укрывшись под березой, росшей у дома. Вечер был ясный, и озаренное вечерним закатом небо алело насыщенным красным отсветом. Девушка долго стояла, подняв лицо, созерцая оранжевый небосклон и слушая свадебные песни. В какой-то момент она вдруг отчетливо различила, как скрипнула под чьими-то ногами ветка. Она резко обернула голову и тут же отметила в шаге от себя Федора, который неслышно приблизился сзади.

– Ты это, Светланка, погулять вышла? – спросил Федор и невозможно призывно улыбнулся девушке, явно пытаясь понравиться.

Слава ощутила неприятный опасный настрой, исходивший от молодого человека, и чуть попятилась от него, ударила спиной о березу.

– Я немного угорела в горнице, – тихо ответила она.

– Пойдем со мной до реки пройдемся? – вдруг предложил он, приблизившись к ней вплотную.

Девушка отчетливо отметила странный блеск в его темных глазах. От молодого человека сильно разлило вином, и это вызвало у Славы чувство омерзения. Она напряглась и нахмурилась.

– Зачем это? – удивилась она.

– Как зачем? Погуляем немного да вернемся.

– Не пойду я с тобой никуда, Федор.

Этот разговор начал напрягать ее, и она попыталась отойти. Но Федор быстро выкинул вперед руку и чуть придержал ее за плечо.

– И чего это ты не хочешь? – как-то зло прохрипел Артемьев. Его язык заплетался, но он говорил все осознано и тихо. – С Гришкой-то и по полям целыми днями верхом катаешься, а со мной так и разок прогуляться не хочешь?

Осторожно, но твердо высвободившись из-под тяжелой руки Федора, девушка отодвинулась от него и недовольно вымолвила:

– Не хочу и все. Дай мне пройти, Федор. Меня матушка, наверное, заждалась.

Долгим пронзительным взглядом Федор смотрел на девушку, а в его душе росло негодование. Наконец он заставил себя отойти в сторону и глухо сказал:

– Больно горделивая ты, соплюшка, как я погляжу. Смотри, как бы чего дурного не вышло.

На эту угрозу Слава решила не отвечать, а, лишь приподняв голубую юбку сарафана, почти бегом направилась обратно в дом, опасаясь далее оставаться на дворе вместе с пьяным Федором.

Влетев в широкие освещенные свечами парадные сени, девушка чуть перевела дух и последовала в сторону кухни, решив немного побыть в одиночестве, так как ее голова гудела от этого шального дня. Она свернула в коридор, как неожиданно перед ней в полумраке возник высокий мужчина в черной одежде. Она резко остановилась, невольно устремив взор в лицо незнакомца, и замерла.

Мужественное и красивое лицо молодого человека лет тридцати с пронзительными мерцающими глазами было на редкость выразительно. Тут же увидев темно-фиолетовый отсвет его ауры, девушка напряглась, ощущая, что раньше уже встречалась с этим мужчиной. Хотя его волевое лицо было незнакомо Славе, но его ледяной взор, а в особенности аура, показались ей очень похожими на ауру и глаза того самого Темного парня, который пытался убить ее в лесу девять лет назад. Очертания фигуры того юноши, цвет его ауры и холод фиолетовых глаз девушка очень хорошо помнила до сих пор. Некое инстинктивное чувство затвердило ей, что этот молодой человек, стоявший перед ней, был именно тем самым юношей из Темных. Она не могла понять, как он оказался здесь, в доме Артемьева, и почему сейчас он так странно немигающе смотрел на нее своим пристальным взглядом.

Всего лишь секунду длилось замешательство Славы. Молодой человек вдруг стремительно обошел ее и устремился прочь по темному коридору в сторону сеней. Девушка резко обернулась ему вслед, но уже через миг высокая фигура в длинном черном плаще исчезла во мраке.

Только спустя минуту Слава смогла выдохнуть свободно. Ибо осознание того, что один из Темных нынче находился в доме Тихона Михайловича, вызвало в сердце девушки дикую панику. Слава не видела этого молодого человека на свадебном пиру, да и среди приглашенных его не было, и она не понимала, отчего он появился перед ней. Едва она пришла в себя, как бегом направилась в просторную светлицу, откуда доносились свадебные песни. Торопливо подойдя к Мирославе, девушка упростила ее выйти с ней в людскую.

– Что случилось, малышка? Ты бледна, словно полотно, – обеспокоилась Мира.

– Матушка, я видела его! – воскликнула срывающимся от страха голосом Слава.

– Кого?

– Того Темного, который едва не убил меня тогда в лесу.

– В ту ночь?

– Да, матушка. Он теперь был здесь в доме, и я узнала его, но он быстро ушел куда-то.

– Может, тебе это показалось?

– Нет, матушка, он был здесь. Я видела его ауру, она такая же, как и у того парня. Она темна как ночь, с фиолетовым отсветом. Да и рост, и взгляд те же. Мне не показалось!

– Слава, дом полон гостей. Наверняка среди них есть и плохие люди, с темной аурой. Но вряд ли они из Темных. Ты же понимаешь, если бы Темные появились здесь, уже случилось бы что-то дурное. Ты же знаешь, как они жестоки. А гости, слышишь, веселятся и поют.

– Но матушка. Я чувствую, что это именно он!

– Думаю, тебе показалось все же. Ты говорила, что у тебя голова кружится от духоты, возможно, оттого тебе почудилось?

– А может, он пришел за камнем?

– Сомневаюсь, не могли они так быстро узнать, где он. А если бы и узнали, то уже бы устроили бойню. Потому я и говорю, вряд ли это Темный. Тебе просто показалось, что этот человек похож на того парня. Ведь прошло много лет, а люди меняются. К тому же, я так поняла, этот человек ничего не требовал от тебя?

– Нет. Едва он увидел меня, как сразу же исчез, почти убежав порочь.

– Вот видишь. Темный не стал бы вести себя подобным образом. Они всегда идут напролом, а сбегать им несвойственно. Ты должна успокоиться. Пойдем в светлицу, там уже всю пляшут, повеселишься немного.

– Хорошо, матушка, пойдёмте.

Уже ближе к девяти вечера Федор вернулся на свадебный пир. Войдя в освещенную свечами душную светлицу, полную народа, он вмиг отыскал глазами отца, мачеху и Славу. Они сидели неподалеку от молодоженов и мило разговаривали. Узрев эту семейную идиллию, Федор вновь нахмурился и решил сделать какую-нибудь гадость, дабы испортить праздник. Большинство гостей лихо отплясывали между столов. Быстро осмотревшись, Федор подошел к жениху с невестой и, поклонившись, пригласил потанцевать Любашу. Семен, не подозревающий о тайной влюбленности жены в брата, согласно кивнул, и Федор последовал в центр танцующих, видя, что Любаша идет вслед за ним.

Сначала Семен довольно следил за танцем брата и жены, но вскоре стал замечать, что Федор ведет себя как-то странно. Брат приближался к Любаше вплотную, постоянно шептал ей что-то на ухо и даже брал за руки. Уже довольно захмелевший, Семен узрел в этом некий неприличный момент и уже с настороженностью стал следить за своей молодой женой и братом.

Любаша, до крайности смущенная вниманием Федора, едва могла дышать. Даже в самых смелых мечтах девушка не могла себе представить, что Федор будет танцевать с ней так. Он говорил ей на ухо сладкие зазывные речи о ее красоте и умении танцевать и сильно сжимал ее ладонь. Ошалевшая от его близости, девушка не могла отвести взгляд от красивого лица любимого, чувствуя, что она в плену его колдовских карих глаз. Вино, которое выпила Любаша, затуманило ей голову. И когда молодой человек в очередной раз вплотную приблизился к ней и заявил, что она зря не дождалась его, а вышла замуж за его брата, Любаша, потеряв последние остатки самообладания, обхватила шею Федора руками и приникла горячими губами к его лицу.

Тихон Михайлович резко замолчал, увидев, как Семен вскочил со своего места и бросился в толпу танцующих гостей. Старший Артемьев быстро перевел взгляд на середину светлицы и увидел, что Любаша отчего-то висит на шее у Федора и, что-то лепеча, преданно смотрит ему в лицо. На хитром же лице Федора светилась наглая ухмылка.

В следующий миг Семен оторвал свою молодую жену от брата и бросился с кулаками на Федора. Любаша, упав на пол, громко вскрикнула и, зарывав, закрыла лицо руками. Тихон Михайлович, поняв, что Федор намеренно спровоцировал ревность Семена, бросился разнимать сыновей, которые с жестокостью дубасили друг друга. Толпа танцующих тотчас затихла и лишь испуганно смотрела на потасовку братьев.

Только спустя некоторое время Тихону Михайловичу удалось разнять сыновей, благодаря паре мужиков. Лицо Семена выражало крайнее раздражение и душевную боль. Выражение лица Федора было невозмутимо наглым и ехидным. Тихон же, отряхивая помятый в этой сумятице кафтан, гневно взглянул на старшего сына и с яростью прорычал:

– Пошел прочь со свадьбы, неблагодарный! Собственного отца в его доме позорить вздумал!

На это гневное заявление Артемьева Федор ухмыльнулся и, сплюнув кровь с разбитой губы, шатаясь вышел вон. Тут же Мирослава Васильевна обняла мужа, который схватился за сердце, и усадила его на скамью. Она гладила Тихона по руке, пытаясь успокоить. Артемьев прекрасно понимал, отчего Федор поступил так. Получив очередной отказ в своей просьбе, Федор разозлился на него и решил отомстить. И вот теперь он испортил свадебный пир собственному брату.

Слава в этот миг утешала Любашу, которая уже рыдала, сидя на полу, она помогла подняться подруге на ноги и увела ее из шумной светлицы. Едва девушки вошли в спальню Светославы, бывшая Стрешнева вновь зарыдала. Слава усадила подругу к себе на кровать и, опустившись перед ней на корточки, взяла бледные руки Любаши в свои.

– Любушка, неужели ты все еще любишь его? – спросила тихо Слава.

В ответ Любаша лишь жалостливо всхлипнула и кивнула.

– Но как же так?

– Не могу я забыть его, окаянного, всю душу сжег, – простонала сквозь слезы Любаша.

– Любушка, у тебя отныне муж есть, ты должна о нем думать.

– Муж! – вскрикнула в гневе девушка. – Постылый муж!

– Ты разве не понимаешь, что Федор еще сильнее обидеть тебя хочет? Он ведь назло сейчас все это сделал. Я видела на его лице гадкую улыбку.

– Понимаю я все это, Слава, но ничего поделать с собой не могу! – сказала в запале Любаша. – Как увижу его, словно в жар бросает! Ничего поделать с собой не могу.

Слава помолчала, не зная, как еще образумить подругу.

– Я еще мало знаю о любви, – заметила тихо она и присела рядом с Любашей на кровать. – Но как ты можешь любить его? Он же никого любить не может. Он холодный и жестокий. Порой мне кажется, что он всех ненавидит.

– Я думала, что смогу понравиться ему. Но, видать, уже поздно, – тяжело закончила Любаша.

И тут Слава вспомнила нечто, что, по ее мнению, могло бы заставить подругу разочароваться в предмете своего обожания.

– Марфа, матушкина горничная ждет ребеночка от него, – тихо произнесла Светослава. Слезы застыли в красивых глазах невесты, и она ошарашено уставилась на подругу. – Я никогда не говорила тебе, Любаша, – продолжала девушка. – Но Федор бегает за всеми дворовыми девками. Тихон Михайлович чего только ни делал, чтобы образумить его. Сегодня Марфа едва не убила себя из-за него, жестокого. А Федор совсем не любит ее! Семен же глаз с тебя не сводит. Сразу видно, любя ты ему. Забудь ты этого Федора, недостойн он ни одной твоей слезинки!

Любаша долго молчала, прокручивая в голове слова Славы, и через несколько минут прошептала:

– Может, ты и права, Славушка, и мне забыть его надо...

Девушки уже около часа взволнованно говорили, когда в дверь громко и настойчиво постучали. Любаша встрепенулась и несчастно посмотрела на подругу. Обе поняли, что пришли за невестой. Было уже более десяти часов, и, видимо, гости, потеряв невесту, решили вернуть ее на положенное место. Слава вскочила на ноги и, резво подбежав, распахнула дверь.

На пороге стояли гости во главе со свахой, которая была крестной Любаша. Это была полная дородная женщина с веселыми добрыми глазами. Тихон Михайлович с Мирославой находились здесь же и как-то смущенно смотрели на заплаканную невесту, сидящую на постели. Семен стоял немного подале, в темноте дубового коридора, и его отчетливо можно было разглядеть по белому нарядному кафтану.

– Мы за лебедушкой! – проворковала сваха веселым голосом, пытаясь развеять гнетущую атмосферу. Хозяева дома, их сын и тем более молодая ощущали себя виноватыми во всем произошедшем час назад. – Пора, милая, спать укладываться... – добавила многозначительно сваха. Любаша вновь бросила быстрый несчастный взгляд на гостей, которые толпились на пороге горницы Славы, и быстро опустила глаза, боясь столкнуться взглядом с Семеном. Она чувствовала себя до крайности глупо, оттого что при всех бросилась на шею Федору. Она думала, что Семен очень зол на нее, и потому побаивалась оставаться с ним наедине.

В этот момент Слава вернулась к Любаше и, помогая ей встать, подвела подругу к двери.

– Ты уж прости, доченька, моего беспутного Федора-то, – сказал вдруг Тихон Михайлович.

Любаша подняла на свекра взволнованное лицо и в ответ прошептала:

– И вы простите меня, люди добрые.

Она так и стояла, опустив глаза, и отчетливо чувствовала, что Семен, хоть и замер немного поодаль, все же напряженно смотрит на нее.

– На том и порешим! – закончила довольно сваха и повернулась к жениху. – Семен Тихонович, подойти!

Семен медленно вышел вперед и приблизился к бледной Любаше. Обжигая молодую жену горящим хмурым взглядом, он встал перед ней. Она видела лишь его красные сафьяновые сапоги и, дрожа, боялась поднять глаза на мужа.

– За белы рученьки возьми суженую, чего стоишь, будто столб! – велела весело сваха.

Хоть внутри Семена все клокотало от недовольства и ревности, все же он заставил себя протянуть руку Любаше. Последняя послушно вложила свою хрупкую ладонь в руку молодого мужа. Свадебные гости с веселыми прибаутками и смехом направились за молодыми в их спальню. Слава осталась стоять на пороге своей комнаты и тяжело вздыхала, смотря вслед шумной кавалькаде гостей.

– Будь счастлива, подруженька, – прошептала она в темноту затихшего от шума коридора.

Уже под утро Федор вошел в светлицу, где пировали последние самые стойкие гости. Многие спали тут же на лавках. Остальные приглашенные, видимо, разошлись по гостевым горницам. Федор заметил человека в черной одежде по немецкой моде, некоего господина фон Ремберга, знакомого отца, который, единственный среди пьяных, сидел прямо на лавке. Пруссак находился чуть в стороне от основной массы гостей и как-то пронзительно смотрел в его сторону. Федор знал, что непосредственно фон Ремберг выхлопотал для Семена должность в Москве. Отчего-то в этот миг в голове Артемьева застучала навязчивая мысль о том, что ему просто необходимо подойти к пруссаку и поговорить с ним.

– Выпьете со мной? – спросил Федор, приблизившись к фон Рембергу и усаживаясь на лавку напротив.

Когда в ответ фон Ремберг поднял на него мрачный ледяной взор, Федор с удивлением отметил, что гость трезв. Это было странно. Впервые за свою жизнь Федор видел трезвого гостя на свадебном пиру. На отличном русском, без акцента, пруссак ответил:

– Отчего же не выпить? С хорошим человеком и выпить не грех, кажется, так у вас говорят?

– Так, – поддакнул Федор, наливая иностранцу небольшую чарку вина, и заискивающе спросил: – Как вам у нас?

– Весело, – кратко вымолвил Кристиан и лишь пригубил крепкий напиток, наблюдая за тем, как Артемьев проворно вылил в себя все содержимое чарки. Федор вновь поднял глаза на фон Ремберга и ощутил, что от фиолетового взора пруссака ему не по себе. Как будто ледяной жутковатый озноб проникал в его существо. Артемьев невольно опустил глаза на свою чарку, вновь наполняя ее вином. Спустя полчаса Федор вновь сильно захмелел. Кристиан фон Ремберг так и сидел с первой чаркой вина, ни разу более не пригубив ее, и вдруг глухо произнес: – Я знаю, что мучает вас, Федор Тихонович.

– Неужели? – съехидничал Федор, даже не сомневаясь, что пруссак ничегошеньки не знает про него.

Артемьев вновь наполнил свою чарку вином и выпил его залпом. Фон Ремберг холодным цепким взором прошелся по пьяному лицу хозяйского сына, который сидел напротив него с безразличным мутным взглядом, оперев голову на руку.

– Вы любите светло-русую девицу, приемную дочь вашего отца. Но Тихон Михайлович запрещает вам жениться на ней.

Услышав эту фразу, Федор оторопел и пораженно уставился на фон Ремберга. Молодому Артемьеву показалось, что он даже немного протрезвел. В тот же миг все страстные чувства волной нахлынули на Федора, и он вспомнил тот момент, когда впервые увидел Славу. Тогда ей было всего четырнадцать, а Федор вернулся со службы из-за границы. Отец его пять лет назад вновь женился, и Федор лишь из писем знал, что нынче у него есть мачеха и приемная

сестра. Однако, едва увидев прелестную малышку Светославу, Федор сразу же почувствовал дикий зов плоти и сам поразился, как он, знавший множество женщин, может плениться этим ребенком. Да, безусловно, красивым, но все же ребенком.

Испугавшись своих странных противоречивых желаний, Федор попытался выкинуть преступную страсть из своего сердца, понимая, что это просто кощунственно, желать юную девицу. Почти год ему удавалось совладать со своими порывами, но едва Славе исполнилось пятнадцать, а ее красота налилась новыми прелестями, он понял, что сопротивляться бесполезно. Он искал утешения в домогательствах к другим женщинам, но приемная сестра постоянно маячила перед его взором.

Он знал, что Слава чиста и невинна даже в помыслах. Он не раз замечал, как она с жалостью смотрела на растерзанных зверей, которых он привозил с охоты. Она была любимицей отца, обожаема своею матерью Мирославой и пользовалась уважением всех слуг в доме. Распутные же мысли Федора постоянно кружились вокруг этой девицы, и едва он приближался к ней, то робел, как юноша. Один ее кристально-чистый взгляд будоражил все его существо, призывая подчинить это юное создание своей воле.

Федор никому не показывал свою тайную страсть, боясь, что люди осудят его за преступные желания к молоденькой девице, и был вынужден терпеливо дожидаться, когда ей исполнится шестнадцать. Через месяц после ее именин Федор, впервые, поговорил о своих чувствах с Тихоном Михайловичем. Старший Артемьев с ужасом выслушал слова Федора о желании жениться на Светославе. Едва придя в себя, Тихон наотрез отказал сыну в просьбе. Федор попытался выяснить, отчего отец не хочет отдать за него Славу? И тот властно заявил, что, во-первых, Слава еще слишком молода для замужества и не сможет в таком юном возрасте выносить здоровых детей. А во-вторых, Тихон Михайлович опасался, что буйный дикий Федор уморит малышку своим необузданным нравом. А Тихон слишком любил Славу и не собирался делать ее несчастной.

Услышав категоричный отказ отца, Федор затаился до времени и спустя несколько месяцев снова завел разговор о женитьбе. Выслушав вновь категоричный отказ, Федор уже не на шутку разозлился. Он потребовал от отца объяснений – отчего он не заслуживает девицы? Отец, как и в первый раз, повторил свои слова, что Слава и Федор разные люди, и пока он жив, сын может забыть о своих намерениях. Федор вновь ушел ни с чем, начиная уже понемногу ненавидеть отца. Он не понимал, почему Тихон Михайлович ни в какую не хочет видеть, как ему плохо без Светославы. К тому же молодого человека просто бесило то, что какая-то чужая девица дороже Тихону Михайловичу, нежели собственный родной сын. Слава постоянно находилась перед глазами Федора, но он не мог к ней прикоснуться, ибо знал, что отец за малейшее неуважительное отношение к девушке сурово накажет его. Он пытался забыться в кровавых охотничьих забавах и постоянных похождениях в сенную мачехи.

– Я могу помочь вам жениться на ней, – продолжал фон Ремберг.

Федор окончательно протрезвел и, низко наклонившись к пруссаку, тихо страстно прошептал:

– Если вы поможете мне, я отдам вам все, что у меня есть.

Холодным взглядом Кристиан оценивающе посмотрел в горящие глаза Федора и заметил:

– Мне ничего не нужно от вас. Я лишь вершу справедливость. Вы ведь любите девицу?

Тогда отчего она должна прозябать в одиночестве, ожидая другого суженого?

Слова фон Ремберга до крайности понравились Федору, и он тут же согласно закивал.

– Да-да вы правы, господин фон Ремберг.

Кристиан видел, что Артемьев уже захватил наживку, оставалось лишь умело продолжить беседу, дабы склонить его к нужным действиям.

– Я помогу вам, Федор Тихонович. Но на что вы готовы пойти, чтобы добыть девицу?

– На все! – не раздумывая, выпалил Артемьев, и Кристиан отметил в его глазах неистовую решимость.

– Тогда, при условии, что вы будете слушать мои советы, девица скоро будет вашей.

В этот момент зал оживился, и Федор с фон Рембергом настороженно замолчали. В светлицу вошли Тихон Михайлович, Мирослава Васильевна, сваха, родственники невесты. Сваха громко затараторила скороговорку о том, что наступило утро, дабы разбудить спящих гостей. И после уже сказала, обращаясь к Тихону Михайловичу:

– Ну что ж, сват, пора молодых будить да пробу снимать?

– Пойдем, кума, проверим, как невеста честь берегла! – ответил ей тем же присказным голосом, улыбаясь, Тихон.

Гости веселым пьяным караваном направились в комнату молодых. На пороге они остановились и дружно постучали. А сваха громко проговорила, чтобы ее услышали за дверью:

– Утро красное пришло! Вставайте, голубки!

Спустя минуту послышались быстрее шаги за дверью, и через пять минут створка распахнулась. Семен, взъерошенный, босой, но с довольным видом, в красной нарядной рубашке и штанах, стоял на пороге и его глаза светились озорным светом. Тихон Михайлович и сваха сразу же отметили, что после короткой брачной ночи настроение молодого мужа изменилось в лучшую сторону. Любаша, смущенная, стояла в центре горницы чуть поодаль, с распущенной косой, одетая в белую длинную домашнюю накидку, и скромно смотрела в пол.

– Ну, расскажи, Семен Тихонович, – обратилась сваха к молодому мужу. – Лед ломал али грязь топтал?

Семен весь засветился и, лучезарно улыбнувшись, ответил свахе:

– Чиста, гусочка, да красива, что уж говорить...

Толпа дружно весело загудела, довольная словами Семена, и начала поздравлять Тихона Михайловича с хорошим выбором невесты. В это время сваха быстро закрыла дверь в спальню молодых, оставив их наедине, и направила свадебный поезд вниз в светлицу для продолжения свадебного пира.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Возлюбленная Тьмы

Ты превратил свою жизнь в Ад. Вместо того
чтобы видеть Свет, ты ищешь Тьму...

Анхель де Куатье

Глава I. Сова

Казанская губерния, Астрахань, 1717 год
(Великая Тартария, Астрахань, 7225 лето С.М.З.Х)
Июль, 27.

– Доченька, с севера прилетела сова с посланием, – произнесла Мира, едва они с девушкой остались наедине в спальне. – Через неделю мы едем в Архангельск. Северные волхвы уже ждут нас.

– Уже, матушка? Так скоро? – опешила Слава.

– Да, милая. Владыко Лучезар известил в письме, что оставаться здесь далее опасно. И ты должна быть укрыта под сенью тайного скита.

– Матушка, вот подтверждение моим словам. Я же говорила, что видела на свадьбе одного из Темных.

– Возможно, ты и права. И Темные прознали про древний камень.

В этот момент с улицы послышались сильный свист и крики. Мирослава проворно подошла к теремному расписному окну и выглянула наружу.

– Федор со своими друзьями с охоты вернулись, – озабоченно сказала женщина, повернувшись к девушке, и добавила: – Опять для забавы невинную живность притащили.

С улицы послышался громкий лай собак и дикий вой животного. Слава уже оказалась подле матери и также выглянула во двор. Взгляд девушки сразу же наткнулся на Федора, который сидел верхом на буланом поджаром жеребце. В расшитом серебром дорогом темно-зеленом кафтане, расписных сапогах, с шапкой, сдвинутой по-молодецки набок, он лихо гарцевал на коне по двору, таская за собой на длинной веревке зверя. Ободранная рыжая лисица жалобно скулила, привязанная за шею. Федор то и дело стегал полузамученное животное кнутом, заставляя привязанную лису бегать резвее. Он дико гоготал, когда окровавленное ошалевшее от боли животное из последних сил пыталось быстрее передвигать лапами, не понимая, что происходит. Друзья Федора также сидели в седлах на своих жеребцах и, улюлюкая, развязными речами комментировали действия Артемьева, подбадривая его:

– Загонял ты ее, Федор, как девку на сеновале!

У Славы, которая в ужасе застыла у открытого окна терема, эта картина вызвала приступ тошноты. Она до боли сжала на груди руки и дико смотрела на мучения несчастного животного. Пробегая глазами по широкому двору, полному людей, девушка начала искать взглядом Тихона Михайловича, только он мог остановить изуверскую забаву Федора. Но старшего Артемьева не было нигде видно.

– Не могу смотреть на это, матушка! – воскликнула с болью девушка и, не выдержав, сорвалась с места и бросилась прочь из горницы вниз по широкой деревянной лестнице. Уже через минуту она вылетела на высокое каменное крыльцо. Тут же обратив взор на Федора, Слава храбро закричала: – Федор, не надобно бить ее!

Гогот молодых парней, дружков Федора, вмиг смолк, а взгляд Артемьева поднялся вверх и недовольно вперился в девушку. Федор отчетливо отметил, что она взволнована, и понял, что девушка жалеет эту гадкую лисицу. Он не понимал, отчего Светослава решила заступиться за животное. Все-таки Федор специально приволок хищницу на двор, чтобы показать всем свою удаль, так как собственноручно поймал ее. Молодые люди, сидевшие верхом, и несколько дворовых, стоявших тут же, устремили взоры на высокое крыльцо, где замерла стройная фигурка девушки со светлой косой. Лисица, получив передышку, тяжело упала на землю, громко хрипя. Федор зло оскалился и прохрипел в сторону Славы:

– А ну, ступай в дом! Нечего глядеть на то, что тебя не касается!

Девушка напряглась, увидев, как в следующий момент Федор со всей силы ударил кнутом бедное животное, которое, заскулив, вновь вскочило на лапы и заметалось. Молодые друзья Артемьева снова дружно загоготали. Поняв, что Федор вовсе не намерен отпускать несчастную жертву, Слава прикусила до крови губу, уже собираясь бежать за Тихоном Михайловичем в кабинет. Но вдруг услышала за собой шаги, и мелодичный голос матери рядом громко произнес:

– Федор, что ж ты, изверг, животное мучаешь-то! Немедля прекрати это изуверство!

Гневные слова Мирославы Васильевны пронеслись звонким эхом по двору. Смех удальцов вмиг затих, и парни обернулись к молодой женщине, стоявшей на крыльце рядом с дочерью. Федор нехотя обернулся к мачехе и зло сплюнул на землю, совершенно не собираясь слушать приказы какой-то там женщины. Слава напряженно смотрела то на Федора, то на недовольную мать, ожидая, чем закончится это противостояние. Лисица уже обессилено лежала на земле, испуская дух. В этот момент во дворе появился Тихон Михайлович. Еще у конюшен он услышал гневные слова жены и немедленно поспешил на главный двор, зная крутой нрав сына. Артемьев вышел вперед и пророкотал:

– Федор, заканчивай...

Тот скорчил недовольную гримасу и отвернулся от отца, пробубнив себе под нос:

– Да она уже сдохла.

Быстро обрезав ножом веревку, Федор со злостью кинул ее конец на неподвижного рыжего зверя, лежащего на пыльном дворе. Стремительно сбегав по лестнице вниз, Слава подбежала к замученной лисе и осторожно склонилась над нею. Еле касаясь ладонями окровавленной шкурки животного, девушка начала проводить руками над лисою, не обращая внимания на то, что Федор с друзьями, спешившись и громко что-то обсуждая, устремились в дом, а дворовые вновь занялись своими повседневными делами. Увидев, как через какое-то время светлое платье матери появилось в поле ее зрения, Слава подняла к ней лицо и пролепетала:

– Матушка, она еще жива. Я спасу ее.

– Вряд ли, милая, – тихо прошептала Мира, склоняясь к девушке. – Ты же видишь, ее душа уже отлетает.

– Я все же попробую, – твердо сказала Слава.

Озираясь по сторонам, она торопливо схватила бездыханное животное на руки и бегом устремила к конюшням. Уже через минуту, войдя в пустое стойло, девушка осторожно опустила мохнатую окровавленную лисицу на небольшую вязанку сена. Присев на колени рядом, Слава начала водить руками, пытаясь нащупать место, откуда жизненная энергия вытекала из тела несчастного животного. Здесь же появилась Мирослава, плотно закрыв двери стойла, чтобы никто ничего не увидел. Женщина опасалась того, что люди могли донести церковникам, ибо в усадьбе Артемьева постоянно бывало много посторонних. Подойдя к дочери, Мира без промедления приложила руки к воздушной полупрозрачной тени, висящей над лисицей.

– Я подержу ее душу, милая. А ты пока полечи ее.

– Да, матушка, я уже начала, – тихо ответила девушка.

Мира некоторое время следила за действиями дочери и вскоре печально выдохнула:

– Ничего не выйдет. Ее энергия вся вышла.

– Нет, матушка, погодите, – вымолвила Слава. – Помните, вы учили меня, как воскрешать цветок, который увял?

Девушка подняла руки к своей груди и приблизила ладони друг к другу. Она начала плести потоки энергии, вытягивая тонкими пальцами живые нити из воздуха и переплетая их в пряди энергии.

– Но это лиса, с ней так не выйдет, – заметила Мира. – На это уйдет несколько часов. Я не смогу так долго удерживать ее душу рядом.

– Смотрите, матушка, – выпалила девушка, показывая, как между ее ладоней уже образовался прозрачный золотой шар размером с половину куриного яйца, который переливался зеленоватыми отсветами. – Сегодня получилось гораздо быстрее.

– Но это невозможно, – поражено возразила женщина, зная, что такой сгусток жизненной энергии она сама могла создать только за полдня непрерывной работы. И как подобное так быстро получилось у дочери, она не могла понять. Мгновенно опомнившись, Мирослава велела: – Подноси его к ее животу и лей прямо в брюшко.

Девушка так и сделала, и энергетический полупрозрачный шар резко вошел в тело бездыханной лисы. Тут же животное резко дернулось и как будто скорчилось от боли. Руки Миры немедленно втокнули прозрачную тень-душу в раскрытую пасть животного, и уже через миг лисица хрипло задышала.

– Матушка, она ожива! Мы спасли ее! – выдохнула в радостном исступлении девушка, и на ее глазах выступили слезы облегчения.

– Ты спасла ее, милая, – ласково заметила Мира, еще раз поражено осознавая, что ее дочь так быстро смогла сотворить такой большой энергетический шар за столь короткое время. – Нужно перевязать ее раны.

– Могу я взять ее к себе в горницу? Я полечу ее.

– Но Славушка, это... – попыталась отказать ей мать, но все же улыбнулась и сказала: – Делай, как хочешь. Только, как поправится, сразу же выпусти ее. Поскольку она дикая и может укусить тебя.

– Благодарю, матушка. Всего несколько дней. Позже я попрошу Гришу, он увезет ее в лес.

Федор стоял у камышей и, скрытый за кустами, алчным взором следил, как в реке купаются девицы. Пятеро молодых девок, а с ними и Слава, плескались в воде в одних нижних рубашках. Мокрая ткань отчетливо обрисовывала их силуэты. С вожделением рассматривая Славу, прелести которой травили все его существо, Федор нагнетал в своем сердце яростную злость. Он невероятно устал ждать и безумно хотел заполучить эту юную чаровницу себе в усладу, но прекрасно знал, что, пока жив отец, ему не видать этой запретной девицы. И это до крайности бесило его. Уже через какое-то время, когда неумное вожделение завладело всем телом Федора, он сорвался с места, не в силах более смотреть на эту соблазнительную картину.

Мрачный и дрожащий, Артемьев спустя четверть часа вернулся в усадьбу и быстро направился к дому, собираясь наведаться в сенную горницу, к дворовым девицам Мирославы Васильевны. Он проворно преодолел двор и вошел в хозяйский особняк. Поднявшись на второй этаж, Федор направился в женский терем. Не доходя до светлицы Мирославы Васильевны, в коридоре он заметил Настю, одну из горничных мачехи. Высокая статная девушка несла стопку белья и, едва заметив хозяйского сына на пути, почтительно поклонилась, обходя его. Федор же, оценив взглядом девицу с ног до головы, бесцеремонно схватил ее за локоть. Склонившись к ее лицу, Артемьев проворковал ей на ухо:

– Ты, Настенька, прям как яблочко наливное, глаз не отвести.

Девушка зарделась от комплимента и остановилась. Она чувствовала сильную горячую ладонь Федора на своем локте, и ей это нравилось. Настя кокетливо улыбнулась ему и, чуть потупив взгляд, прошептала:

– Благодарствую, Федор Тихонович, только не заслуживаю я вашего внимания.

– Отчего же? – усмехнулся нагло тот, и другая его рука ласково прошлась по длинной черной косе девушки. – Девица ты красивая, это все знают. Да и нравишься мне.

Настя окончательно смешалась и глупо захихикала. Федор, видя, что девушка почти сдавалась, начал шептать ей на ушко более смелые комплименты, чуть подталкивая ее в темный угол. Но в этот момент в пустынном коридоре появилась Марфа. Она вышла из горницы Мирославы Васильевны и неожиданно наткнулась на обнимающуюся парочку. Живот Марфы был уже хорошо виден, и она дико вскрикнула.

– Ах ты, изменник! – закричала Марфа ревниво и бросилась оттаскивать Федора от Насти.

Федор быстро обернулся к бывшей пассии и, с силой оттолкнув ее, холодно отчеканил:

– Пошла прочь, дура! Ты чего это, вздумала выслеживать меня?

Он посмотрел с ненавистью на беременную девицу и вновь обернулся к зардевшейся Насте, которая так и стояла в углу, с силой прижимая к себе белье. Марфа же, обезумев, кинулась с кулаками на Настю, снова дико заголосив. Федор был вынужден схватить Марфу за руку, загоразивая собой Настю. Удерживая кричащую девушку на расстоянии вытянутой руки от себя, он с угрозой замахнулся на Марфу.

– А ну, прекрати, сказал! Или сейчас отведаешь моего кулака! – с угрозой заявил Федор. Марфа, увидев в его красивых глазах злость, заголосила еще сильнее.

В следующий миг дверь в конце коридора отворилась и на пороге горницы появилась Мирослава.

– Что здесь происходит? – недовольно спросила она. Увидев двух девушек, а между ними взъерошенного Федора, она смекнула, в чем дело. Приблизившись к молодым людям и отметив занесенную руку Федора над головой Марфы, Мира пригрозила: – Федор, только попробуй ударить ее!

– А то что же? – пророкотал с вызовом Федор, но руку все же отпустил.

– Я расскажу все твоему отцу.

– Идите, рассказывайте! – набычился Федор и зло взглянул на всех трех женщин. – Только и можете отцом стращать! Ну ничего, скоро в этом доме будет моя власть! Тогда вы все у меня по заслугам получите! – бросил он

Быстро прошествовав мимо Мирославы, Марфы и Насти, он направился по коридору в сторону лестницы. Женщины смотрели ему вслед, не понимая, что означали слова Федора.

Слетев с широкой дубовой лестницы, Федор устремился в переднюю. Его существо kloкотало от злобы и бессилия. Все эти гадкие приживалки в их доме словно сговорились против него. И эта мерзкая баба, новая женоушка его отца, которая окрутила Тихона Михайловича и вертела им, как хотела, невероятно раздражала его одним своим видом. Ведь именно из-за нее Тихон Михайлович не позволял ему приближаться к Славе, и это вызывало бешеный гнев у молодого человека.

Федор летел по темной пустынной передней, как вдруг перед ним появился высокий человек в темных одеждах. Молодой человек замер как вкопанный, узнав Кристиана фон Ремберга. Лишь на миг взгляд Артемьева остановился на ледяном фиолетовом взоре пруссака, и в следующий момент Федор, оскалившись, выдохнул:

– А! Господин фон Ремберг! Вы обещали, что девка будет моей! И что же? Я устал ждать!

Сузив глаза на гневный выпад Федора, Кристиан глухо отчеканил:

– Время пришло. Я приехал известить вас об этом. Вы готовы исполнить все, как я вам прикажу?

- Готов! Но только если в обмен я получу девку в жены.
- Получите, как мы и договорились. Но есть некое условие, – заметил мрачно фон Ремберг.
- Какое?
- Поклянитесь, что выполните его, в противном случае уговора не будет.
- И что же это?
- До венчания вы не будете прикасаться к ней. Ибо девица должна остаться чиста до свадьбы.
- Ну, это нестрашно, – не задумываясь, вымолвил порывисто Федор. – Я клянусь, что не трону ее до венчания. Даю слово!
- Вы знаете, что будет, если вы нарушите клятву? – спросил мрачно Кристиан.
- Не смейте запугивать меня! – выпалил гневно Артемьев, сжав кулак, отчетливо помня рассказ своего денщика о том, как эти люди опасны. Но в это мгновение он был готов заключить сделку с самим дьяволом, только бы заполучить вожака светлоокою девицу. – Я сказал, что не трону ее!
- Я вижу, что прекрасно знаете, – вынес вердикт фон Ремберг. – Тогда наш договор в силе.
- И что же я должен делать?
- Многие недовольны непомерными поборами, которые взимают по указу вашего воеводы Ржевского, – начал тихо Кристиан.
- Да, это так, – кивнул Федор, нахмурившись.
- Вы должны возглавить бунт...

Глава II. Бунт

Утром тридцать первого числа Слава возвращалась из сиротского приюта, которому покровительствовал Тихон Михайлович. Вот и в этот день девушка по повелению матушки ходила в приют осведомиться, какие надобны вещи и провиант на ближайший месяц, чтобы Тихон Михайлович мог выделить нужные средства на это благое дело. Приют находился всего в версте от усадьбы Артемьевых, и Слава часто навещалась туда одна, без сопровождения сенных девушек.

Однако сегодня на улицах творилось нечто странное. Еще рано поутру, направляясь к приюту, Слава слышала странные выстрелы и шум со стороны гарнизона, но не обратила на это внимания. В эту пору в Астрахани стоял многочисленный полк в тысячу человек. Оттого стрелковые учения солдат не были редкостью.

Завершив все свои дела в приюте, девушка после полудня направилась домой. Но едва вышла на Никольскую улицу, как ей навстречу попались несколько десятков мужиков, вооруженных нагайками и палками, а некоторые даже оружием. Между ними виднелись стрельцы и солдаты. Лица их, злые и неприветливые, испугали девушку, и она чуть отошла в сторону, уступая им дорогу. Когда они проходили мимо, Слава заметила угрожающий взгляд крайнего мужика. Он презрительно посмотрел на нее и, скорчив злую гримасу, отвернулся к товарищам. Со всех сторон улицы слышались шум, брань, а также до слуха девушки долетали крики, призывающие ко всеобщему бунту против самоуправства воеводы.

Толпа мужчин быстро прошла рядом с нею, и Слава, невольно оглядываясь им вслед, устремилась дальше. Соседние улицы тоже были многолюдны, и везде сновали вооруженные стрельцы, посадские жители, рабочий люд и вообще странные неприглядные личности, похожие на попрошайки. Прибавив шагу, Слава поспешила домой, отмечая, что кричащих и негодующих жителей становится все больше. Достигнув высокого частокола, который окружал усадьбу Артемьева, она сильно постучала в калитку высоких ворот.

Тяжелая калитка отворилась спустя несколько минут. Девушка подняла глаза, ожидая увидеть одного из слуг, но перед ней возвышался Федор в темно-зеленом кафтане и красных сапогах. Не ожидая увидеть его в этот час дома, потому что днем он обычно находился на службе в речной конторе, она удивленно воззрилась на него. Молодой человек оглядел ее недобрый взглядом и выпустил на двор. Затем быстро захлопнул тяжелую калитку за ней, закрыл железный засов на воротах и обернулся.

– Ты где это шаталась? – спросил Федор хмуро, пристально рассматривая девушку с головы до ног.

– В приют ходила, – ответила просто Слава и хотела обойти его, направляясь в дом.

Но Артемьев властно удержал ее за плечо и добавил недовольно:

– Ты видела, что творится на улицах? Зачем одна пошла и отчего слуг с собой не взяла?

– Здесь недалеко. А матушке нездоровится. Тихон Михайлович разрешил мне...

– Батя много тебе позволяет! – возмутился Федор, предостерегающе оглядывая девушку, одетую в простую серую юбку и светлую кофточку. – На месте отца я бы тебя вообще за порог не выпустил!

Слава подняла на него глаза, и Федор в который раз отметил, как совершенны тонкие черты ее прелестного лица. Большие лучистые глаза девушки янтарного цвета невольно притягивали к себе взгляд.

– Вы, Федор Тихонович, не на его месте, – тихо ответила она ему и, быстро обойдя агрессивного Артемьева, направилась к высокому деревянному особняку.

Поднявшись вверх по каменному крыльцу, девушка вошла внутрь дома. В передних сенях Слава увидела матушку, которая металась по влажному только что вымытому полу и тяжело вздыхала. Бледно-зеленый вышитый летник ее и небольшая кичка на голове освещались цветной слюдой окон и переливались на дневном свете.

– А, это ты доченька? – воскликнула Мира и обняла девушку. – Страшно мне, милая!

– Отчего, матушка? – спросила Слава, прижимаясь к любимой матери.

Мирослава выпустила ее из объятий и вновь заходила, нервно теребя в белых руках кружевной платочек. Слава внимательно смотрела на нее, ожидая ответа. Женщина, наконец, остановилась и, нахмурив красивые брови, прошептала:

– Тихон Михайлович вернулся час назад из порта, мрачный и беспокойный. Сказал, что этой ночью стрельцы да казаки беглые бунт подняли! Да многих офицеров гарнизонных перестреляли. Воеводу нашего, Тимофея Ржевского, в кандалы заковали и повесить хотят. Видать, не зря люди поговаривали, что замучил воевода простой люд своими непомерными поборами. Тихон Михайлович сказал, что весь порт в огне, а в гарнизоне очень много убитых. А еще поведал, что главари бунтарей тех призывают громить дома приближенных Ржевского да начальства стрелецкого, которое жалование стрельцам уже какой месяц не платит.

– Да, матушка, видимо, так все и есть, – пролепетала Слава. – Я сама видела, как народ на улицах дико ведет себя.

– И не говори, милая. Надеюсь, нашу-то усадьбу не тронут. Небось, Тихон никогда с этим воеводой не водил дружбы. Бабка Таисья час назад забегала да сказывала, что в эту пору бунтари дом откупщика Бердяева палят. И другие усадьбы жгут да тех, кто в сговоре с Ржевским состоял. Ох, страшно мне.

– А Тихон Михайлович где?

– На дворе где-то был, вроде на конюшне.

Едва Мирослава произнесла это, как со двора послышался нарастающий сильный шум. Стрельба и крики наполнили улицу, и Слава, испуганно обернувшись к двери, прошептала:

– Что это, матушка?

– Не знаю, дитяtko... – замирая, ответила Мирослава.

Слава бросилась к сенному окну и, отворив его, напряженно впиалась взором в пыльную улицу, которая простиралась за дворовым частоколом. Конец шумной толпы был виден около соседних домов. И девушка поняла, что основная часть бунтарей уже стоит у закрытых ворот усадьбы Артемьева. Во двор сбежалось около десятка дворовых слуг, и все они настороженно ожидали, что будет дальше. Слава заметила около ворот Федора, который переминался с ноги на ногу. Молодой человек то и дело оглядывался и бросал взгляды по сторонам, словно боялся чего-то.

Крики стали громче, послышались сильные удары в ворота.

– Отпирай, кровопийца! Будем судить тебя, собачий сын! – отчетливо послышались обрывки фраз с улицы.

– Матушка, зачем они пришли? Чего хотят? – воскликнула Слава.

– Неужели за Тихоном? – нервно выдохнула Мира, останавливаясь подле дочери и также смотря испуганным взором на улицу. – Но отчего за ним, я не пойму? Тиша вроде никогда не обманывал простой люд, что служил у него.

– Ворота крепкие, они не откроют их.

– Да, им вряд ли удастся их сломать, – кивнула Мирослава.

– Матушка, я на улицу! – выпалила Слава и, мгновенно сорвавшись с места, устремилась наружу. И услышала позади испуганный окрик матери:

– Не ходи, доченька!

– Мы все равно выкурим тебя из норы! Отпирай ворота, ржевский прихвостень! – слышались громкие вопли, едва девушка оказалась на высоком крыльце, с которого было все хорошо видно. Сильные удары сотрясали высокий частокол. Шум уже превратился в один громкий вой, с руганью и угрозами. Слава затравленно смотрела на высокие дубовые ворота, которые стойко выдерживали глухие удары бревна. – Сейчас будем жечь твое логово!

Словно натянутая тетива, Слава замерла на крыльце, впинаясь пальцами в деревянные резные перила. Она была очень бледна, и ее длинная светло-русая коса развевалась по ветру. Приближалась гроза, небо потемнело. Она отметила, как во дворе появился Тихон Михайлович, который пришел со стороны конюшен.

В следующий миг она увидела, что Федор, который так и стоял во дворе, приблизился к воротам. На миг он обернулся и пронзительно посмотрел в ее сторону. Взор Федора, как будто пронзил ее насквозь своей темной силой и по коже девушки пробежал ледяной озноб. Он быстро отвернулся от нее. Сделав несколько быстрых шагов к воротам, Федор взялся за железный засов, отодвинул запор и раскрыл ворота.

Немой крик замер на устах Славы от охватившего ее ужаса.

Несколько десятков разъяренных, вооруженных стрельцов и посадских людей, со страшными лицами, как черный поток, хлынули во двор. Неожиданно начавшийся ливень остался незамеченным девушкой, ибо она испуганными ошалевшими глазами следила за тем, как бунтари заполняют все пространство двора. Победно крича, сыпя угрозами, они нагло смеялись и говорили, что отныне порядок будет на их стороне.

Спустя несколько минут девушка увидела, как на середину двора вытащили уже связанного Тихона Михайловича. Артемьев не сопротивлялся, молчаливо снося тумаки, плевки и словесные оскорбления окружавших его озверевших мужиков. Некоторые из слуг попытались оказать сопротивление и защитить барина, но их тут же усмирили беспощадными ударами палок. Непроизвольно девушка задержала взгляд на дорогом зеленом кафтане Федора. Молодой человек переговаривался с некоторыми стрельцами–бунтарями, что-то довольно обсуждая. Слава, прижав ладонь ко рту, с ужасом наблюдала, как бунтовщики проворно вывели связанного Тихона Михайловича из ворот усадьбы. Остальные охальники и Федор последовали за жокаками на улицу, победно крича и показывая злые кулаки дворовым слугам, которые недовольно смотрели на все происходящее.

Оторопев от всего увиденного, Слава так и стояла, ошарашенно смотря перед собой и стиснув до боли в ладонях деревянные перила крыльца. Она заметила во дворе на земле полдюжины неподвижно лежащих мужиков, видимо, они были мертвы. Остальные дворовые люди начали медленно передвигаться по двору, пытаясь, навести порядок. Ворота снова закрыли, а трупы утащили к сараям. Одна дворовая девка навзрыд рыдала.

Слава стремительно развернулась и вихрем влетела внутрь дома. Здесь же она наткнулась на смертельно бледную дрожащую мать, которая уже шла на улицу.

– Не ходите, матушка! – воскликнула испуганно Слава, боясь того, что Мирослава не переживет увиденного кровавого зрелища.

– Они забрали Тишу? – вымолвила Мира, боясь даже поверить в свои жуткие слова.

– Да, матушка. Они связали его и назвали предателем, – выпалила нервно девушка, в ее глазах стояли слезы. – И теперь уволокли на улицу.

– Я так и чувствовала, что будет все плохо, – пролепетала Мирослава и начала оседать, прижав руку к груди.

Слава немедленно же бросилась к матери и, придерживав ее, помогла сесть на стоявшую в сенях резную лавку.

– Вам плохо, матушка?

– Сердце щемит, мочи нет, дитяtko, – прошептала Мира, закатывая глаза и устало опираясь на дубовую стену.

– Может, воды выпьете?

– Принеси, милая, – согласилась Мира. Девушка бегом кинулась в сторону усадебной кухни и быстро вернулась обратно с ковшом воды.

Мирослава медленно взяла из рук дочери деревянный резной ковш и, испив немного, снова откинулась назад, устало прикрыв глаза.

– Вам лучше, матушка?

– Нет. Сердце так и щемит, – тихо ответила та, но вдруг резко распахнула красивые глаза и напряженно спросила: – А Федор где? Что ж он за отца не вступился?

– Он вместе с бунтарями ушел... Он с ними заодно... – сказала Слава, нахмурившись.

– Что? – в ужасе произнесла Мира.

– И ворота он открыл...

Страх исказил красивое лицо Артемьевой, и, перед тем как закрыть от боли глаза, она прошептала:

– Изменник...

– Тетушка, горе! Тихона Михайловича казнили! – выпалил Гриша, влетев в просторную светлую горницу.

Слава, сидящая на бархатной скамье рядом с матерью, вскочила на ноги и воскликнула:

– Гриша, что ты сказал?!

Мирослава схватилась за сердце, ощущая, как железная удавка сковала ее грудь. Вот уже два дня они ничего не знали о Тихоне Михайловиче, с того самого трагичного момента, когда разъяренная толпа стрельцов увела связанного Артемьева со двора усадьбы.

– Как же это? Я ведь вчера просила за него у главного бунтаря Куляпина. Он обещал пощадить Тишу... – пролепетала мертвенным голосом Мира, прикрывая глаза от охватившей ее душевной и телесной боли.

– Мирослава Васильевна, я только что прибежал с лобного места, что на площади у главных врат, – продолжал Гриша. – Час назад бедного дядюшку повесили, – глухо выдохнул юноша, опустив простоволосую голову, нахмурился и едва слышно добавил: – И еще трех приближенных Ржевского с ним.

– А Федор? Он же среди бунтарей был, отчего он не защитил Тихона Михайловича? – спросила порывисто Слава, из глаз которой уже потекли прозрачные слезы.

– Федор, сестрица? Так это он во всем и виновен! – с ненавистью прокричал Гриша. – Это Федор оклеветал нашего горемычного дядюшку, оттого-то два дня назад бунтари и ворвались в нашу усадьбу. А сегодня на лобном месте Федор перед всей толпой вновь заявил, что дядюшка якобы был в сговоре с Ржевским.

– Ирод... – прохрипела еле слышно Мирослава, тяжело дыша. – Как же он посмел на отца клеветать? Не будет ему прощения ни на этом, ни на том свете...

Мира закрыла глаза и смертельно побледнела. Слава устремилась к ней и заботливо спросила:

– Матушка, у вас опять сердце? – Молодая женщина не отвечала, а на ее лице отражалась жестокая мука. – Гриша, беги за лекарем, – пролепетала Слава, видя, что Мирославе совсем плохо.

– Да, уже бегу, – выпалил Гриша и устремился прочь из горницы.

Слава, увидев, что матушка заснула, тихо присела на лавку возле ее постели и затихла. На глазах девушки вновь навернулись слезы, так как она снова вспомнила про убиенного Тихона Михайловича. А нынче и матушка была очень больна. Почти полчаса Слава лечила ее сердце, но сейчас необходима была передышка. Ибо сердце могло не выдержать и разорваться. И только через пару часов можно было продолжить исцеление. За дверью спальни слышались громкие голоса и какая-то беготня. Уже два дня, после того как бунтари захватили Тихона Михайловича, по усадьбе сновали странные незнакомые люди, которые заявляли, что их пригласил Федор.

Долгое время Слава тихо сидела около больной Мирославы и с любовью и жалостью смотрела на бледное красивое лицо матушки. В какой-то момент дверь в спальню закрипела, и девушка, обернувшись, подумав, что вернулся Гриша с травами. Но на пороге спальни возвышалась широкоплечая фигура Федора Артемьева. Слава испуганно воззрилась на молодого человека. Пронзив ее темным взором, он указал головой за дверь и властно велел:

– А ну, выйди сюда.

Боясь разбудить больную, девушка быстро поспешила в коридор, как и велел Федор. Едва она вышла в полумрак, даже не успев прикрыть плотно дверь, как он схватил ее за локоть и дернул к себе.

– Ну что, непослушная, говорил я, что будет моя власть в этом доме? – выдохнул молодой человек в ухо Славе и, сильнее склонившись над нею, приказал: – Ступай немедленно в свою горницу да дверь запири. Нечего по дому шататься. Тут полно всякого сброда.

– Нет, не пойду, – тихо вымолвила Слава, вырвав свой локоть из его ладони. – Гриша должен травы целебные привести, матушка уж очень плоха.

– Не придет твой Гришка, – процедил сквозь зубы Федор, вновь приближаясь к девушке, и Слава боязливо попятилась от него к стене. – Врезал я ему, как следует, за то, что он вздумал спорить со мной. И велел его под замок запереть.

– Как? – испугалась Слава.

– А ты все же в горницу свою ступай и ужо давай привыкай слушаться меня, – приказал Федор. – Как-никак скоро замуж за меня пойдешь.

– Что? – опешила она вконец. – Что вы говорите?

Она попятилась в темноту, пораженно взирая на него и отрицательно мотая головой, думая, что ей это лишь послышалось. Федор начал медленно неумолимо надвигаться на нее, словно приговор, чеканя слова:

– Люба ты мне уже давно, Светушка. Оттого быть тебе моей женой.

Артемьев приблизился к ней вплотную. И Светослава вдруг поняла, что Федор не шутит, а говорит вполне серьезно. Он уже раскинул руки, и девушка отчетливо увидела в его глазах яростный темный огонь. Вмиг похолодев от осознания всего этого, она дернулась от молодого человека, пытаясь немедленно убежать.

– Нет! – в ужасе выпалила она.

Но Федор быстро поймал ее и, стремительно прижав к стене, страстно выдохнул:

– Моя. Отныне моя...

Жестко притиснув девушку к себе, Федор яростно впился губами в ее волосы. Она начала отчаянно вырваться, ошалев от неприятных прикосновений молодого человека. Губы Артемьева уже переместились на лицо девушки, и Слава в истерике забилась в его руках, чувствуя, что сейчас сойдет с ума от омерзения. От Федора невыносимо несло перегаром и потом, но это, похоже, нисколько не смущало его. И он, нагло стискивая ее стан руками, осыпал яростными поцелуями ее лицо и губы. Довольно долго она пыталась вырваться, но Федор даже не обращал внимания на крики и недовольство девушки. Пытаясь спастись из этого жуткого капкана, Слава уже хрипела. Она ощущала себя той самой лисицей, которую недавно поймал Федор. А теперь, видимо, и ее собирался замучить своими объятиями, как и тогда истязал несчастное животное.

– Ты что себе позволяешь, охальник! – неожиданно в тишине коридора раздался звонкий голос Мирославы Васильевны. Федор замер и повернул голову на свет. В дверном проеме на пороге своей горницы стояла, держась за косяк, Мирослава. Крики дочери разбудили ее, и больная поднялась на ноги. – Немедля опусти ее!

– Конец вашим козням, мачеха! – выпалил зло Федор. – В этом доме отныне моя воля!

– Что ты несешь, предатель?! – в ответ процедила Мира. – Как ты смеешь показываться в этом доме, после того как оклеветал родного отца?!

– Отныне это мой дом, жалкая приживалка! – выплюнул он. Чуть отстранившись от девушки, но удерживая за руку, чтобы она не могла убежать, он с угрозой прорычал: – А если вы будете и дальше спорить со мной, Мирослава Васильевна, вообще на улицу пойдете!

– Не надо, – попросила Слава, глотая горькие слезы. – Матушка, не спорьте с ним.

– А ты скажи матери, коли не угомонится, ей же хуже будет, – произнес Федор, обернувшись к девушке.

– Что ты себе позволяешь? – опешила Мира. – Я в этом доме еще хозяйка. И отпусти немедленно Славу.

– Да как же! – с вызовом прогрохотал Федор. – По завещанию отца я отныне хозяин здесь! А вы все еще в этом доме только потому, что вы мать Славы. Оттого я не вышвырнул вас прочь немедленно. Ведь станете мне тещей скоро.

– Ты совсем спятил, Федор? – возмутилась Мирослава, начиная понимать, что к чему. – Ты что это удумал?

– Светослава станет моей женой!

– Не будет этого! – в ужасе воскликнула Мира. – Я не даю своего благословения на это!

– Да кому оно нужно, ваше благословение? – демонически рассмеялся Федор. – Даже отец был мне не указ. Так в сейчас он висит на столбе, оттого что посмел отказать мне в этой просьбе! А я столько просил его, умолял. На коленях перед ним ползал, чтобы он отдал мне Светославу. Так нет, не пожалел он меня, и теперь с ним покончено. Я и с тобой покончу, наглая плебейка, если будешь стоять на моем пути. Понятно тебе?

Услышав его страшные слова, Мирослава ощутила, как ее сердце зашло в бешеном стуке от несправедливости и ужаса. В следующий миг молодая женщина начала оседать. Слава дико вскрикнула и заверещала:

– Федор, ей плохо! Пусти!

Увидев, что мачеха действительно закатила глаза и осела на пол, Артемьев все же сжался и отпустил девушку. Слава подбежала к матери и, придерживав, осторожно оперла ее о стену. Мира, сидя на полу, обратила любящий взор на дочь и прошептала:

– Малышка, не могу больше бороться. Сердце мое разрывается от боли и муки. Не могу. Прости меня, милая... Ты должна бороться с этой поры сама...

– Матушка, – пролепетала девушка, глотая горькие слезы.

Мира на миг прикрыла глаза и болезненно выдохнула:

– Не уберегла я тебя, как было велено мне...

– Матушка, я помогу вам, – глотая слезы, шептала над ней Слава.

– Не сможешь, милая. Мое сердце вот-вот разорвется, я знаю это, – сказала Мира, из последних сил приподнялась и, устремив горящий взор на дочь, очень тихо, чтобы Федор не услышал, прошептала: – Выслушай меня... Ты должна поехать в Архангельск. Там недалеко от царского красного терема есть заброшенный дом с синими ставнями... в нем живет ведающая матушка... скажи ей, что ты приехала к Лучезару от Миры... она поможет тебе, – Мирослава чуть перевела дух и уже громче добавила: – Ты поняла меня, доченька? Отправляйся в Архангельск, благословляю тебя на то...

Федор, отчетливо расслышав последние слова мачехи, вмиг приблизился и, схватив Славу в охапку, оттащил девушку от умирающей женщины и яростно завопил:

– Какой еще Архангельск?! Никуда ты не поедешь! Мой женой будешь, я сказал!

Мира несчастно простонала, протягивая к дочери руку. Вдруг Артемьева безжизненно отвалилась к стене. Слава увидела, как из тела матушки начала вылетать душа. Дико вскрикнув, девушка неистово забилась в руках Федора, крича:

– Пусти! Слышишь, пусти! Умирает она!

– И поделом ей! – жестоко прорычал Федор, таща ее по коридору прочь.

Ноги Славы болтались в воздухе, и она изо всех сил пыталась вырваться из рук Артемьева, чтобы броситься к умирающей матери.

– Отпусти! Я хочу к ней! – кричала в истерике Слава.

– Никуда не пойдешь. А раз не слушаешься меня, так сидеть тебе под замком!

Федор дотащил брыкающуюся девушку до ее горницы и бросил на кровать. Слава, плачущая, ошалевшая от всего, лихорадочно выпалила ему прямо в лицо:

– Не стану я твоей! Слышишь, Федор?!

– Это мы еще посмотрим! – с угрозой прошипел он и вышел прочь из горницы, предварительно заперев дверь и вытащив из замка ключ.

Восстание продолжалось трое суток. Каждый день к бунтующим присоединялись все новые люди. Зарево горящих дворов было видно на несколько верст. Восставшие стрельцы, на сторону которых перешла большая часть бедных горожан, безнаказанно вершили самосуд и управляли всем в городе. Почти все приближенные воеводы Ржевского попали под расправу разъяренного люда. Улицы, дворы, площади Астрахани были наполнены запахами горящего дерева и крови. Федор, который являлся одним из самых ярых зачинщиков бунта, оказался нынче в чести. Дом и усадьбу отца его более не трогали, хотя восставшие продолжали грабить дома купцов, чиновников и дворян. Жгли их усадьбы и безжалостно расправлялись с хозяевами.

Глава III. Невольница

Небольшая уютная горница освещалась тусклым светом единственной плачущей воском свечи. Слава, зябко кутаясь от вечерней прохлады в расписной платок, с тоской смотрела на далекие мерцающие звезды. Уже два дня она была пленницей в собственной спальне. Теперь

Федор запирает ее горницу на ключ, который носил на своем поясе, а внизу под окнами постоянно караулил один из мужиков, чтобы девушка не могла сбежать через окно. Вчера схоронили ее матушку. Лишь на эти краткие два часа Федор позволил ей выйти из своей комнаты, чтобы она могла проститься с Мирославой.

Еще с того горького дня, когда сначала зверски был убит Тихон Михайлович, а затем скорпостижно умерла ее матушка, Слава впала в горестное нервное состояние. Слезы постоянно катились из глаз девушки, и она чувствовала себя до крайности одинокой и несчастной. Слова Федора о том, что она вскоре станет его женой, также терзали душу, поскольку она знала, что по собственной воле никогда не скажет перед алтарем Федору да. Поскольку она не только не любила молодого человека, но и опасалась его. Она считала его исчадием ада, человеком, у которого нет сердца, ибо он не мог испытывать сострадание и сочувствие к кому бы то ни было. Федор решился на убийство отца, жестокими словами замучил ее матушку, обрюхатил Марфу, которую вовсе не любил, а ее, Славу, заточил под замок, собираясь насильно взять замуж. Все бесчинства молодого Артемьева представлялись жуткими и омерзительными в глазах девушки.

Тоскуя по погибшим близким людям, Слава в душе обвиняла и себя. Она чувствовала, что она хоть и косвенно, но все же виновата в смерти Тихона Михайловича. Ведь как раз из-за страсти к ней Федор впал в это невменяемое состояние и, связавшись с бунтовщиками, предал собственного отца. В данный миг прелести ее лица и тела, которыми постоянно восхищалась ее матушка, говоря о том, как девушка красива, представлялись Славе совершенно ненужным и даже опасным приданым. Из-за ее прелестей Федор потерял совесть и решился сотворить зло, не побоявшись очернить свою душу и наплевав на осуждение окружающих. В раненой душе Славы он теперь ассоциировался с чудовищем, вызывая в ее существе лишь чувства страха и презрения.

Со вчерашнего дня Федор не показывался, и девушка при каждом звуке за дверью испуганно озиралась, думая, что он вернулся. Два раза в ее комнату входила одна из дворовых служанок и приносила еду. Слава пыталась заговорить с ней, но дворовая девка, видимо, запуганная Артемьевым, тут же молча сбежала из горницы Славы, запирая ее на ключ.

Все два дня девушка почти ничего не ела. День и ночь Слава думала, как избавиться от власти ненавистного Федора. Единственным, кто мог ей помочь, был Гриша. Но, со слов Артемьева, юноша тоже находился в темнице. Оттого надежда на спасение была очень призрачной. Сегодня поутру она опять проснулась вся в слезах, думая о матушке. Но произошло чудо. И спустя некоторое время Славе прямо здесь, в этой комнате, явилась душа покойного отца – Романа. Облик батюшки показался до боли знакомым, таким, каким она видела его в последний раз той страшной ночью, когда он погиб от рук Темных. Душа отца попросила, чтобы девушка так сильно не убивалась, ибо Мирослава скоро будет рядом с ним и Яриком в Светлом Граде. Душа отца быстро исчезла, но после этого краткого видения Слава немного успокоилась и оставшиеся полдня провела за чтением книг и вышиванием.

Сейчас, распахнув окно, Слава дышала свежим вечерним воздухом, наполнявшим засыпающую округу. То и дело замечала она внизу под окнами дворового мужика, сторожившего ее. Глядя на темное безмолвное небо, устланное звездами, она думала о том, что теперь ей надо как-то привыкать жить без матушки и Тихона Михайловича, которые оберегали ее и заботились. А самое главное – сбежать от Федора, да так, чтобы он не нашел ее. Она не знала, куда ей податься и что делать дальше. Но одно девушка знала точно, что более в этом доме, новый хозяин которого был диким и необузданным чудовищем, она оставаться не может.

Засмотревшись на яркий полный месяц, Слава невольно вздрогнула от неожиданности, когда ночную тишину пронзил тихий осторожный стук в дверь. Насторожившись, девушка затравленно обернулась. Стук повторился, и она устремилась к двери, не понимая, кто это мог быть. Все-таки у Федора и дворовых имелся ключ от ее двери, и им незачем было стучать. Стук повторился, и отчетливо послышался приглушенный голос Гриши:

– Слава? Сестрица, ты слышишь меня?

На миг опешил, оттого что Гриша как-то оказался здесь, Слава мгновенно приникла к двери и схватилась дрожащими руками за дубовые брусья.

– Гриша! Гришенька! Как тебе удалось выбраться из застенка? – воскликнула девушка, едва не потеряв сознание от радости.

– Тише, сестрица. Никто о том не знает. Лука-юродивый помог мне выбраться. И еще он сказал, что Мирослава Васильевна умерла, а тебя Федор держит под замком.

– Да, Гриша, все так ужасно! Правду сказал тебе Лука. Матушку схоронили мы вчера, – глухо вымолвила она, замолчав и сглотнув горький ком в горле.

– Слава, ты должна быть сильной, – произнес тихо Гриша.

– Я уже успокоилась, Гриша. Только вот об одном страдаю, как мне от Федора убежать?

– Убежать? Что-то я ничего не пойму, зачем он вообще тебя запер? Или ты спорила с ним и разозлила его, как я?

– Нет, Гриша. Федор жениться на мне хочет. Тихон Михайлович, пока жив был, не позволял ему этого. Вот он и пошел на предательство отца. – Слава сглотнула и тише продолжала: – А нынче Федор заявил, что я стану его женой. А чтобы не сбежала, буду до венчания под замком сидеть.

Юноша так долго молчал в ответ, что Слава забеспокоилась, не ушел ли он.

– Гриша, ты здесь? – прошептала она напряженно.

– Я здесь, сестрица, – ответил тихо он из-за двери и глухо поинтересовался: – Ты любишь его?

– Нет! Как ты мог такое подумать?! – выпалила Слава в сердцах. – Разве можно его полюбить?

– Я уж было испугался, – облегченно произнес Гриша.

– Я же говорю, он запер меня, оттого что я не желаю по своей воле выходить за него замуж. Да только и думаю день и ночь, как убежать из этой темницы, понимаешь?

– Уразумел я вроде.

– Гриша, ты сможешь мне? – спросила с надеждой в голосе девушка. – Без тебя мне никак. Под окнами постоянно мужики стоят, караулят меня. А то я бы уж давно через окно сбежала.

– Конечно, я помогу тебе, Слава. Этот изувер не получит тебя. Ишь, что удумал, насильно девку брать в жены, – возмутился юноша порывисто. – Слушай, сестрица. Я на рассвете снова приду, едва первые петухи пропоют. Попробую раздобыть ключ или чем другим открою замок. И ты убежишь. Слышишь?

– Да, Гриша, благодарю тебя. Я буду ждать!

– Сюда кто-то идет, – вдруг выдохнул юноша. – Я ухожу, Слава. Жди...

Слава замерла, напряженно вслушивалась в звуки за дверью. Через миг она отчетливо различила удаляющиеся шаги и сильнее прижалась к деревянной обивке.

– Гриша... – позвала она.

Но никто не ответил ей более.

Неожиданно все затихло и через какое-то время послышались шаткие приближающиеся шаги. Вдруг дверь в ее спальню распахнулась, и Слава увидела на пороге Федора. Она ахнула и отбежала в угол комнаты.

– Как ты, яхонтовая моя? Утомилась? – спросил Федор, плотоядно окидывая взором девушку. Он был одет в красивый вышитый белый кафтан, темные штаны и черные сапоги. Причесанный и гладко выбритый, с трезвыми глазами и смазливый мужественным лицом, Артемьев являл собой образец весьма привлекательного молодого человека. Но Слава, не в силах смотреть на него, нервно отвернулась к окну. Этот постылый жестокий человек внушал ей лишь ужас. И у нее совсем не было желания говорить с убийцей Тихона Михайловича и

мучителем ее покойной матушки. Невольно услышав его шаги рядом, девушка затравленно обернулась к Федору, устремив на него испуганные глаза. – Тебе пора смириться со своей участью, – произнес властно, но мягко Федор. Он остановился в шаге от нее. Она видела его ласкающий взгляд. – Я буду тебе хорошим мужем.

– Нет! – выдохнула порывисто Слава, замотав головой и отступая подальше от него. – Матушка хотела, чтобы я отправилась в Архангельск.

Девушка прекрасно помнила, что ее предназначение в изучении тайных знаний у северных волхвов, но этого никто не должен был знать, потому она озвучивала фразу, которую мог знать Артемьев.

– Этого не будет, – прохрипел он жестко.

Он поднял руку, и Слава почувствовала, как ладонь Федора прикоснулась к ее волосам, заплетенным в длинную косу.

– Не трогайте меня, – прошипела она. – У вас нет сердца! Даже звери не убивают себе подобных! А вы сеете лишь смерть вокруг!

На ее выпад Артемьев прищурился, удивленно отметив, что раньше даже не представлял, что эта хрупкая, юная девушка может вообще спорить с кем-то. Он чувствовал, что не до конца знает ее, и вдруг осознал, что за ее нежной чарующей внешностью скрывается сильный характер. Он вмиг представил, как она сопротивляется ему, а он укрощает ее, как дикую лошадь. Это ассоциация вызвала в нем возбуждение. Раньше ему казалось, что его привлекает ее покорность, но сейчас он понял, что скрытый сильный нрав Славы, который стал проявляться в последние дни, нравится ему гораздо больше. Вчера она даже на порог его не пустила, разбив о его голову глиняный горшок, и исцарапала ему лицо. Ругаясь, Федор быстро покинул ее спальню, заявив, что свадьба через восемь дней. Сегодня же она опять спорила с ним. Она явно не собиралась сдаваться на его милость и всячески сопротивлялась. И молодой человек заранее предвкушал, как он будет укрощать ее непокорный нрав. Все девки, с которыми он был близок, казались покладистыми и покорными. Потому поведение Славы распалило до предела все чувства Артемьева.

Федор чуть отступил от девушки, и на его красивом лице появилась кривая ухмылка.

– Мне будет приятно укротить тебя, маленькая кошка! – промурлыкал он зазывно.

Слава, поджав губы, холодно заявила:

– Марфа ждет от вас ребеночка. Отчего вы не женитесь на ней? Это ваш долг.

Улыбка исчезла с лица Федора, а на его лице заходили желваки.

– Эта девка для улады, а не для венчания. Мало ли с кем я был? Только ты достойна стать моей женой и матерью законных наследников.

– Она любит вас.

– И что ж? Мне до этого нет дела, – цинично бросил Артемьев, безразлично пожав плечами. – Я тебя люблю.

– Прошу, уходите, – прошептала Слава и вновь отвернулась от него.

Все слова молодого человека вызвали в существе девушки лишь чувства брезгливости и неприязни. Он казался ей беспринципным, жестоким, бессердечным человеком без чести и совести, убийцей ее близких. Федор нахмурился, но все-таки направился к двери. На пороге он задержался и сказал напоследок:

– Завтра я уеду ненадолго. Но вечером вернусь... Веди себя хорошо, яхонтовая моя...

– Сестрица, я здесь, – приглушенный голос Гриши был для Славы как музыка.

Девушка без промедления подбежала к двери, услышав, как в замке что-то заскрежетало. Она была уже готова, ибо ждала юношу вторые сутки. В следующий миг дверь распахнулась, и она, бросившись на шею к юноше, выдохнула:

– Гриша, я уж думала, что ты не придешь...

Проворно втащив Гришу внутрь своей спальни и закрыв дверь, Слава улыбнулась парню.

– Раньше никак не мог. Федор уже третий день лютует. Я и сам скрываюсь в настоящее время в соседнем сельце. Только вчера мне удалось раздобыть ключ. Твоя старая горничная помогла мне. Тебе надобно бежать из Астрахани немедленно. Но я не знаю куда, – Гриша чуть помолчал. – Может, тебе податься в Москву к брату нашему Семену?

– Нет, я должна ехать в Архангельск.

– В Архангельск? Но это очень далеко, Слава, – напряженно сказал Гриша. – Тебе не добраться туда. У тебя есть серебро?

– Есть немного, – кивнула девушка, доставая кошелек, который еще когда-то давно давала ей матушка.

Гриша раскрыл кошелек и удрученно заметил:

– Этого мало. Даже до Москвы тебе не доехать.

– Гриша, матушка благословила меня ехать в Архангельск, туда я и направлюсь.

Он долго молчал и лишь спустя время вымолвил:

– Хорошо, сестрица. Я попробую раздобыть еще серебра. А ты пока должна где-то укрыться и дожидаться меня.

– Я могу ждать тебя в домике в лесу, что неподалеку от малинника, где мы с тобой в детстве собирали ягоды.

– Ладно, давай там. Но если вдруг почувствуешь опасность, беги дальше в лес, там легче укрыться от погони. Лучше на север, потом я покричу тебя, и встретимся. Я постараюсь к вечеру найти тебя.

– Договорились, я готова, – кивнула она.

Девушка быстро накинула на плечи плащ и взяла свою маленькую суму, в которой лежал древний камень, расческа и сменная нижняя рубашка.

– Тогда пошли.

Они торопливо вышли из горницы Славы и, оглядевшись по сторонам, устремились в сторону черной лестницы, которой обычно пользовались слуги. Молодые люди почти спустились до первого этажа, как сверху раздался громогласный вопль Федора. Слава и Гриша испуганно замерли, и юноша подтолкнул девушку вперед, к выходу из сеней, выпалив:

– Беги! Я задержу его!

– Гриша, не надо, бежим вместе!

– Нет, беги. А то он поймает нас обоих. Беги, сестрица!

– Я боюсь за тебя, Гриша! – сквозь слезы промямлила она.

– А ну ступай, кому сказал! Ну! – уже прикрикнул на девушку юноша.

Слава, глотая горькие слезы, распахнула дверь.

Глава IV. Темные монахи

– Ты меня не запугаешь, Федор! – прохрипел Григорий, сплевывая с разбитой губы кровь. Руки юноши, поднятые вверх, были привязаны к верху столба, и он еле доставал ногами до пыльной земли. Федор стремительно занес кнут и с яростной злобой опустил жесткий хвост на окровавленную спину Гриши. Юноша, сцепив зубы, застонал от жуткой боли и непокорно выдохнул: – Все равно не скажу, где она... не достанется она тебе...

– Ты еще смеешь указывать мне, сопляк? – процедил Федор.

И его рука с кнутом вновь занеслась над израненным телом юноши. Уже более часа старший Артемьев истязал своего двоюродного брата посреди широкого конюшенного двора. Около трех дюжин дворовых мужиков и некоторые бабы стояли здесь же, по приказу Федора, молчаливо с мрачными лицами взирая на наказание.

Три дня назад, едва Федор понял, что именно Гриша помог Славе бежать из горницы, он дико разозлился и тут же приказал дворовым мужикам связать парня и бросить обратно в темницу. Артемьев немедленно послал своих людей на поиски девушки, но дворовые мужики

и его прислужники возвратились ни с чем. Славы нигде не было. Ни в городе, ни в пригородах. Никто не видел ее, и все поиски были безрезультатны. Почти два дня Федор безжалостно избивал Гришу в застенке, пытаясь выведать у него, где девушка, в то же время постоянно заставляя своих людей искать Славу. Сегодня шел уже третий день с той поры, как она пропала, и Федор, с каждым днем все более свирепея, решил сегодня поутру наказать Гришу более жестоко. Думая, что кнут развяжет юноше язык, он собственноручно принялся выбивать из юноши признание. Гриша же, хотя и держался из последних сил и от жуткой боли то и дело терял сознание, все же упорно молчал. Видя, что юноша ни в какую не сдастся, хотя кожа уже ключьями свисала с его голой спины, Федор яростно завопил:

– Говори, гаденыш, куда она убежала?! А не то забью до смерти!

Послышался гулкий сильный топот копыт со стороны ворот. И Федор, чуть обернувшись, устремил темный взор на кавалькаду всадников в черных одеждах, которые стремительно въехали на территорию усадьбы.

– Ты будешь гореть в аду за свои грехи, – прошептал одними губами Гриша и в следующий миг потерял сознание.

Дюжина угрожающего вида всадников в темных плащах с капюшонами на головах и в высоких ботфортах приблизились к Артемьеву, рука которого невольно опустила кнут. Впереди угрожающей кавалькады на черном жеребце восседал Кристиан фон Ремберг. Он был единственным, на ком не было маски и капюшона.

– Что здесь?! – грозно обратился Кристиан к Федору. Его слова эхом разнеслись по широкому двору. – Отчего ты терзаешь парня?

Кристиан знал, что привязанный к столбу парень – двоюродный брат Федора. И фон Ремберг отчетливо отметил светло-голубую ауру у привязанного юноши. Подобную светлую ауру редко удавалось видеть у окружающих людей, и она говорила о чистоте помыслов и доброте человека.

– Он помог ей сбежать! Этот выродок! – выплюнул Федор зло.

Немедля проникнув в думы Федора, Кристиан поймал убегающую мысль Артемьева о том, что Славу неизвестно, где искать.

– Девица сбежала? – опешив, выдохнул Кристиан и резко осадил коня, который мордой почти уткнулся в широкую спину Федора.

Фон Ремберг невольно напрягся, так как в своей голове он уже прокрутил, как, ворвавшись в усадьбу Артемьева, потребует выдать ему девушку. А когда люди Федора посмеют ему воспрепятствовать, его собратья-монахи безжалостно разделаются со всеми, в том числе и с Федором. А затем он, фон Ремберг, освободит Светославу и станет для нее спасителем, как и было задумано Верховным.

– Сбежала, поганка! – выкрикнул истошно Федор, и на его лице отразилось неменяемое злое выражение. – И куда делась, не знаю!

– Но как же она... – тихо вымолвил Кристиан, понимая, что их план провалился, поскольку теперь девицу не надо было вызволять из темницы, ведь она спаслась сама.

– Я тоже хочу это узнать! – продолжал злобно завывать Федор. – А этот песий сын молчит как рыба. Точно он ей помог!

– Ты послал погоню? – осведомился фон Ремберг, пытаясь решить, что делать дальше.

– Мои люди ищут ее уже третьи сутки. Все окрестности прочесали, а девка как в воду канула! Это он, Гришка, помог ей сбежать из-под моего запора! Говори, пес, куда она делась! – уже завопил Федор и вновь замахнулся кнутом на парня.

Кровь ручьями стекала со спины Гриши. Кристиан видя, что парень без сознания, гаркнул:

– Хватит!

Федор удивленно замер и повернулся к пруссаку.

– Чего?

– Оставь парня. Он ничего не знает, – приказал фон Ремберг громко.

Интуиция подсказывала Кристиану, что непосредственно этот юноша и помог сбежать девушке. Но пока он был без сознания, фон Ремберг не мог прочесть его мысли.

– Да с чего бы это?! – выпалил зло Федор, совершенно не собираясь отпускать Гришу, ибо ненависть к юноше уже давно владела злым сердцем Артемьева.

– Отвяжите его! – велел Кристиан.

Сразу же два брата-монаха в темных одеждах спешили и приблизились к Грише.

– А ну, не тронь его! – процедил Артемьев и крикнул своим людям: – Эй!

В следующую минуту несколько десятков мужиков выступили вперед, вытаскивая из-за пазух кто рогатину, кто нож. Неожиданно раздался выстрел, и рядом с Федром навзничь упал один из его мужиков, убитый пулей в сердце. Вмиг среди стоящих прошел испуганный возглас и немногочисленные дворовые бабы умолкли. Кристиан опустил пистолет и, пройдясь свинцовым взором по окружающим, предостерегающе вымолвил:

– Первый кто двинется, получит такую же пулю в лоб. Ты понял, Федор?

– Понял, – напряженно выдохнул Артемьев и сделал знак своим людям опустить оружие.

– Мы забираем парня, – глухо скомандовал Кристиан.

Монахи приблизились к Грише и отвязали его.

– Не отдам! – закричал с горячностью Федор, пытаясь схватить одного из монахов за плечо.

– Ты хочешь проверить, Артемьев, будут ли за четверть часа все твои люди мертвы? – спросил угрожающе фон Ремберг. – Или поверишь мне на слово?

– Нет, не хочу... – холодея от страха, вымолвил тот и, скрипя от бессилия зубами, отступил на два шага от монахов.

– Верное решение, – заметил холодно Кристиан.

Налитыми кровью глазами Федор молча следил за тем, как два монаха перенесли бессознательного Гришу на одного из темных коней, перекинув парня через седло. Проворно запрыгнув в лошадей, монахи в масках вновь замерли в неподвижных позах, ожидая дальнейших приказаний фон Ремберга.

– А мне что делать?! – взвился истерично Федор, бросившись к жеребцу фон Ремберга, желая получить ответ от пруссака. Стремительно схватив сильной рукой уздцы коня Кристиана, Артемьев выпалил: – Помогите мне найти девку! Вы же обещали!

Прищурившись и сверху презрительно смерив индиговым взором Федора, что заискивающе смотрел на него, Кристиан ощутил дикое презрение к этому мерзкому продажному русскому, которой из-за своей пагубной страсти пошел на страшные дела. Сначала погубив собственного отца, а теперь истязая брата. Да, Кристиан не имел жалости и порой убивал без всякого чувства сожаления. Но все же он мог оценить настоящие душевные качества, которые отличали человека от нелюдя. И Федор явно не обладал качествами человека. Оттого фон Ремберг не просто презирал Артемьева, а относился к нему как беспринципному мелкодушному наглецу, который как противник не заслуживал уважения. В следующее мгновение Кристиан выкинул вперед ногу и сильным ударом сапога отшвырнул Артемьева прочь от своего жеребца. От силы удара-пинка фон Ремберга Федор не удержался на ногах и плюхнулся назад, осев в грязь.

– Ты сам виноват во всем, – мрачно прохрипел Кристиан. – Девка была у тебя в руках, и ты упустил ее. Так что пеняй на себя, кажется, так у вас говорят? – процедил холодно фон Ремберг.

Быстро сделав головой знак своим людям, Кристиан пришпорил жеребца, и вся мрачная кавалькада из дюжины монахов стремительно выехала из ворот усадьбы, увозя с собой полумертвого Гришу.

Дворовые слуги стремительно подскочили к Федору, поднимая его. Артемьев, зло сплевывая, встал и, цедя проклятья, угрожающе прошипел, что все равно найдет непокорную девку.

Едва они достигли бескрайних полей, фон Ремберг приказал остановить. Он быстро спешился и подошел к лошади, на крупе которой лежал бессознательный парень. Он провел рукой над головой Гриши. Юноша пришел в себя и глухо застонал от боли. Кристиан видел, что парень еле дышит, и ощущал, что его жизненная сила на исходе, но ему было не жаль его. Фон Ремберг, стянув перчатку с правой руки, положил ладонь на волосы Гриши и начал внушать ему нужные команды.

– Где девица Светослава? – спросил тихо Кристиан, гипнотизируя парня и видя, как забирает последние энергетические силы из юноши. – Где девица? Говори...

– Она убежала... к домику лесника... еще позавчера на рассвете, – через силу выдохнул хрипло Гриша пересохшими губами.

Кристиан убрал руку с его головы, и парень вновь потерял сознание. Натянув перчатку на руку, фон Ремберг отошел от Гриши и, ловко вскочив в седло, обернулся к своим людям и приказал:

– Я еду один. Вы возвращайтесь без меня.

– Парня выкинуть здесь, мессир? – осведомился один из монахов.

– Да, – жестко ответил тот. Однако в этот миг в его холодном сердце что-то всколыхнулось, и он мрачно добавил: – Хотя нет, отвезите его в ближайшую деревню и оставьте там. Только так, чтобы вас никто не видел. Если ему повезет и его быстро найдут, он, возможно, выживет. А если нет...

Он не договорил и, пришпорив жеребца, стремительно галопом поскакал в сторону леса. Вслед за ним побежал белый волк.

Почти сутки Кристиан искал ее. Он ощущал, что Светослава где-то здесь, в этом лесу, но никак не мог найти ее. Все это время он ни на миг не останавливался, обшаривая каждую чащу, каждый куст, каждое дерево, но все было напрасно. Он не мог понять, отчего он то и дело теряет энергетический поток девицы и свет древнего камня, который был у нее. Когда чувствовал их, он скакал в нужном направлении. Но вскоре вновь терял след. Он не ел, не спал, прочесывая обширные пространства леса, и его взбудораженный разум горел только одной мыслью – найти беглянку как можно быстрее, пока ее след окончательно не исчез.

Теперь Кристиан обводил взором густую чащу и пытался считать нужную информацию. Вновь молодой человек поразился тому, как эта девица, еще совсем дитя, смогла сбежать от кровожадного Федора и уже более трех суток скрываться в лесу, который был полон хищников. Отчего-то за последние сутки в его мысли стало закрадываться подозрение, что эта юная девица не так проста, раз смогла оставить с носом Артемьева и сбежать из темницы, заставив их всех играть по своим правилам. Он чувствовал, что в эти мгновения она как-то умело скрывается в чаще, а деревья как будто своими запахами и энергетикой укрывают ее ауру от Кристиана. В какой-то момент молодой человек, уже окончательно разозлившись на себя за то, что ходит по кругу, решил, что надо уже закончить эти поиски.

Спешившись, фон Ремберг развел небольшой костер. Присев на корточки, он начал водить ладонями над горящими языками пламени, шепча заклинания. Уже через несколько мгновений в пламени костра Кристиан увидел ее. Устало прислонившись к стволу высокой осины, она сидела на зеленом мху, чуть прикрыв глаза. Он тут же понял, отчего сейчас вообще не чувствует ее энергию. Рядом с девушкой росли осины, которые не только скрывали ее от посторонних глаз, но и перебивали своими жизненными силами энергетику девушки и свет древнего камня. Лишь с определенного ракурса Кристиан смог через костер почувствовать ее ауру, когда его пронзающий луч проник между деревьями. Он начал водить руками над огнем,

и призрачная картинка вмиг стала меняться, как бы показывая путь до той осины, где находилась беглянка. Она была всего в полуверсте от него, фон Ремберг стремительно поднялся на ноги и быстро провел рукой над огнем. Пламя немедля потухло, как будто его залили водой.

Когда приблизился к обессиленной Светославе, он отчетливо ощутил энергию Великого Владыки, который лежал у нее в котомке. Энергия камня сильно приглушалась, потому он не смог почувствовать алмаз на расстоянии. Девушка, прикрыв глаза, сидела недвижимо, и фон Ремберг отметил ее золотистую ауру, которая внизу чуть светилась оранжевым. И как раз в этом месте, как он определил, находился камень в ее суме. Он прекрасно помнил, что камень имеет ярко-красную энергетiku, сравнимую с яростным пламенем, только гораздо сильнее. А теперь энергетика камня явно приглушалась светло-желтой аурой девушки и становилась бледно-оранжевой.

Кристиан бесшумно приблизился вплотную и склонился. Видимо, она почувствовала его, поскольку медленно распахнула большие озеры глаз и ее темные зрачки начали стремительно расширяться.

Подогнув стройные ноги и устало опершись о теплую кору дерева, Слава едва различала окружающие ее звуки дремучего леса. Перед ее мутным взором пронеслись быстрые картины того, что произошло с ней за последние дни. Как три дня назад она, прибежав к условленному с Гришей месту, увидела, что домика лесника нет, а от него осталось лишь пепелище. Тогда она укрылась в ельнике, росшем неподалеку. Но спустя несколько часов, когда Гриша так и не появился, заметила мужиков с факелами, которые шли в ее сторону. Отчетливо поняв, что ищут именно ее, девушка устремилась в лесную чащу, желая скрыться. Здесь она долгое время бежала и бежала вперед, глотая горькие слезы и думая о том, как когда-то давно она так же скрывалась от Темных. Еще одна страшная мысль терзала ее трепетное сердечко. Много лет назад погиб ее брат, и в сию минуту Славе казалось, что Гриша так же может погибнуть, как и когда-то Ярик. Это осознание терзало ее душу, но девушка старалась быть сильной и внушить себе, что Грише все же удалось сбежать от Федора, как и ей.

Она находилась в лесу без еды и питья более трех суток. Но Гриша так и не пришел. Она бродила, не зная, что делать. Слава понимала, что надо уходить из леса, но боялась того, что Гриша может прийти и не найти ее, и оттого упорно оставалась в чаще. Лишь пару раз ей удалось найти небольшие лужицы, дно которых было покрыто мхом, как раз из них она утоляла свою жажду. Она ела ягоды. Однако без нормальной еды теряла силы, а без теплой одежды жестоко мерзла по ночам. Но призрачная надежда на то, что Гриша все еще может прийти за ней, давала силы оставаться в лесу. Она мучительно ждала и ждала Гришу. На четвертые сутки, вовсе обессилив, Слава присела около высокой осины, не в силах двигаться дальше. Через какое-то время ее усталый мутный взор различил высокий темный силуэт человека, который приблизился к ней.

Едва Слава ощутила энергетiku живого существа подле себя, как тут же внутреннее чутье ее начало кричать об опасности. Она распахнула глаза и вперилась замутненным взором в человека, стоявшего над ней. Девушка ощутила, что мужчина ей знаком. И не своим красивым суровым лицом, а необычной темно-фиолетовой аурой. Она вдруг осознала, что незнакомец имеет ту же ауру темно-фиолетового цвета, как и тот Темный юноша, который пытался убить ее много лет назад. А позже мужчина с такой же аурой повстречался ей сеньях в день свадьбы Семена. И Слава отчетливо почувствовала, что все эти три человека являются одним и тем же мужчиной, который в данный миг склонился над ней. Потому что фиолетовый цвет ауры был редчайшим у людей. Обычно плохие люди обладали коричневой или сероватой аурой, часто почти черной. Невольно похолодев до кончиков пальцев ног, девушка инстинктивно вжалась в кору дерева.

– Вы? Не подходите! – выдохнула Слава из последних сил обескровленными губами.

Фон Ремберг вздрогнул и стремительно присел на корточки, пытаясь прочесть мысли девушки, но у него ничего не вышло.

– Вы боитесь меня? Но я пришел спасти вас, – тихо вымолвил он, пытаясь придать своему голосу мягкость.

Молодой человек старался не смотреть на девушку в упор, зная, что от его взора люди обычно холодеют от дикого страха.

– Вы один из них! Вы Темный! – пролепетала Слава испуганно, отползая от него из последних сил чуть в сторону.

Сувив глаза, фон Ремберг нахмурился и ощутил, что еще немного, и он до конца провалит миссию, порученную ему Верховным. И виновата в этом будет эта смазливая сопливая девица, которая оказалась до того изворотлива и умна, что теперь, верно, распознала его сущность. Стремительно приняв решение, Кристиан быстро обернулся к белому волку, который приближался. Боясь того, что девушка вот-вот увидит зверя и вспомнит его, молодой человек тихо приказал Лихому уходить домой. Умный зверь прочитал приказ по губам Кристиана и стремительно помчался прочь из леса. Фон Ремберг вновь обернулся к девушке.

– Вы ошибаетесь, майн херц, – вымолвил он тихо по-русски, изображая сильный акцент. – Вы с кем-то спутали меня. Я друг Тихона Михайловича. Я узнал, что вы заблудились в лесу и пришел помочь вам, – умело соврал Кристиан.

– Федор вас прислал?

– Нет. Светослава Романовна, я пришел помочь вам. Вы должны довериться мне, – произнес молодой человек увещательно и, сняв с пояса флягу, поднес ее к губам девушки. Осторожно, чуть придерживая ее за голову, он приподнял девушку. – Вам нужно немного попить...

Он очень мягко притиснул деревянную флягу к ее губам, и Слава, не спуская напряженного взора с его фиолетовых ярких глаз, сделала несколько глотков живительной влаги.

– Откуда вы узнали, что я здесь? – тихо вымолвила она, едва он убрал флягу.

– Гриша, ваш брат, рассказал мне, где вас искать. Он просил помочь вам...

– Гриша, что с ним?

– Он вынужден был бежать и не сможет вам помочь, майн херц.

Слава несчастно выдохнула, обеспокоенно поняв, отчего Гриша не пришел за ней. Видимо, Федор устроил на него травлю. И в эту пору юноша сам был в бегах, а ей на помощь послал этого странного человека. После слов незнакомца Слава немного успокоилась, зная, что Гриша не мог выдать ее плохому человеку, ведь он любил ее как сестру.

– Мое имя Кристиан Франц фон Ремберг, – представился молодой человек, вставая и выпрямляясь. – В вашей стране я служу при прусском посольстве. Я могу отвезти вас, куда вы скажете.

– Благодарю, – произнесла девушка. – Вы хорошо говорите на нашем языке.

– Мой бывший денщик был русским, – быстро придумал фон Ремберг. – Я думаю, что обратно в дом Федора Артемьева вы не хотите возвращаться?

– Нет, только не туда, – испуганно сказала Слава.

– Может, тогда, отвезти вас в Москву? К вашему другому брату Семену.

– Да, вы правы, господин фон Ремберг. Наверное, к Семену я бы могла поехать, – согласилась она облегченно.

Она понимала, что не могла просить этого человека везти ее в Архангельск. Как-никак, это было так далеко, да и накладно для него. А она совсем не хотела обременять господина фон Ремберга.

– Тогда отправимся в Москву.

– Благодарю вас, – вымолвила девушка и увидела, что он чуть поморщился, словно ему было неприятно слышать ее последние слова.

Слава попыталась встать, но обессиленные ноги не слушались ее.

– О, не беспокойтесь, я понесу вас, – не раздумывая, предложил он и, наклонившись к девушке, обхватил ее стройный стан руками и легко понял с земли. Слава едва успела ухватить свою небольшую суму и прижать ее к себе. – Мой жеребец неподалеку.

Фон Ремберг проворно устремился прочь из чаши с девушкой на руках. Слава обессилено склонила голову к его груди, а в ее голове стучала единственная мысль о том, что он явно не Темный. Так как сейчас забрать у нее камень ему бы не составило труда, но молодой человек явно не желал этого. Оттого она утвердилась в мысли, что действительно спутала его с тем Темным парнем. Как бы сама себе Слава невольно тихо прошептала одними губами:

– Наверно, я и правда ошиблась, приняв вас за другого человека.

Однако Кристиан все прекрасно услышал и уведомил:

– Вы должны знать, Светослава Романовна. Я ваш друг и помогу вам.

– Но отчего вы помогаете мне?

– Тихон Михайлович много сделал для меня. Я крайне обязан ему. Нынче я хочу отдать долг.

После этих слов девушка окончательно успокоилась и, обессилено прикрыв веки, расслабилась в руках молодого человека, и уже через миг ее сморил целительный сон.

Глава V. Подруга

Русское царство, Москва, Никольская улица, 1717 год

(Московская Тартария, Москва, 7225 лето С.М.З.Х)

Август, 19

– Вот дом вашего брата, сударыня, – произнес Кристиан, обратив взор на девушку, сидящую на серой лошади.

Его поджарый караковый жеребец переминался с ноги на ногу, то и дело поворачивая морду в сторону ее мышастой кобылы, и это до крайности раздражало фон Ремберга.

Обратив свои светлые глаза на Кристиана, Слава невольно окинула быстрым смущенным взором атлетическую подтянутую фигуру молодого человека. На вид фон Рембергу было лет тридцать. Его лицо – красивое, волевое, интересное, с высокими скулами, твердым подбородком, высоким лбом и мерцающими фиолетовыми глазами – невероятно нравилось ей. Взгляд необычных глаз молодого человека, хотя и был холодноват и безразличен порой, все же часто останавливался на девушке, весьма смущая ее и приводя чувства Славы в трепетное возвышенное состояние. Вежливый, молчаливый, высокий, эффектный, с военной выправкой он казался девушке невозможно привлекательным. Кристиан представлялся ей неким героем из сказки, который не только спас ее в лесу, но и в настоящее время по зову доброго сердца заботился о ней уже в течение двух недель.

– Благодарю вас, господин фон Ремберг, – ответила девушка и печально улыбнулась молодому человеку.

Чуть прищурившись, Кристиан окинул девушку мрачным взглядом и в который раз за двухнедельную совместную поездку отметил, что она не отвела ясного взора от его лица и смотрела ему прямо в глаза, совсем не пугаясь, а на ее лице не отразилось ни ужаса, ни страха. И это было удивительно. Поскольку за многие годы эта Светлая девица была первой из женщин, которая не дрожала от жуткого озноба от его взгляда и могла спокойно выдерживать его пронзительный испепеляющий взор.

Пройдясь инквизиторским пронзительным взором по изящной фигурке всадницы, которая находилась по правую руку от него, фон Ремберг отметил, что после двухнедельной беспрерывной скачки и лишь кратких остановок на ночлег Слава выглядела довольно свежо и мило. Сейчас ее светло-золотистые волосы были собраны в длинную толстую косу и укрыты

темным капюшоном дорожного плаща. Ее лицо – прелестное, юное, с изысканными тонкими чертами, с красиво очерченными губами, прямым носом, а в особенности со светящимися ярко-золотыми янтарными глазами с поволокой – вызывало у Кристиана неподдельный интерес. Нет, красота девушки вовсе не трогала сердца молодого человека, ибо еще с юности он научился не испытывать никаких низменных, человеческих чувств и давно вытравил способность сопереживать из своего существа по велению наставника Лионеля. Кристиан знал, что все страстные чувства делают человека слабым и уязвимым, оттого уже давно он сделал свое существо холодным и безразличным к красоте, смерти, болезням и страданиям других. Однако в некоем потаенном уголке своей души, он должен был признать, что ему приятно смотреть на эту девицу. Она невольно представлялась ему неким изысканным произведением искусства, которое создал умелый художник, но не более того.

Все две недели, проведенные вместе, Кристиан ни на миг не выпускал девушку из виду. Даже на постоянных дворах, когда их разделяла лишь соседняя дверь комнаты, он отчетливо ощущал ее золотистую светлую ауру. Ежедневно вставая на рассвете, он тут же подходил к тонкой перегородке комнаты, проводил рукой по дереву, утверждаясь в нахождении девушки за стеной, так же, как и древнего алмаза, который лежал в ее суме. Даже намеком фон Ремберг не выказывал того, что знает, каким бесценным самоцветом она обладает, опасаясь того, что Слава может вновь заподозрить его в связях с Темными и попытается сбежать от него. А это не входило в планы молодого человека. Его целью было вызвать у девушки любовные чувства, с помощью которых он должен был вынудить ее отдать ему в дар бесценный кристалл Инглии. Он прекрасно знал, что красив, умен, статен. Теперь Светослава совсем не боялась его и открыто смотрела в глаза. Оттого Кристиан надеялся, что все получится так, как задумал Верховный. Он предвкушал, как уже в скором времени именно ему, фон Рембергу, удастся добыть и принести в дар древний алмаз темному повелителю.

Осадив своего жеребца во дворе особняка, молодой человек спешил и помог спуститься из седла Славе. Она вновь поблагодарила его и смущенно улыбнулась. Кристиан лишь немного приоткрыл рот, выдавливая из себя подобие улыбки, и холодно окинул ее взглядом. Однако девушка не поняла, что это умело сыгранная роль и улыбка на его лице лишь маска, и тут же, смутившись, опустила взор.

К ним подошел слуга и, увидев Славу, удивился:

– Светослава Романовна, это вы?

– Здравствуй, Прохор, братец дома? – спросила она.

– Конечно, барышня, проходите, прошу вас.

Девушка в сопровождении фон Ремберга, почтительно идущего чуть позади, прошла по широкому двору и приблизилась к двухэтажному каменному особняку. Как раз в этот момент на широкой лестнице дома появилась статная женская фигура. В красивом темно-синем платье из штофа на немецкий манер, с высокой прической дама сделала несколько шагов и невольно замерла. Узнав Славу, которая направлялась в ее сторону вместе со слугой, женщина проворно спустилась с лестницы и воскликнула:

– Слава! Как я рада!

– Доброго дня, Любаша, – ответила Слава, поравнявшись с Артемьевой.

Но в этот момент ее подруга увидела за девушкой высокую фигуру молодого человека и вмиг похолодела.

– Господин фон Ремберг? – выдохнула испуганно Любаша.

– Здравствуйтесь, сударыня, – отчеканил Кристиан, галантно поклонившись одной головой.

– Ох, простите. Добрый день, господин фон Ремберг, – как-то испуганно пролепетала Артемьева и ощутила, как от ледяного пронзительного взора прусака ей стало не по себе. Она

опустила глаза чуть ниже на серебряную пряжку, удерживающую плащ на широких плечах фон Ремберга, и заискивающе добавила: – Счастлива видеть и вас, сударь, у себя в доме.

Кристиан видел, что Артемьева не может смотреть ему в глаза.

– Слава, как ты очутилась в Москве? Что-то случилось? Где Мирослава Васильевна и Тихон Михайлович? – удивилась Любаша.

– Ох, Любаша, это долго рассказывать, – тихо ответила девушка и, покосившись на молодого человека, объяснила: – Господин фон Ремберг любезно помог мне добраться до Москвы и найти вас. Я очень благодарна ему.

– Извините, сударыни, у меня есть неотложные дела, – вдруг заметил Кристиан, видя, что Артемьева до крайности смущена, вообще не поднимает на него взора и вся дрожит.

Ее страх он отчетливо ощущал.

– Не будем вас задерживать, господин фон Ремберг, – облегченно выпалила Любаша и скользнула по его высокой фигуре взглядом.

Кристиан невольно отметил, что Слава смотрит на него каким-то трепетным взором, чисто и открыто, а на ее губках появилась кокетливая улыбка.

– От всего сердца благодарю вас, сударь, – произнесла она мелодичным голоском.

Кристиан поклонился одной головой и, проворно развернувшись на каблуках, быстро направился прочь. Но тут же, опомнившись, резко обернулся и громко осведомился:

– Могу я на днях навестить вас, Светослава Романовна? И справиться о вашем здравии?

Славе показалось, что индиговый взгляд молодого человека пронзил ее насквозь, и она смущенно сказала:

– Я думаю, да. Если ты, Любаша, будешь не против?

Девушка обратила взор на подругу. Артемьева, как-то испуганно засуетившись и понимая, что не может отказать этому человеку, хотя и жаждала этого всей душой, вымолвила:

– Как вам будет угодно, господин фон Ремберг.

– Тогда до свидания, сударыни, – вежливо отчеканил молодой человек и уже через миг стремительно направился к воротам.

Через минуту Слава и Любаша услышали громкий стук копыт его жеребца. Только после этого Артемьева, наконец перестав дрожать, облегченно выдохнула и, обернувшись к подруге, пролепетала:

– Слава, какой ужас! Как ты умудрилась повстречаться с этим жутким человеком?!

– Он спас меня. И помог мне добраться до Москвы.

– Но это же фон Ремберг!

– И что такого? Он вполне приятный молодой человек.

– Приятный?! – опешила Любаша. – Да один его взор леденит кровь, милая! Я до сих пор ощущаю мурашки на своей коже. И сколько времени ты ехала в его компании?

– С самой Астрахани.

– Ужас! Не приведи Господи!

– Не понимаю я, Любаша, о чем ты говоришь? Господин фон Ремберг молод, хорош собой и очень вежлив. Эту кобылу, что нынче стоит у ворот, он купил мне на постоялом дворе и вообще всю дорогу опекал меня, кормил и, – Слава чуть запнулась и, нахмурившись, вымолвила: – Ох, как неудобно, я же хотела попросить Семена, чтобы он рассчитался с ним по всем моим расходам. Ведь господин Кристиан не обязан был заботиться обо мне и тратить деньги.

– Я скажу Семену. Но думаю, он тоже будет в ужасе от того, с кем ты путешествовала от самой Астрахани. И вообще я не пойму, как Тихон Михайлович отпустил тебя с этим человеком сюда?

– Тихон Михайлович погиб три недели назад. А матушка умерла спустя два дня после того...

– Боже, что ты говоришь, милая! Пойдем в дом, ты мне все расскажешь...

Санкт-Петербургская губерния, 1717 год
(Московская Тартария, 7225 лето С.М.З.Х)
кирха св.Марии, Август, 31

Постучав железным кольцом в деревянную облезлую дверь, Кристиан замер, ощущая, как за дверью появились две темные ауры болотного и серого цвета. Внутренним чутьем фон Ремберг следил, как одна из аур приблизилась к двери. Уже через мгновение железное узкое окно на створке открылось, и человек выглянул на пустынную улицу, на которой ждал молодой человек. Едва различив высокий широкоплечий силуэт, монах засуетился и стремительно распахнул дверь.

– Прошу вас, мессир, – поклонился монах фон Рембергу и услужливо пропустил молодого человека внутрь церковной ограды католической церкви.

Быстро пройдя пустынный двор, Кристиан направился к мрачному собору и, обойдя его, спустился по каменным ступеням вниз к часовне. Отворив тяжелую дверь, он стремительно прошествовал по темному коридору, который опускался в подземелье и освещался лишь редкими факелами на стенах. Меряя шагами мокрые сырые камни пола подземелья, фон Ремберг думал о том, что очередной древний самоцвет, белый опал, он нашел всего за пять дней, и этот камень стал уже двадцать первым кристаллом Инглии, найденным им за последние пять лет. Все эти годы он, исполняя поручения Верховного, применял свои способности для прочтения древней книги Светлых, разыскивал места нахождения кристаллов и один за другим приносил их братьям Ордена Святого Креста.

Ему было всего двадцать семь лет, но Кристиану порой казалось, что он прожил долгую трудную многоликую жизнь. В свои годы он уже многое повидал, и его душа, казалось, уже познала все ужасы и лишения, которые сулила его беспокойная опасная кочевая жизнь. Он совсем не помнил своего детства. Первые воспоминания о себе начинались лишь с шестилетнего возраста, когда монах Лионель стал заниматься его воспитанием, вызволив его из какой-то жуткой сырой темницы с крысами, где Кристиан едва не погиб. Так рассказывал ему монах Лионель. Именно этот монах братства Святого Креста и стал наставником Кристиана. И он был единственным человеком, с которым мальчику позволялось общаться долгие годы.

Все свое отрочество Кристиан прожил в Кёнигсберге при тайном монастыре. Он воспитывался братом Лионелем, который обучал его тайному искусству ведения различного боя, многим наукам, гипнозу, магии и многочисленным языкам. Будучи изначально талантливым и трудолюбивым, Кристиан схватывал все навыки и умения прямо на лету. Он был изолирован от остальных братьев ордена и ему было запрещено общение с другими людьми. За малейшее желание просто приблизиться к другим монахам Лионель жестоко его наказывал, запирая на сутки без еды и питья в подвал, порою не гнушаясь и жесткими розгами, шрамы от которых до сих пор украшали спину молодого человека.

Кристиан повзрослел очень рано, в шесть лет. Именно с этого возраста к нему относились как к взрослому человеку и требовали от него беспрекословного исполнения правил ордена. Оттого фон Ремберг не помнил, каково, это быть ребенком. Ему было неизвестно, как могут баюкать любящие руки матери, и как это быть праздным и капризным. С самого раннего детства он жил в жестких суровых условиях, в одиночной маленькой комнатухе, спал урывками в холодном, неотапливаемом помещении даже зимой. Лишь стопка соломы служила для него кроватью. Благо в Кёнигсберге зимы были довольно теплыми. Питался Кристиан так же очень скудно. В основном его трапезу составляли сухой хлеб, сыр и вода. Правда, иногда его наставник Лионель давал мальчику курицу или небольшие пузатые сардельки, которые были главным лакомством. Лионель всегда твердил ему, что сильный непобедимый воин должен с детства

приучаться к суровым условиям жизни, чтобы потом в дальнейшем он мог выжить в любых условиях.

Все свое время Кристиан проводил в военных тренировках, за чтением книг или занятиями алхимией и магией под руководством брата Лионеля. Ночной сон мальчика был кратким, не более пяти часов. Иногда мальчику позволялось отдохнуть пару часов и днем, но это было редкостью, и обычно он должен был заслужить это. Брат Лионель пытался вырастить из Кристиана уникального нового воина, который был бы неуязвим, вынослив и не подвержен человеческим страстям. Как раз таким и вырос Кристиан. Мальчик мало спрашивал монаха и в основном только слушал его наставления и внимал. Лионель требовал, чтобы он не потакал своим желаниям и полностью искоренил в себе все чувства, присущие живому человеку. Лишь четыре основных качества приветствовал и поощрял в нем Лионель: стойкость, хладнокровие, упорство и смелость.

В восемнадцать лет, когда Кристиан достиг нужной ловкости во владении всеми видами оружия и фехтования, он умел стремительно концентрироваться и молниеносно принимать решения, владел обширными тайными знаниями магической науки, был вынослив и силен, никогда ничем не болел, мог читать по звездам, знал в совершенстве более дюжины языков, умел считывать ауру людей и чувствовать на расстоянии драгоценные камни и минералы, в которых была заключена тайная сила, Лионель представил юношу верховному жрецу ордена. Верховный остался доволен результатами и умениями Кристиана и разрешил юноше выйти из тени, называться своим полным именем и общаться с другими людьми. Брат Лионель открыл Кристиану, что он происходит из древнего дворянского германского рода фон Рембергов, и его отец умер от рук врагов.

Позже, в двадцать лет, когда Кристиан превратился в хладнокровного непобедимого воина, который беспрекословно исполнял волю Ордена и не раз доказал свою преданность их делу, он стал получать хорошие вознаграждения от Верховного жреца за искусно исполненные поручения. Золото появилось у фон Ремберга в достатке, и Кристиан даже прикупил в Кёнигсберге небольшой домик. Пройдя необходимое посвящение еще в восемнадцать лет, Кристиан с яростным рвением служил тайному Ордену Святого Креста. Он делал это не из-за денег, а из-за идеалистических соображений и идей, которые плотно сидели в его юной голове. Он считал, что его предназначение в том, чтобы служить Великому Повелителю, который обещал за его службу возвысить Орден Святого Креста и всех членов братства его до бескрайних высот власти, дабы они смогли тайно или явно управлять всем миром.

В двадцать один год, по наставлению Верховного, фон Ремберг поступил на службу к прусскому королю и приобрел свое собственное поместье в Берлине. Однако его тайное служение ордену не прекращалось. Именно это и было главным условием Верховного верховного жреца. Фон Ремберг должен был вести светскую жизнь, как и все прусские дворяне, и войти в высшие круги знати. Но при этом главной его целью было выполнение тайных заданий и поручений ордена. В настоящее время его услугами жрецы пользовались лишь в самых ответственных случаях.

Кристиан не имел врагов. Его опасная репутация и ледяной взгляд пугали людей уже при первой встрече. Смерти он не боялся вовсе, а казнь мелких провинившихся перед орденом людишек, на которых ему указывал Верховный, не задевало его сердца. Лишь один раз, в семнадцать, когда ему впервые пришлось казнить одного из предателей братства, за которым он охотился почти месяц, Кристиан испытал некое чувство жалости и брезгливости. Но это было однажды, ибо раз за разом рука Кристиана наносила смертоносные удары уверенно и твердо, и молодой человек даже не сомневался в своей правоте, потому что знал, что очищает землю от ничтожных людей, которые погрязли в предательстве, лицемерии и воровстве. Он никогда никого не любил и не жалел.

Однако у фон Ремберга было одно железное правило. После того раза со Светлой девочкой, которую он едва не убил в лесу, Кристиан дал себе зарок, что никогда не будет убивать детей. Отчего-то в глубине своей темной бессердечной души Кристиан знал, что никогда не сможет причинить зло ребенку, так как у детей в большинстве своем была очень чистая светлая аура. И молодому человеку казалось несправедливым, чтобы эти светлые существа, которые в своей короткой жизни не совершили еще ничего плохого, должны были умирать только потому, что не угодны ордену. Этот свой принцип он озвучил перед Лионелем еще в семнадцать лет и так твердо, что брат Лионель, как-то мрачно улыбнувшись, согласился с юношей. Теперь фон Ремберг отчетливо понимал, отчего Лионель тогда не стал даже спорить с ним, его наставник смекнул, что дети беззащитны и вряд ли стоят того, чтобы на расправу с ними привлекать столь сильного воина, поскольку справиться с ними может любой другой брат ордена. Вскоре Верховный стал привлекать Кристиана для казни только самых отъявленных и опасных негодяев, имевших гнусное сердце, предателей ордена, аура которых была в чаще всего черной.

Оттого нынче, повстречав ту самую девицу, лучистые глаза которой он запомнил еще тогда в лесу, когда она исцелила его волка, он был искренне удивлен тем, что, дожив до своих восемнадцати лет, она сохранила свою ауру такой чистой и светло-золотистой. Это вызывало у молодого человека размышления о сущности Светославы, и Кристиан ощущал, что девица не так обычна, как другие люди. Ибо сохранить настолько светлой свою ауру было довольно непросто. Основная часть людей к этому возрасту уже успевали приобрести достаточно недостатков и грехов в своей душе. Кристиан подозревал, что виной тому был ее целительный дар. Ведь в той книге Светлых, которая была у них, в одной из тайных фраз, которую он расшифровал, как раз указывалось на то, что ведуны, ведьмы и волхвы могут очищать свою ауру, даря исцеление другим живым существам. Однако для этого должны были иметься определенные умения и знания, поскольку неверная отдача энергии грозила опустошением энергетических сил самого целителя и могла привести его к гибели.

Глава VI. Господин фон Ремберг

Москва, 1717 год, Сентябрь, 3.
(Московская Тартария, 7225 лето С.М.З.Х)
Никольская улица, дом Артемьева

В тот день Кристиан фон Ремберг приехал в дом Семена под вечер. Слава гуляла в саду, когда на аллее, усыпанной светлым камнем, появился молодой человек. Едва слышав твердые быстрые шаги позади, девушка обернулась и, узнав высокую поджарую фигуру Кристиана, остановилась, ощущая, как ее существо затрепетало. Он, как и обычно, был одет по европейской моде. Хотя его камзол и кюлоты были сшиты из дорогой ткани, но все же его наряд черного цвета, высокие ботфорты с простыми пряжками, треуголка без перьев и украшений, являли собой образец простоты и аскетизма.

Едва фон Ремберг приблизился к ней, Слава тепло улыбнулась ему.

– Вечер добрый, сударыня, – вежливо произнес Кристиан и, как и обычно, склонил лишь темно-русую голову в знак приветствия, стянув треуголку на пару секунд.

Фон Ремберг не носил парик, как требовала мода, и это весьма импонировало девушке. Его волосы, затянутые на затылке в хвост, были густы и прибраны волосок к волоску. Он протянул вперед руку. Она медленно подала ему ладонь и приветливо сказала:

– Здравствуйте, сударь. Мне приятно снова видеть вас.

Они говорили на русском, ведь молодой человек отлично изъяснялся на этом языке, немецкий же Слава знала плохо.

Кристиан проворно чмокнул дежурным поцелуем пальчики девушки и быстро выпустил ее руку. За последние две недели, что Слава жила у Семена в Москве, он уже дважды навещал ее у брата. Все эти встречи проходили между молодыми людьми в основном наедине. Ведь едва Кристиан фон Ремберг появлялся в доме Артемьева, как Любаша и Семен находили тысячу предлогов, чтобы ретироваться, избавившись от общества гостя. Оттого Кристиан и Слава оставались наедине на пару часов, и их беседам никто не мешал. Молодые люди говорили на общепринятые этикетом темы: немного о дворе царя Петра Алексеевича, об урожае, о моде или погоде. Но Славе хотелось расспросить Кристиана совсем о других вещах. Она жаждала лучше узнать о предпочтениях молодого человека, о его увлечениях, службе, желаниях и близких людях. Однако постоянно смущаясь под пристальным индиговым взором фон Ремберга, девушка не могла пересилить себя и задать волнующие ее вопросы.

Фон Ремберг был весьма приятен ей. Он красив, умен, воспитан. Держался хоть и холодно, но с врожденным достоинством. Он говорил кратко и по существу. Никогда не улыбался, но умело показывал девушке, что ему весьма интересны ее мнение и слова. Это нравилось Славе. И по прошествии месяца знакомства она утвердилась в мысли о том, что он весьма привлекательный мужчина и достойный уважения дворянин. И, конечно же, он не был чудовищем, как постоянно твердила Любаша, опасаясь пробыть в обществе молодого человека даже полчаса. Все эти испуганные заявления подруги казались Славе лишь домыслами, все же девушка искренне наслаждалась обществом фон Ремберга.

Лишь одно смущало Славу – темно-фиолетовая насыщенная аура Кристиана, которую она отчетливо видела. Девушка не понимала, как такой приятный галантный молодой человек может иметь в столь молодом возрасте такую темную энергетику. Тем не менее она старалась не придавать этому значения, видя, что в фиолетовом цвете его ауры присутствуют не только синие оттенки, но и красные. А красный цвет говорил о горячности и страстности натуры. Обычно такие люди, с красной энергетикой, избирали путь воинов, ораторов или лидеров, как знала Слава. И возможно, из-за того, что Кристиан фон Ремберг обладал военными навыками, ибо много лет служил в прусской армии, как он рассказал ей, многим людям он казался слишком агрессивным и опасным. Но этого Слава не опасалась. Общество молодого человека не вызывало у нее страха. И она считала его просто ярким и необычным человеком.

– Ваш брат сказал, где вас найти, – завел светский разговор фон Ремберг. – Вы позволите составить вам компанию?

– Да, – кивнула девушка и вновь улыбнулась ему.

Предложив прогуляться по дорожке, он удостоверился, что девушка идет подле него. Цензорским взором он окинул ее стройную фигурку в сером закрытом платье с глухим воротничком под горло, которое скрывало ее плечи, шею и руки. Ее голова была покрыта неким платком, похожим на апостольник, который носили православные монахини. Ниспадающий на ее плечи, этот головной убор полностью скрывал волосы и лоб. Лишь прелестное нежное лицо Славы открывалось взору. И Кристиан прекрасно видел, что даже в этом невзрачном мрачном одеянии ее красота сверкает подобно драгоценному камню. Ее глаза, лучистые, золотые, в обрамлении бархатных ресниц и бровей, красиво очерченные яркие губы и румянец на округлых щеках, невольно притягивали его взгляд. Следуя по дорожке сада, фон Ремберг с неким интересом рассматривал ее совершенный лик. Да, ее красота не трогала его безразличного сердца в этот миг, но Кристиан должен был признать, что это Светлая девица весьма редкостная красавица.

– В прошлый раз вы высказали сожаление, что ничего не знаете о своем брате Григории.

– Да. Я не могу написать Федору, оттого что... – замялась Слава.

Она не знала, как объяснить Кристиану, что дико боится вновь попасть под власть этого страшного человека, который мог узнать, где она теперь и вновь попытаться завладеть ею. Как-

никак еще в самый первый день по приезде она слезно упросила Семена даже в письмах к старшему Артемьеву не упоминать о том, что она находится в Москве.

– Не говорите ничего. Я все знаю и прекрасно понимаю вас, – вдруг вымолвил фон Ремберг.

– Знаете? – опешила она.

Не понимая, откуда молодой человек мог знать, что Федор насильно хотел взять ее замуж. Ведь именно из-за этой пагубной страсти Федора нынче Слава скрывалась под бесформенными платьями и глухими платками. Она боялась вновь вызвать своими прелестями страстные опасные помыслы у других мужчин, оттого и рядилась теперь подобно монахини.

– Да. Но не будем об этом, – предложил он. – Мне удалось узнать, что вашему брату Григорию удалось бежать от произвола Федора Артемьева. Правда, он болен. В данное время он находится в одном из земских общественных лазаретов в Казанской губернии. И идет на поправку. Возможно, вскоре ему удастся навестить вас. Если вам будет угодно, я могу передать ему письмо от вас. Мой человек на днях едет на юг страны и может отдать ваше послание Григорию.

– О, благодарю вас, господин фон Ремберг! Вы столь любезны, – пролепетала Слава, не понимая, как можно было плохо высказываться о таком внимательном и заботливом человеке, как Кристиан. Она вновь улыбнулась ему и добавила: – Я непременно напишу Грише. Но как передать вам письмо?

– В субботу я буду у вас.

– Хорошо, – кивнула девушка. В этот момент она приблизилась к деревянной резной скамье, и Слава предложила: – Вы не хотели бы присесть?

– Как вам будет угодно.

Они опустили на скамью, и Слава, чуть помолчав, решила задать вопрос, который мучил ее на протяжении месячного знакомства с молодым человеком.

– Сударь, я боюсь показаться неучливой, но уже давно жажду узнать о вас больше.

– Что же вы хотите знать? – спросил Кристиан, подняв брови.

– Откуда вы родом и давно ли живете в нашей стране?

– Вам это интересно? – искренне удивился он, а в его голове появилась мысль о том, что девушка явно увлеклась им, если не сказать больше, раз теперь решила расспрашивать об этом. – Я родился в Пруссии, в Кёнигсберге. Мои родители рано умерли. Я воспитывался в приюте для осиротевших дворян. Один монах занимался моим воспитанием и образованием. Как раз он научил меня русскому, французскому, английскому и другим языкам. Затем я получил хорошую военную должность и немного служил в армии, – соврал Кристиан, говоря правду лишь частями. – Позже мне предложили должность при прусском поселе в Петербурге, и я приехал в Россию. Чуть более двух лет я живу в вашей стране. Вот и краткий рассказ о моей жизни.

– А ваши родители, вы помните их?

– Нет. Совсем не помню. Монах, который воспитывал меня, рассказывал, что я долго болел, и это повлияло на мою память, оттого я вовсе не помню своего детства.

– Это очень печальная история, – произнесла Слава тихо, участливо смотря в глаза молодого человека.

Кристиан прищурился и в который раз отметил, что девушка смотрит на него открыто и совершенно без боязни, прямо в глаза.

– Отчего же, майн херц? – пожал он безразлично плечами, добавив к словам ласковое словосочетание «майн херц», которое по-немецки означало «мое сердечко». – В наши времена дети часто остаются сиротами. Насколько я знаю, ваш отец также умер довольно молодым.

– Да, это так, – согласилась она. – Но до сих пор мне так не хватает его.

– Потому что вы помните его, – объяснил фон Ремберг и вдруг, пытливо глядя прямо в золотистые очи девушки, сказал: – Я хотел спросить вас об одной вещи. Это, знаете ли, весьма интересует меня.

– Спрашивайте, господин Кристиан, – кивнула Слава и улыбнулась ему.

– В эти мгновения вы смотрите мне прямо в глаза, без боязни и даже не пытаетесь отвести взор. И это странно...

– А я должна бояться вас, сударь? – удивилась Слава.

– Женщины в основном опасаются меня. И я знаю, что мой взгляд вызывает у них ужас.

– Может быть, оттого что вы мало улыбаетесь и так строги к себе, женщины боятся вас? – вымолвила Слава тихо, пытаясь разгадать эту тайну.

– А вы? Я хочу знать, отчего вы вообще не боитесь меня? Разве я не кажусь вам опасным или неприятным?

– Всего нет, – ответила она искренне. – Я нахожу вас весьма интересным и приятным, – добавила она, опуская взор.

И фон Ремберг невольно отметил ее смущение. В его сознание вползала мысль о том, что девица, возможно, уже влюбилась в него, раз начала говорить ему подобное. Это осознание убедило Кристиана в том, что он прекрасно играет свою роль соблазнителя и идет по верному пути. Воодушевленный своими выводами, молодой человек наигранно с чувством произнес:

– Еще в прошлый свой визит я хотел сказать вам, Светослава Романовна... Вы прелестная девушка. И для своих лет весьма образованы. Это нравится мне.

– Благодарю. Вы слишком добры ко мне, – пролепетала Слава, ее щеки заалели, и она бросила на него кокетливый быстрый взор.

– Я смутил вас? – спросил фон Ремберг. – Вы уже пару минут не поднимаете взор на меня. Но вы не должны бояться. Я ваш друг и хочу лишь быть подле вас, – закончил он заранее заготовленной фразой, которую вычитал в одном из романов накануне. Он знал, что такие слюнявые фразы весьма нравятся девушкам и действительно оказался прав. Потому что в следующий миг Слава как-то вся занервничала и начала кусать губы. Желая до конца выиграть эту битву за расположение девушки, Кристиан добавил: – Я могу поговорить с вашим братом о нас?

Стремительно подняв на его растерянный взор, Слава отметила, что лицо молодого человека спокойно. Ей показалось, что он говорит искренне. Но по своей наивности она не заметила ледяного блеска, который светился в глубине ярких фиолетовых глаз фон Ремберга. Ее сердце забилося, как безумное, и Слава ощутила, что ей приятны его слова. Она прекрасно поняла его намек – он намеревался ухаживать за нею. Эти мысли до головокружения понравились девушке, так как она жаждала, чтобы молодой человек и дальше продолжал проявлять свои чувства к ней. Все взоры, слова и жесты Кристиана вызывали у нее искреннее любование и сильное ответное чувство. Она хотела, чтобы он стал ее суженым, ибо лучшего мужа и возлюбленного в этот миг не могла себе вообразить.

– Как вам будет угодно, господин фон Ремберг, – пролепетала она и проворно вскочила на ноги. Молодой человек так же быстро поднялся, и Слава смущенно выпалила: – Простите, я должна немедля идти в дом. Я забыла об одном важном деле. Была рада увидеться с вами...

Опасаясь показаться смешной от своего невероятного волнения, Слава, даже боясь смотреть в сторону фон Ремберга, почти бегом бросилась вдоль по аллее в сторону дома.

Кристиан проводил стройную фигурку девушки мрачным пронзительным взором, пока она не исчезала за поворотом, и довольно прищурился, подумав о том, что все складывается как нельзя лучше. В данный миг оставалось только переговорить с Семеном Артемьевым и назначить как можно скорее день венчания. Ведь в положительном ответе Артемьева фон Ремберг даже не сомневался. Поскольку Семен никогда бы не посмел возражать ему, и Кристиан прекрасно об этом знал.

Глава VII. Страх

Фон Ремберг не заставил долго ожидать своего предложения. Уже на следующий день Семен, едва вернувшись со службы, разыскал Славу в библиотеке. Девушка в этот миг изучала старинную книгу, написанную неким иностранным мореплавателем. Закрыв плотнее дверь, Артемьев приблизился к столу, за которым сидела Слава, и глухо выпалил:

– Сегодня Кристиан фон Ремберг просил у меня твоей руки.

Быстро подняв глаза на названного брата, девушка удивленно спросила:

– Неужели?

– Да, – кивнул напряженно Семен.

И Слава, тут же смутившись, опустила взор, и ее щеки зарделись.

– Я уж не знаю, что он в тебе нашел, сестрица, – продолжал молодой человек. – Но настроен он весьма решительно.

– По-твоему, я не могу нравиться ему? – опешила от слов Семена девушка.

– Да нет, ты неверно поняла меня, Слава, – нервно произнес Артемьев, вытирая пот со лба. – Я не так выразился. Знаешь ли, после разговора с этим господином у меня до сих пор мурашки по коже и так и кидает в холодный пот. Я прекрасно вижу – ты красавица и вовсе не умаляю и других твоих достоинств. Но я не приложу ума, чем ты могла заинтересовать этого жуткого и опасного человека.

– Ты так говоришь, Семен, словно повторяешь слова Любаши. Мне господин фон Ремберг не кажется каким-то жутким, как вы твердите о нем.

– Правда? – искренне удивился Семен. И, лихорадочно посмотрев на нее, выпалил: – Клянусь, я просто не понимаю, зачем ты ему? Все-таки он живет отшельником в своем доме, о нем толком никому ничего не известно, да и женщин он, похоже, не любит. Он несколько лет находится при дворе Петра Алексеевича, при прусском дворе, но ни разу никто не слышал, чтобы у него с какой-то из придворных дам был роман. И отчего теперь он вдруг решил сделать тебе предложение? И так скоропалительно. Я не знаю. Да вообще никто не знает, что у этого фон Ремберга на уме. Он тайна, покрытая мраком, которую никто не может разгадать, да и не хочет, потому что все опасаются связываться с ним.

– Не надобно, Семен. Ты опять озвучиваешь какие-то досужие сплетни. Господин фон Ремберг совершенно не такой, каким кажется всем. Он весьма галантный, умный и образованный молодой человек. И я не считаю его жутким и опасным.

– Да? – опешил Семен и быстро спросил: – Тогда ты согласна выйти за него замуж, сестрица?

– Я пока не знаю, – замялась Слава, поджав губы.

– Слава, я не хотел тебе говорить. Но ты должна понимать одно. Я уже дал свое согласие, и мы обговорили с фон Рембергом день венчания.

– Ты дал согласие, даже не спросив меня? – удивилась Слава.

У Семена нервно задергалось лицо. Он испуганно посмотрел на девушку и прохрипел:

– Сестрица, пойми, я не мог отказать ему! Не мог, – он чуть помолчал и тихо добавил: – За фон Рембергом стоят очень влиятельные люди. Я у них в руках. Если я посмею ослушаться их и отказать в этой просьбе фон Рембергу, они, не раздумывая, разделаются со мной...

– Наверняка ты преувеличиваешь, Семен, – нахмурилась девушка.

– Я люблю тебя, Слава, но у меня нет другого выхода! Ты хочешь плохого мне и Любаше? Фон Ремберг так просто не отступится от своего, пойми!

Девушка ощутила страх брата, его глаза бегали, как у больного. Ранее она не предполагала, что храбрый смелый Семен может кого-нибудь бояться. И только сейчас впервые она видела его взгляд, полный ужаса.

– Но моя матушка хотела, чтобы я уехала в Архангельск. Я уже говорила тебе о том, и ты обещал мне помочь...

– Я всего лишь их слуга! – воскликнул вдруг Артемьев глухим дрожащим голосом и пронзительно посмотрел на девушку. – Сжался! Я прошу тебя! Хочешь, я на колени перед тобой встану! Только не губи...

Слава долго пронзительно смотрела на названного брата, размышляя, говорит ли он искренне. Вдруг Семен, не выдержав напряжения, бухнулся на колени. Она, испугавшись его странных порывов, вскочила на ноги и, выйдя из-за стола, ухватила его за камзол, пытаясь поднять с колен.

– Что ты, Семен! Встань, не нужно так... – прошептала взволнованно она. Семен медленно поднялся, и девушка, озабоченно заглядывая в его добрые глаза, произнесла: – Я подумаю над предложением господина фон Ремберга. Но пока ничего тебе обещать не могу.

Слава вдруг ощутила, что ее жизнь подчинена какому странному непонятному действию. Оно началось еще в день свадьбы Семена и Любаши, и ее существование с каждым днем становилось все непонятнее и непредсказуемее. Как будто она исполняла какую-то странную роль в непонятной пьесе, которую совсем не знала и не могла предсказать ее дальнейшее развитие. Но все эти непонятые и порой необъяснимые обстоятельства приводили все ее мысли и чувства в смятение. Пытаясь сгладить некий мрачный трагизм теперешней ситуации, девушка спросила:

– Но господин фон Ремберг католик, как же я должна с ним венчаться?

– Он готов перейти в нашу веру.

– Так просто? – опешила окончательно Слава.

Ей вдруг подумалось, что, возможно, Кристиан так увлекся ею, что готов был пойти на любые жертвы и уступки, только бы сделать ее своей женой. Это осознание невероятно понравилось девушке, и она ощутила, как забилося сердце. Но невольно она вспомнила о том, что матушка жаждала отправить ее в Архангельск и перед смертью велела ей ехать туда. Но мысли о том, что фон Ремберг просит ее руки и наверняка любит ее, трепетным осознанием звенели в ее существе.

Кристиан нравился ей своим спокойствием, начитанностью, приятным обхождением. Да и внешность его была до того привлекательна и эффектна, что Слава, еще невероятно наивная и неопытная, ощущала, что ее сердце вот-вот готово полюбить молодого человека со всем пылом и надолго. Он казался ей весьма достойным и благородным человеком. Все же именно он помог ей уехать из Астрахани, когда у нее не было денег и ей некому было помочь. Он оплатил все расходы, а затем не взял ни копейки у Семена. А после приезда в Москву фон Ремберг постоянно навещал ее и интересовался здоровьем, делами, и вообще, вел с ней вполне милые интересные беседы, и девушке казалось, что он искренне хотел ей понравиться. Но в ее душе занозой сидело повеление матушки о том, что она должна ехать в Архангельск. Ее душа рвалась к фон Рембергу, а разум требовал от нее выполнить волю покойной матушки. И сейчас Слава была в растерянности и не знала, что ей делать.

– Братец, мне надобно подумать несколько недель, – тихо вымолвила Слава.

– Это слишком долго, Слава, – насупился Артемьев. – Фон Ремберг намерен обвенчаться с тобой в конце сентября.

– Семен, ты давишь на меня. Я прошу, дай мне время...

– Ну, хорошо, сестрица, даю тебе пару дней. Но помни, что венчание уже назначено, и отказать фон Рембергу я не смогу. Ибо это свыше моих сил.

– Я могу сама отказать ему, коли так решу, – ответила твердо она.

– Боже тебя упаси! – в благоговейном ужасе выпалил Семен. – Ты не представляешь, что тогда будет!

– Хватит, Семен. Я уже устала слушать о твоих страхах. Я сказала, что подумаю, и мне нужно время.

Слава не в силах более видеть нервное лицо Семена, глаза которого выражали дикий ужас, проворно вышла из библиотеки.

Светало. Слава, промучившись очередную ночь в раздумьях, едва пропели первые петухи, вышла на улицу. Уже два дня она денно и ночью размышляла, что ей делать дальше. За эти дни девушка поняла, что влюблена в Кристиана фон Ремберга и действительно хочет выйти за него замуж. Она с упоением представляла, как будет называться госпожой фон Ремберг, как будет все дни проводить в компании Кристиана, наслаждаясь его ласками и поцелуями. В голове девушки замужество представлялось неким радужным приятным временем, в котором все было по любви. Точно так жили ее родители, а затем и матушка с Тихоном Михайловичем не чаяли души друг в друге. Но все же наставление покойной матери терзало ее существо, и в глубине души Слава чувствовала, что обязана выполнить волю Мирославы.

Пройдя по пустынному спящему двору, Слава проворно миновала невзрачную боковую калитку и устремилась в сторону небольшой рощи, простирающуюся неподалеку от городских стен. Лесные друзья деревья, кустарники цветы и травы, всегда успокаивали существо девушки, даря покой и мир ее душе. Было прохладно, а туман стелился по земле. В какой-то момент Слава увидела впереди себя очертания женского силуэта. Девушка остановилась и отметила, что женщина идет ей навстречу. Туман еще полностью скрывал облик незнакомки, но уже через миг Слава испуганно замерла. Женщина была одета в светлый летник, именно такой, который перед смертью был на Мирославе.

– Матушка?! – вскричала она. – Это вы?

– Я, доченька, – услышала она в ответ приглушенный голос.

Мира приблизилась, и ее облик показался девушке точно таким, каким она видела его в последний раз.

– Матушка! Как чудесно увидеть вас! – воскликнула Слава и устремилась к молодой женщине, но при ее приближении Мира неожиданно вытянула руку вперед и выдохнула:

– Не надобно, малышка. Я все равно не смогу обнять тебя... я дух...

Слава тут же остановилась и устремила свой пронзительный взор на матушку, которая казалась живой. Лишь очертания ее фигуры виделись чуть размытыми, и она стояла как бы в тумане. Она опустила плечи и тихо понятиливо вымолвила:

– Да, я понимаю, матушка. Но все равно очень рада, что вы пришли ко мне.

– Я увидела твои терзания, девочка моя, – прошептала Мира. – И пришла, чтобы указать тебе путь...

– Нынче вы вместе с отцом в Светлом Граде? – не удержалась от вопроса Слава, вспоминая слова явившегося ей некогда отца.

– Да, милая, – произнесла глухо Мира и добавила: – Скоро я пойду туда вновь.

– А Тихон Михайлович? Он с вами?

– Я не знаю, малышка, – заметила Мира, без эмоций. – Скорее всего, он со своей первой женой Фотиньей. У него все хорошо, и его душа наконец обрела покой...

– Вы хотите помочь мне? – спросила Слава.

– Да. Я пришла сказать тебе... ты должна выйти замуж за господина фон Ремберга, – велела твердо Мирослава.

– За Кристиана, матушка? – переспросила девушка.

– Да, – добавила Мира. – Именно этот молодой человек должен стать твоим суженым. Я велю тебе стать женой фон Ремберга...

– Но как же, матушка? – неуверенно пролепетала Слава, опешив от слов матери. – Вы же велели мне следовать в Архангельск?

– Это подождет... – произнесла Мирослава глухо, словно через силу. – После ты сможешь поехать туда... но гораздо позже...

Туман начал стелиться сильнее, силуэт матери стал удаляться. И уже через миг душа Миры исчезла в предрассветной мгле. Девушка бросилась вслед за нею, но ничего более не увидела.

– Матушка! – прокричала в туман Слава, но ей лишь ответил тихий ветер, который трепал кроны высоких деревьев.

Кристиан настойчивым мрачным взглядом проследил за стройным силуэтом девушки, которая медленно направилась в сторону усадьбы, и невольно услышал приглушенный мелодичный женский голос сбоку от себя:

– Отпусти меня... – голос чуть прервался, и фон Ремберг резко повернул голову к прозрачной розоватой душе Мирославы, которая стояла в пяти шагах от него. Она глухо добавила: – Я сказала все, как ты велел...

– Ты сделала все верно, – кивнул Кристиан, положив свою ладонь на перстень-амулет с темным изумрудом на безымянном пальце.

От амулета тянулась длинная невидимая энергетическая цепь к душе Мирославы, которая оканчивалась на ее руке. Еще в тот день, когда молодая женщина умерла, в полутемном коридоре Кристиан дождался, пока Артемьев с девушкой уйдут, и вышел из мрака. Быстро приблизившись к душе Миры, которая стояла сбоку от тела и не решалась отойти от себя покойной, фон Ремберг, сосредоточившись, накинул энергетическую невидимую петлю на руку души Мирославы. Он никогда не делал ничего подобного, и это был первый его опыт. Магический перстень с изумрудом был у него уже несколько лет, и Кристиан в древней книге Светлых вычитал, что древний кристалл может управлять душами умерших. Фон Ремберг не знал, как это делать, но, проштудировав несколько десятков книг по магии и алхимии, написанных на разных языках, сложил в своей голове некий порядок действий, которые следовало подкрепить сильным энергетическим влиянием, и тогда ему, возможно, удалось бы поймать душу некоего умершего.

Именно это и задумал осуществить Кристиан с душой Мирославы, думая о том, что эта душа может еще пригодиться ему в дальнейшем. И когда невидимая петля сцепила руку Мирославы, и ее душа, испуганно обернувшись, начала вырваться, отлетая от него, а энергетическая цепь, которая оканчивалась на его запястье с амулетом, натянулась и не позволила отдалиться душе женщины, фон Ремберг довольно оскалился, понимая, что сделал все верно и смог впервые поймать умершую душу.

Позже, не обращая внимания на стенания и мольбы Мирославы, которые он отчетливо мог слышать, фон Ремберг привязал изумрудный перстень-амулет на лапу своего верного волка, заявив ее душе, что пока Мира будет находиться у него в плену. Более месяца душа Мирославы томилась в оковах на земле, и он не отпускал ее на тот свет. И теперь, понимая, что Слава никак не может решиться выйти за него замуж, Кристиан вознамерился прибегнуть к коварному плану. Он велел Мирославе сказать девушке, что было нужно ему, взамен пообещав отпустить ее душу. А дабы девушка не заметила энергетическую цепь, которую она могла, как ведунья, увидеть, он напустил тумана на дорогу, чтобы скрыть оковы Миры.

– Отпусти меня, – вновь повторила с мольбой Мира.

– Ты выполнила уговор, я держу слово, – вымолвил сухо Кристиан, проводя ладонью по амулету с изумрудом, и невидимая цепь исчезла. Мира тут же воспарила в воздух и устремилась ввысь, на расстояние безопасное, чтобы ее вновь не поймали. – Мирослава! – окликнул ее фон Ремберг уже внутренним голосом. Она остановилась и обернулась к нему. – Я буду рядом с твоей дочерью постоянно. Оттого не советую тебе возвращаться и говорить ей что-либо, иначе твой капкан на земле будет вечным. И ты знаешь, что я могу это сделать...

Глава VIII. Брачный обет

Москва, церковь св. Троицы,
1717 год, (7225 лето С.М.З.Х)
Сентябрь, 25.

Церковь Святой Троицы, расположенная на западной окраине города, построенная еще в прошлом веке, была деревянной, с позолоченными куполами и высокой колокольней. Под руку с Семеном Слава, одетая в светло-голубое свободное платье, кружевную плотную вуаль, скрывающую полностью ее голову и лицо, вошла под своды храма. Боковые пределы церкви были пустынно. Церковный мрак и тишина наполняли ее стены.

Сегодня жизнь Славы менялась коренным образом, ибо отныне ее судьба навсегда была связана с Кристианом фон Рембергом. Будущее не страшило ее, а ее существом владело нетерпение. С Артемьевым девушка прошла до красной выстланной дорожки, где ее ждал жених. Невольно подняв голову, девушка через кружевную светлую вуаль окинула взором высокую фигуру Кристиана. Он был гладко выбрит и одет по последней моде в темный бархатный камзол, кюлоты того же цвета, белую шелковую рубашку и высокие ботфорты и являл собой изысканный образчик интересного молодого мужчины. Он имел исключительно выигрышную фактуру – мощное и гармоничное атлетическое телосложение, мускулистые руки и ноги, красивое, мужественное лицо с ярко выраженными волевыми чертами и дерзким, цепким взглядом. Волосы его, темно-русые, собранные сзади в хвост, открывали бледное лицо с плотно сжатыми, словно лезвие, губами. Ведь его облик показался девушке невероятно притягательным. Оттого при приближении к жениху Слава чуть смутилась и опустила голову, пытаясь успокоить свое гулко стучащее сердце.

Фон Ремберг подал ей руку, и они вдвоем прошли до анаоя, где молодых уже ждал священник.

Стоя перед закрытыми воротами алтаря, Кристиан обернулся и окатил холодным взором свою невесту. С ног до головы она была закутана в голубую ткань, а ее лицо закрывала кружевная фата. Он чуть повел углом рта, ехидно поморщившись.

– Слава тебе, Боже наш, слава тебе... – поп начал службу, пропев первый псалом.

Невольно переведя взгляд на иконы алтаря впереди, фон Ремберг немигающим взором смотрел перед собой и лишь изредка подергивал уголком рта, с каким-то цинизмом и насмешкой, но этого никто не видел. Рассматривая образы святых в серебряных окладах, молодой человек ощущал нетерпение хищника, настигшего свою жертву. Священник все читал и читал молитвы. Невеста стояла рядом с ним и не шевелилась. Кристиан в очередной раз искоса кинул взгляд на ее изящную фигурку среднего роста. Она показалась ему застывшей статуей. Единственная мысль кружилась в его голове – забрать у нее древний алмаз как можно скорее.

– Отныне, вы муж и жена, во веки веков. Аминь, – как будто издалека он услышал последние слова священника:

Фон Ремберг мотнул головой и медленно повернулся к девушке. Подняв голову, она смотрела на него чистым и трепетным взором.

– Сударыня, – обратился Кристиан к молодой жене, протягивая ей руку.

Слава вздрогнула от его низкого хриплого баритона. Она знала, что сейчас положено поцеловать невесту. И ее сердце забилося быстрее, предчувствуя желанный поцелуй от молодого человека. Но фон Ремберг упорно протягивал ей руку, видимо, совсем не собираясь целовать. Услышав за спиной удивленные приглушенные возгласы немногочисленных приглашенных, она поджала губы и быстро вложила свою ладонь, затянутую в голубую кружевную перчатку, в широкую руку фон Ремберга.

Кристиан задержал взгляд на кисти девушки и отметил, что ее рука изящна и мала. Однако эта мысль сразу же покинула его голову, и он, едва касаясь пальцев жены, повел ее к выходу из церкви. Они вышли на паперть. Их ожидала карета, к которой фон Ремберг подвел жену и помог ей сесть. Захлопнув дверцу, Кристиан обернулся к подошедшему к нему Семену.

Слава увидела в окно, что Любаша по велению мужа осталась стоять на паперти. А Артемьев, затравленно выдавив из себя неискреннюю улыбку, угодливо поклонился Кристиану.

– Вы исполнили свой долг, – услышала Слава ледяные слова новоиспеченного мужа.

Семен вновь поклонился, но фон Ремберг уже отвернулся от него. Девушка в этот миг заметила взгляд Кристиана и напряглась, так как взор молодого человека показался ей на удивление страшным, а выражение его лица сделалось злым, извращая его облик и делая его до крайности некрасивым. Муж быстро отвернулся от нее и, ловко вскочив в седло, сделал знак своим людям. Карета тронулась, и Слава печально отметила, что Кристиан не горит желанием общаться с ней, ибо даже не сел рядом.

Спустя час экипаж выехал за границы Москвы, следуя в сторону северной столицы России. Именно там находилось поместье фон Ремберга, как знала девушка. Ведь оставшийся день изнурительной дороги Слава ехала одна в карете. Она не видела ни всадников, ни мужа, которые сопровождали экипаж. Лишь звонкий мощный лошадиный топот позади напоминал ей, что неподалеку еще есть люди. Вечером они остановились на одном из постоянных дворов. Кристиан сопровождал ее в отведенную ей комнату и, пожелав покойной ночи, стремительно ушел. Около восьми вечера хозяйка трактира принесла ей ужин и заявила, что заберет грязную посуду поутру. Весь оставшийся вечер Светослава напряженно ожидала появления в ее комнате молодого человека. Она нетерпеливо ходила от окна к кровати, так и не раздеваясь, сняв лишь перчатки. В комнате стоял холод, поскольку камин не был затоплен.

Солнце давно село, но фон Ремберг так и не появился. Девушка в нерешительности подошла к окну, не зная, что ей теперь делать. Она невольно вспомнила недавнюю свадьбу Семена и сравнила ее со своей. Свадьба брата была веселой, шумной и многолюдной. А ее собственная скорее походила на похороны. Церковное венчание, длинная утомительная дорога и пустынная комната в придорожном трактире. Ни гостей, ни застоля, ни поздравлений, похоже, не предполагалось.

Уже за полночь, печально вздыхая, она сняла с головы плотную вуаль, подошла к кровати и осторожно положила кружево на белое покрывало. Раздевшись сама, она легла в постель, не понимая поведения мужа. На удивление, она быстро заснула, думая о том, что ее молодой супруг так и не пришел к ней.

Наутро через ту же хозяйку трактира фон Ремберг передал ей устное послание о том, что он ожидает жену в восемь на улице. Слава вновь облачилась в свое светло-голубое платье и, захватив с собой небольшую сумочку, которую брала в комнату, вышла к назначенному сроку на улицу. По дороге они остановились на обед в одном из трактиров, и во время трапезы фон Ремберг сказал своей жене лишь пару фраз.

Только поздно вечером второго дня их мрачная кавалькада достигла пригородов Санкт-Петербурга. Обогнув столицу по северной дороге, они въехали в усадьбу фон Ремберга, направляясь по центральной аллее к помпезному мрачному двухэтажному особняку. Карета, подъехав к невысокому каменному крыльцу, остановилась, и девушка с любопытством начала через окно разглядывать новое место своего обитания. Неожиданно у окна кареты появился Кристиан и, быстро отворив дверцу, подал ей руку. Слава торопливо вышла из кареты, поблагодарив его. Фон Ремберг, неизменный в своем темном одеянии, направился к дому, невольно следя за девушкой, которая следовала за ним.

Едва они приблизились к крыльцу, как из высоких входных дверей к ним навстречу выплыла сухая высокая женщина средних лет с неприятным лицом. Одета в коричневое

невзрачное платье с чепцом на голове экономка подозрительно прошлась взглядом по стройной фигурке девушки в голубом закрытом наряде.

– Господин Кристиан! – вымолвила женщина по-немецки, чуть наклонив голову в знак приветствия. – Мы ждали вас только к зиме. Вы вернулись так скоро.

Кристиан проигнорировал слова экономки и холодно произнес на русском:

– Ядвига, это моя жена.

– Добрый день, – приветливо сказала Слава по-русски, оправляя вуаль на голове, которая была откинута назад.

– Ваша жена, господин? – опешила экономка, и на ее лице отразилось крайнее удивление.

Однако через миг Ядвига взяла себя в руки и холодно на ломаном русском проворчала: – Добро пожаловать в усадьбу, госпожа.

Экономка посторонилась, пропуская молодых людей внутрь.

– Ядвига, проводи госпожу Светославу в спальню, – распорядился Кристиан.

– В вашу спальню? – осведомилась Ядвига вновь по-немецки.

– В спальню для гостей, – пояснил фон Ремберг.

Он быстро развернулся и вновь вышел наружу. Ядвига, казалось, вовсе не удивилась словам хозяина и, как-то недовольно поглядывая на Славу, осведомилась:

– Ваши вещи в карете, госпожа?

– Да, – ответила Слава.

– Следуйте за мной, госпожа, – произнесла без эмоций экономка. – Позже Потап принесет ваши вещи.

Осторожно ступая по резной широкой деревянной лестнице из темного дерева, Слава озиралась по сторонам. Богатство и роскошь царили повсюду. Гобелены, изображающие диковинные сцены охоты, деревянные резные панели, мраморные вазы служили украшением внутреннего убранства особняка.

Слава потянулась и подняла усталые веки. Комната, озаренная ярким утренним светом, вся сияла. Утро настало неожиданно, и девушка, тяжело вздохнув, села на постели. Всю предыдущую ночь она не сомкнула глаз, ожидая, что Кристиан фон Ремберг придет в ее спальню. Но он вновь не появился, как и в предыдущую ночь на постоялом дворе. Только под утро тревожный сон пришел к ней, а мрачные образы во сне терзали ее существо.

Спустив ноги с высокой кровати, она оглядела просторную комнату, стены и интерьер которой были выдержаны в бледно-лиловых и голубых тонах. Вчера вечером в полумраке она почти не разглядела убранство спальни, ибо единственная горящая свеча едва освещала большое пространство. Сегодня же утренние лучи золотили переливающимся светом спальню. Удивленно раскрыв глаза, девушка начала осматриваться вокруг. Роскошные бархатные портьеры, ажурный столик у окна в стиле барокко, светлый мягкий ковер на полу и картины в позолоченных рамах с обнаженными нимфами и фавнами, шелковые обои и гобелены – все показалось Славе необычным и удивительным. Встав с кровати, Слава в ночной сорочке прошлась по комнате, восхищенно прикасаясь к шелковым тканям, в которые были затянуты кресла, стены и маленькие пуфики.

Приблизившись к кувшину с водой и большой миске, она проворно умылась. Раскрыв свой немногочисленный багаж, который так и стоял в углу комнаты, девушка достала темное закрытое до горла платье из плотного сукна и облачилась в него. Она не носила ни фижмы, ни корсет, как того требовала мода, и ее платье простым стройным фасоном скорее напоминало облачение монахини, чем светской дамы. Затем она взяла серого оттенка шапочку-косынку, наподобие монашеского апостольника с круглым вырезом для лица, приготовив ее для одевания, и положила на спинку кресла. Подойдя к трюмо с большим овальным зеркалом в причудливом цветочном обрамлении из лепнины, Слава одобрительно оглядела свой скромный наряд

и начала расплетать толстую косу. Когда она принялась расчесывать мягкой щеткой светлые пряди, в комнату громко постучали.

– Войдите, – ответила девушка.

Она стремительно обернулась к двери, устремив взор на вошедшего, а ее сердце забилося сильнее от предвкушения встречи с мужем. Но в спальню чопорно вплыла мадам Ядвига. Кинув недовольный взгляд на нетронутый поднос с вчерашней едой, экономка заявила на ломаном русском:

– Доброе утро, госпожа. Это ваша камеристка, Ульяна.

Слава увидела, как за спиной Ядвиги топчется стройная высокая девушка в черном строгом платье, белом переднике и чепце на темных волосах. Камеристка заискивающе улыбнулась и присела в реверансе.

– Здравствуйте, барыня, – сказала Ульяна тихо по-русски.

Мадам Ядвига важно прошествовала на середину комнаты и, обращаясь к Ульяне, распорядилась:

– Убери кровать, разбери вещи госпожи и приберись в комнате.

– Слушаюсь, – ответила Ульяна, вновь угодливо присев в реверансе, и проворно подошла к кровати.

Придав лицу важное выражение, экономка обернулась к Славе и все тем же надменным тоном осведомилась:

– Вы спуститесь вниз, госпожа, или подать завтрак сюда?

– Я спущусь.

– Как вам будет угодно, – кивнула та и уже направилась к двери.

– А мой муж? – окликнула Слава экономку.

Женщина медленно обернулась.

– Вы что-то сказали, мадам? Я не расслышала, – желчно произнесла Ядвига.

– Мой муж, он уже встал? – повторила громче девушка.

– Он уехал из поместья еще вчера вечером.

– Он оставил для меня записку или письмо?

– Нет, госпожа.

– А господин фон Ремберг не говорил, когда вернется?

– Нет. Он никогда не докладывает о своих планах. Он может вернуться и завтра, и через год. Это в его духе.

Ульяна уже заправила кровать и принялась развешивать немногочисленные платья Славы в резной деревянный шкаф. Мадам Ядвига удовлетворительно отметила, что камеристка делает все правильно, и вновь взялась за ручку двери. Слава окликнула ее:

– Мадам Ядвига, могу я попросить вас?

– Да? – домоправительница недовольно обернулась к девушке.

– Вы могли бы после завтрака показать мне дом?

– Наверное. Если у меня будет время.

– Спасибо, – улыбнулась ей Слава и вновь принялась расчесывать волосы.

Мадам Ядвига, сделав каменное выражение на лице, окликнула Ульяну:

– Ульяна, помоги госпоже фон Ремберг причесаться! – с этими словами экономка исчезла за дверь.

Когда девушки остались одни, Слава улыбнулась Ульяне и приветливо попросила:

– Ульяна, ты можешь показать мне, где у вас здесь баня?

– Конечно, барыня.

Усадьба фон Ремберга была небольшой, но довольно просторной. Двухэтажный помпезный особняк в барочном стиле являл собой главное строение вотчины Кристиана. Большая

часть слуг, служивших в усадьбе фон Ремберга, были вольными. В основном это были приезжие немцы, привезенные Кристианом из Пруссии, которым фон Ремберг выплачивал жалование. Третью часть слуг составляли крепостные, привезенные из соседних деревень. Около трех дюжин человек служили в доме и еще столько же обслуживали небольшую усадьбу, яблоневый сад, конюшню с лошадьми и кожевенную мастерскую, которая приносила небольшой, но постоянный доход.

День Славы прошел незаметно, так как девушка посвятила все свое время знакомству со слугами, изучению особняка и прогулке по усадьбе фон Ремберга. Еще утром, разговорившись с приятной кухаркой Матильдой, Слава узнала, что владения мужа не ограничиваются одной усадьбой. И его вотчина довольно обширна и включает в себя деревни, земельные угодья, леса и поля, простираясь на несколько верст на юго-запад от усадьбы. Как ранее уже рассказывал ей фон Ремберг, он со всеми слугами жил в России уже более двух лет. И только год назад закончил строительство особняка и жилых построек на этой окраине новой столицы России и переехал сюда со своими приближенными слугами. Санкт-Петербург был провозглашен столицей пару лет назад, указом царствующего Петра Алексеевича, и в настоящее время город активно застраивался служебными зданиями, промышленными предприятиями, церквями и частными особняками вельмож.

Матильда поведала девушке, что в прошлом году фон Ремберг также приобрел во владение четыре близлежащие деревни с крепостными, всего около тысячи душ. Крестьяне снабжали усадьбу продуктами, кожами, лошадьми и другими натуральными изделиями, а также на полях выращивали зерно, гречу и рожь на продажу. В поместье имелся управляющий, который редко показывался в усадьбе и в основном занимался некими торговыми делами, обустройством деревень и надзором за выращиванием урожая. Тридцатилетняя полная немка Матильда была вполне довольна своим существованием в северной стране и поведала Славе, что наконец-то у нее появился жених – один из русских мужиков, вдовец, работающий в кожевенной мастерской.

Несмотря на весь скептицизм Ядвиги, Кристиан фон Ремберг вернулся в усадьбу под вечер. И Слава смогла немного поговорить с мужем за вечерней трапезой. Он был, как и обычно, приятен, немногословен и методично расспрашивал девушку, чем она занималась весь день. Она приветливо отвечала ему, немного смущаясь, и с интересом разглядывала его, пытаясь привыкнуть к своей новой роли жены, ибо молодой человек невероятно нравился ей. В эти интимные моменты, когда они трапезничали одни в мрачноватой столовой, Слава в глубине души мечтала о том, что уже вскоре они с Кристианом заживут как настоящие супруги и будут спать в одной комнате.

Около девяти вечера, когда молодые люди сидели напротив друг друга в гостиной, фон Ремберг начал вести себя весьма странно. В тот миг он рассказывал девушке о своей новой задумке, о переустройстве правого крыла дома, как вдруг лицо Кристиана напряглось, а по его телу прошла судорожная дрожь. Он тут же вскочил на ноги и, извинившись перед женой, стремительно покинул гостиную, заявив, что вспомнил о некоторых неотложных делах, которые надо было немедленно разрешить. Слава удивленно проводила мужа взглядом, не понимая, отчего он так неожиданно покинул гостиную.

В тот вечер она, как и накануне, в десять вечера поднялась в свою спальню. Раздевшись и проворно вымывшись в подогретой воде, услужливо приготовленной Ульяной, девушка отпустила горничную и, присев на кровать, принялась ждать мужа. Но, как и в предыдущие две ночи, Кристиан так и не появился у нее. Около полуночи Слава уснула одна, напряженно размышляя о том, что с ней не так и отчего муж не желает интимного общения. Тем не менее она прекрасно видела, что ее общество не тяготит его, а наоборот, весьма занимает. Ведь облик супруга – таинственный, интересный, сдержанный и эффектный – будоражил сознание

девушки. Слава неистово хотела, чтобы они с Кристианом стали близки телесно и мечтала об его объятиях и поцелуях.

Следующий ее день прошел как и предыдущий, с той лишь разницей, что девушка помогала кухарке Матильде с обедом на кухне, а затем долгое время гуляла по саду. Поговорив с садовником Демьяном, Слава узнала о том, что управляющий никак не хотел закупить новые саженцы. Об этом она решила рассказать Кристиану вечером. Фон Ремберг, как и накануне, позавтракав с женой, будучи доверенным лицом прусского посланника, еще поутру уехал на службу. Возвратился он в усадьбу только вечером к ужину. За вечерней трапезой на вопрос жены, может ли она попросить его об одном одолжении, Кристиан, удивленно подняв брови, кивнул:

– Разумеется, майн херц. Что вы хотели?

– Ваш садовник Демьян хочет высадить небольшие цветники из роз, но управляющий, господин Дерюгин, никак не дает денег на покупку саженцев.

На это заявление фон Ремберг удивленно поинтересовался:

– Светослава, вы беседовали со слугами по душам?

– Да, и не только с садовником. Ваша кухарка Матильда очень приятная женщина. Она рассказывала мне о поместье, пока мы вместе готовили это жаркое.

– Что за манеры, майн херц? – возмутился вмиг он. – Зачем вы проводите время на кухне со слугами? У вас что, нет других дел?

– Но чем же мне себя занять? Вы весь день на службе, одна я скучаю.

– Читайте, вышивайте, гуляйте по саду. Вы дворянка, не забывайте об этом. Это недопустимо – проводить время рядом с челядью.

– Матушка всегда учила меня не разделять людей на простых и дворян.

– Слава, вы так изысканны и начитанны. Зачем вы опускаетесь до простого люда и ведете с ними задушевные беседы? Отныне вы госпожа фон Ремберг и должны соответствовать своему статусу. Оттого прошу вас впредь не говорить со слугами. Ваша обязанность давать им то или иное поручение и только.

– Если вам так хочется, Кристиан, я не буду более общаться со слугами, – тихо ответила девушка, боясь вызвать неудовольствие обожаемого супруга.

– Вот и правильно, майн херц. И упаси вас Бог впредь помогать на кухне. Это никуда не годится. Вы должны пребывать в неге и спокойствии. Быть мне послушной и вести себя подобающе. Вы поняли меня?

– Да, Кристиан, простите. А могу я кататься верхом?

– Верхом? Зачем это?

– Но у отчима в доме я почти ежедневно каталась верхом.

Фон Ремберга стал напрягать этот разговор. Он понимал, что надо изолировать девушку от всех. От слуг, которые могли сболтнуть лишнее, и от посторонних людей, которые так же могли как-то повлиять на его планы относительно этой девицы.

– Я думаю, нет. В моей конюшне всего три рысака. Один жеребец слишком стар, второй постоянно при мне. А третья кобыла довольно норовиста и не раз сбрасывала меня с седла, – умело соврал фон Ремберг и, увидев, как личико девушки совсем сникло, добавил: – Если вам угодно, я могу проводить с вами больше времени. Например, буду возвращаться чуть раньше, и мы сможем вместе гулять по саду. Что вы об этом думаете?

Он попытался даже изобразить на своем лице подобие улыбки, понимая, что должен играть свою роль как можно лучше, чтобы затуманить ее наивную юную голову. Кристиан жаждал, чтобы Слава быстрее прониклась к нему симпатией и нежными чувствами, ведь только тогда, возможно, ему удалось бы завершить дело, задуманное Верховным.

– Я буду очень рада этому, Кристиан, – ответила Слава и ласково улыбнулась ему.

Глава IX. Новобрачная

Прошла неделя после венчания, а фон Ремберг так и не посещал ее спальню. Слава терялась в догадках, отчего Кристиан не стремится к интимному уединению и даже ни разу не поцеловал ее. Однако прямо спросить мужа об этом Слава стеснялась. И эта неопределенность терзала ее. Все же теперь, по прошествии полутора месяцев знакомства с молодым человеком, девушка отчетливо осознала, что любит Кристиана искренне и сильно. Ее чистое открытое сердечко отмечало располагающее вежливое отношение фон Ремберга. Она весьма ценила его постоянные знаки внимания в виде маленьких безделушек, комплиментов и цветов, которые он ежедневно дарил ей. Он проводил в ее обществе пару часов утром и около трех часов вечером. Только около девяти вечера фон Ремберг ежедневно стремительно покидал ее, будто за ним гнались некие призраки, выбегая из гостиной с перекошенным от нервного тика лицом. Это было девушке непонятно. Стремительные исчезновения молодого человека из гостиной после ужина невероятно терзали ее.

Она очень хотела выяснить немного больше о своем муже, но не знала как. Она даже попыталась узнать у камердинера Кристиана, отчего муж так себя ведет. Но неприятный мрачный Людвиг ответил ей, что у хозяина часто бывает много неотложных дел и госпожа не должна беспокоиться. Но это заверение совсем не успокоило Славу, и она напряженно размышляла, отчего Кристиан ведет себя так странно. Каждый вечер в гостиной он мило беседовал с ней, но едва часы пробивали девять, он словно превращался в другого человека, нервного, уязвленного и мрачного, который неизменно уклонялся от ее общества. Лишь на следующее утро он появлялся за утренней трапезой, опять вежливый, в спокойном настроении, умиротворенный и галантный. Проводил с ней отмерянные пару часов, затем отбывал на службу и возвращался вечером с очередным подарком для нее. В основном он дарил ей новые ленты, зонтики, туфельки или перчатки. Но иногда привозил новые книги, которые она считала лучшим подарком от мужа.

Слава часто скучала днем. Только в книгах она находила отраду. Ведь со слугами фон Ремберг запретил вести беседы, а друзей, которые могли бы посещать их дом, у Славы в Петербурге не было. Единственная подруга Любаша жила в Москве. К тому же из последнего письма девушка узнала, что Артемьевы вскоре намерены отправиться на жительство в другую страну. Семен получил новую должность при русском посольстве во Франции, и в эту пору всем семейством перебирался в Париж. С другими столичными дворянами девушка не была знакома. А поскольку фон Ремберг жил уединенно и не водил знакомств, их усадьбу никто из посторонних не посещал.

Девушке казалось, что Кристиан любит ее, потому что она видела его расположение. Лишь одно удручало ее, что по прошествии недели брака, он так и не появился в ее спальне. Он никогда не затрагивал щекотливую тему в беседах и даже не делал ни малейшего намека на страстные желания. Он никогда не обнимал ее, не целовал. А лишь несколько раз в день по этикету целовал ее ручку. Он постоянно умело говорил ей комплименты, интересовался, как она провела день, а позже в гостиной они обсуждали книги из библиотеки фон Ремберга, прочтенные девушкой за день. Слава пыталась понравиться мужу, заслужить его доверие своим послушанием и вниманием.

В тот дождливый вечер они, как и обычно, сидели после ужина в гостиной.

Молодой человек восторгался ее познаниями в астрономии, которую в последнее время изучала Слава, и то и дело говорил ей комплименты, сопровождая их проникновенным настойчивым взглядом фиолетовых глубоких глаз. Супруги сидели на бархатном диванчике, и девушка наслаждалась обществом мужа, любуясь его мужественным красивым лицом, темно-

русскими густыми волосами, собранными на затылке в хвост, и яркими мерцающими глазами. От молодого человека, как и всегда, приятно пахло, тонкими ароматами вербы и гвоздики, и это весьма импонировало ей. Ведь, насколько знала Слава, большинство европейцев редко мылись, в отличие от русских. Однажды фон Ремберг поведал ей, что ему весьма нравится этот русский обычай два раза в неделю ходить в баню и очищать свое тело. Ибо после этого его существо наполняется новыми силами и здоровьем. Быстро привыкнув к этому русскому обычаю, молодой человек распорядился построить три бани в своей усадьбе для слуг. В господском особняке также имелась своя барская баня, которую, кроме Кристиана, каждые три дня посещала и Слава со своей горничной Ульяной.

Пробило три четверти девятого вечера, когда фон Ресберг начал нервно поглядывать на большие каменные часы. И Слава, заметив это, поняла, что, как и во все предыдущие дни, молодой человек словно чего-то напряженно ждет и вновь собирается стремительно покинуть ее общество. Несколько раз она пыталась выведать у мужа, куда он уходит, но он всегда ссылался на дела. Слава чувствовала, что в этом кроется какая-то тайна, и жаждала узнать, отчего ее обожаемый муж запирается ото всех в своем кабинете на несколько часов к ряду, требуя, чтобы никто не беспокоил его.

Именно сегодня она задумала некую хитрость, которая помогла бы ей пролить свет на тайну фон Ремберга. Не дожидаясь девяти, Слава, сославшись на головную боль, покинула гостиную под удивленный возглас мужа. Устремившись по мрачной парадной, она, оглядываясь по сторонам и боясь попасться на глаза Людвигу, проворно проскользнула в кабинет мужа и спряталась за одну из портьер. Ее стройная фигурка полностью скрылась за тяжелой тканью, а прямая юбка без фижм так же не выделялась из обрамления окна. Через щель между пурпурными занавесями она могла свободно наблюдать за тем, что происходит в кабинете, и оставаться незамеченной. Когда через четверть часа в кабинет заглянул Людвиг, видимо, проверяя, все ли в порядке, девушка отчетливо заметила камердинера из своего укрытия и улыбнулась, довольная своей выдумкой. Отчего-то эта затея казалась ей очень детской и занятной, однако она понимала, что иначе ей не удастся удовлетворить свое любопытство. Потому она затихла и принялась ждать.

Как она и предполагала, спустя еще четверть часа в кабинет влетел фон Ремберг и, захлопнув дверь на замок, бегом устремился к своему секретеру, стоявшему чуть в стороне от того места, где находилась девушка. Она заметила, как муж нажал некий рычаг сбоку шкафа, и вдруг секретер вместе с полом начал медленно отодвигаться в сторону. Опешив от увиденного, Слава вперилась взором в сторбленную фигуру мужа, видя, как в паркетном резном полу образовывается отверстие, похожее на погреб.

В следующий момент Кристиан резко согнулся почти до пола и, схватившись за виски, глухо застонал. Слава испуганно воззрилась на мужа. Он сильно сторбился, и ей показалось, словно его что-то ударило в живот. Еще через несколько мгновений Кристиан вновь хрипло застонал. Он сильно сжимал губы, видимо, пытаясь сдержаться и заглушить свои стоны. Его мертвенно-бледное лицо исказила жуткая судорога, пробежавшая по всему телу.

Прекрасно чувствуя жизненную энергию всех живых существ, девушка отчетливо ощутила, как энергетика молодого человека словно пропадает на миг, а затем вновь возвращается. Его темно-фиолетовая аура непонятно мерцала, дрожа, как свеча, и это было весьма странно. Потому что Слава никогда не видела, чтобы аура живого существа так неестественно пульсировала, как бы на секунду угасая, а в следующий миг загораясь вновь.

Когда подземный лаз открылся, Кристиан, снова скорчившись всем телом почти до пола, простонал сквозь зубы в третий раз и устремился по ступеням вниз, в открывшееся подземелье, и исчез из виду. Окончательно опешив от увиденного, она, нахмурившись, начала испуганно и лихорадочно размышлять обо всем этом. Дикое неистовое желание броситься в погреб-подземелье вслед за мужем и выяснить все до конца возникло у нее стремительно. Ее колебания

продлились недолго. В какой-то момент, решившись, она, не спуская взволнованного взора с округой мрачной дыры в полу, вышла из-за портьера и направилась к отодвинутому секретеру.

Приблизившись к открытой яме, в глубь которой вели каменные ступени, Слава боязливо наклонилась. Погреб едва окутывался тусклым светом. Она осторожно направилась по каменным ступеням вниз и достигла дна уже спустя минуту, заметив горящий факел, освещающий сырое мрачное пространство подземелья. Озираясь по сторонам, Слава увидела чуть в стороне приоткрытую каменную дверь. Именно в этот миг она услышала приглушенный нечленораздельный стон фон Ремберга. Проворно подбежав к этой каменной двери, девушка вошла в небольшую горницу без окон. И тут же увидела на полу Кристиана. Он стоял на четвереньках, словно собака, и его тело сжималось в сильной конвульсии, а из сжатых зубов вырывались еле сдерживаемые хрипы. В следующее мгновение, похоже, боль отпустила его, и он замер. Но уже через миг вновь притиснул голову и ноги к животу, и она заметила, как его тело сжалось в жуткой судороге.

Опешившая и не понимающая, что происходит, Слава замерла на месте, несчастно глядя на все происходящее. Он не замечал ее. Девушка вытянула вперед руку, пытаясь нащупать его энергию, и неожиданно почувствовала, как тело Кристиана пронзают тысячи сильных потоков яростной жгучей энергии, которые впивались сильными ударами в тело молодого человека. Его аура, насыщенно фиолетовая, странно мерцала, то пропадая, то появляясь вновь. Слава отметила, что в те моменты, когда энергия пропадает – молодой человек корчится от боли. Она поняла, что мужа сотрясает какая-то неведомая странная болезнь, мучающая спазмами его тело.

Подчиняясь стремительному порыву, она кинулась к Кристиану. Упав перед ним на колени и обхватив ладошками виски молодого человека, Слава устремила светлый сильный поток целительной энергии ему навстречу. Она ощущала, как тело молодого человека дико сотрясается от сильных конвульсий и, сосредоточившись сильнее, направила поток своей энергии прямо в его сущность. Фон Ремберг не замечал ее присутствия и, закрыв глаза и стиснув зубы, неистово пытался обуздать свою боль. Спазмы следовали один за другим, и лишь на краткие моменты невыносимая мука чуть отступала. В эти мгновения Кристиан невольно замирал, не открывая глаз, и так и стоя на четвереньках, подобно животному, пытался отдышаться и передохнуть, ожидая очередного невыносимого терзания.

Слава стояла на коленях около него, сжимая его виски ладонями и вливая в него свою энергию. Уже через некоторое время она начала замечать, что приступы у фон Ремберга стали менее интенсивными, а через несколько минут почти прекратились. Именно в эти мгновения, молодой человек, как будто опомнившись и, видимо, ощущая что-то неладное, открыл затуманенные болью глаза и увидел Славу, стоявшую перед ним на коленях на ледяном полу.

– Что вы делаете? – прохрипел он, приподняв голову и вперившись взглядом в лицо девушки, которые было перед ним, диким, ничего непонимающим взором. – Зачем вы здесь? Убирайтесь немедленно!

Он яростно скинул ее руки со своих висков, и тут же его тело вновь пронзила невыносимая жуткая боль, словно его заживо сжигали на костре. Он заскрежетал зубами от невыносимой муки и содрнулся в судороге всем телом. Однако девушка не отошла, вновь приложила ладони к вискам молодого человека и начала вливать в его существо целительную энергию, до крайности сосредоточившись. Она видела, что у Кристиана нет сил сопротивляться, так как все его большое тело сотрясалось в диких конвульсиях и лишь из последних сил он стоял на четвереньках и удерживал себя в сознании. Через несколько мгновений Слава ощутила, как тело фон Ремберга перестало дергаться, и он замер, удивленно устремив в ее лицо свой яркий фиолетовый взор, явно не веря в то, что она действительно может успокоить его боль.

– Я не уйду, – тихо твердо сказала девушка. – Я вижу, что вам легче от моих рук.

Она сильнее прижала ладони к его вискам, видя, как его сильно мерцающая до того аура начала постепенно успокаиваться и уже равномерно наполнила все члены молодого человека и потекла спокойно и умиротворенно по его существу.

Ощущая, что руки девушки вливают в него энергию, которая снимает спазмы, Кристиан замер и чуть прикрыл глаза, невольно наслаждаясь неожиданной передышкой в страданиях. Несколько минут он не мог ни о чем думать, как только о том, что боли нет, и его тело перестало гореть адским огнем, который как будто заживо сжигал его нутро и кожу. Он так и стоял, замерев на четвереньках, и лишь глубоко дышал, пытаясь восстановить дыхание. Девушка сидела перед ним на коленях, а ее руки ласково давили на голову молодого человека. Она так же чуть прикрыла глаза, настойчиво вливая в него жизненные силы.

Спустя некоторое время ясное сознание стало возвращаться к Кристиану вместе со способностью здраво оценивать окружающую действительность. Он понимал, как его поза унижительна, и девушка видит его, бесстрашного, жесткого фон Ремберга в таком удрученном положении, как беспомощного зверя, которого раздирают жуткие мучения. Но отчего-то ему было все равно, ибо от ее рук перетекало живительное, почти неосоздаемое тепло, которое наполняло его тело и не давало болям вернуться. Он чуть приподнял голову, и его мутный болезненный взор уперся в золотые полные нежности глаза Славы. Кристиан чувствовал, что готов стоять так вечно, только бы эти жуткие мучения не вернулись более. Он видел каждую янтарную прожилку в огромных золотых очах девушки, темно-коричневые густые ресницы, обрамляющие ее глаза, и инстинктивно ощущал, что она друг, что она хочет помочь ему и потому находится здесь и уменьшает его невыносимую боль.

Прошло около четверти часа, и он ощутил, что боли ушли. Он тяжело приподнялся и устало сел на пол. Девушка невольно отстранилась от него, опустив руки. Взор фон Ремберга метнулся на часы, которые составляли убогое убранство округлой комнаты, и отметил, что боли должны были продолжиться еще четверть часа. Он вновь перевел на нее ошарашенный взор, осознавая, что ей как-то удалось избавить его от диких мук.

– Как вы это сделали? – удивился он.

Но вдруг вновь ощутил нестерпимое мучение, накрывшее его существо яростной энергетической бьющей волной. Дернулся, и лицо его исказилось мукой. Слава мгновенно все поняла, проворно бросилась к нему и, вновь присев рядом с ним на колени, положила руки на виски Кристиана. Уже через миг боль утихла, и фон Ремберг вымученно улыбнулся ей и выдохнул:

– Благодарю...

Немного опешив от искренней улыбки, которая появилась на его бледном лице, Слава отметила, что еще никогда не видела, чтобы муж улыбался. Его лицо разгладилось, и он показался ей невозможно красивым. Он так и сидел на каменном полу, вытянув длинные ноги вперед. Неожиданно руки молодого человека обвили вокруг ее талии, и он проворно усадил Славу к себе на колени.

– Я думаю, так будет лучше, – объяснил он. – Иначе застудитесь, пол ледяной.

Она улыбнулась ему в ответ, чуть сильнее притиснувшись к нему телом и так и не убирая ладоней от его висков.

– У вас устали руки? – спросил он тихо.

– Нет, совсем нет. Главное, вам стало легче, Кристиан, – пролепетала она.

– И впрямь. Не знаю, как вам это удастся, майн херц. Но боли почти нет. Я лишь чувствую небольшую ноющую вибрацию в голове, – переводя дух от очередного теперь уже терпимого приступа, произнес фон Ремберг.

– Я умею исцелять животных.

– Я зна... – начал он и тут же замолчал, понимая, что едва не вымолвил лишнее. Ибо тот момент, когда она исцелила его волка, должен был остаться не упомянутым. Все же он внушил девушке, что он вовсе не тот юноша, который пытался много лет назад убить ее в лесу. Потому

даже Лихой теперь жил при монастыре, и Кристиан сильно тосковал по нему. – Я удивлен, – исправился он и добавил: – Вы можете опереться на меня, вам будет удобнее.

Она послушно облокотилась на его грудь, и молодой человек немедля обвил ее тонкую талию рукой, чтобы поддержать напряженную спину.

– Вы можете описать, что вы делаете, и отчего моя боль утихает? – не удержался он от вопроса.

– Я отдаю вам свою энергию, так говорила моя матушка. И эта энергия словно невидимым потоком перетекает в вашу сущность через мои пальцы и ладони, увеличиваясь через оберег на руке.

Она указала глазами на большой перстень на среднем пальце правой руки, с желтоватым крупным цитрином, вычурной формы из серебра.

Долго пронзительно взирая на Славу, Кристиан думал о том, что эта девица явно не так примитивна и проста, как думали они с Лионелем. В неожиданные моменты она открывалась с новых сторон и граней и постоянно поражала его своими поступками. Но Кристиан осознавал, что теперь она говорит о более чем тайных вещах, которые знали лишь немногие и немногие понимали их. Он прекрасно знал, о чем идет речь, но ей он, естественно, не собирался всего этого открывать.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, майн херц. Но благодарен вам, – он внимательно посмотрел ей в глаза и облегченно выдохнул: – Я думаю, все кончилось. Время уже много. И более не будет сегодня этого.

Слава проворно убрала руки от него. Он поднялся на ноги и помог подняться и ей. Девушка пытливым взглядом осмотрела жутковатое сырое помещение, окружавшее их.

– Что это было? Вы больны, Кристиан? – спросила она.

– Да.

– Но это так ужасно, видеть вас в таком состоянии, – пролепетала жалостливо девушка.

– Надеюсь, вы не думаете о том, что я так слаб, что не могу терпеть боль?

– Я так и не думала.

– Однако мне кажется, вы думаете именно так, – сказал он тихо и тут же объяснил: – Но поверьте, эта боль невыносима. Я пытаюсь ее терпеть, но это не всегда получается. Когда все происходит, мне кажется, что мое нутро сжигают заживо, а кости ломаются. Хотя этого на самом деле не происходит с моим телом, но мучения ощущаются точно такие. А я, поверьте, знаю, о чем говорю, поскольку не раз бывал в передрыгах. Но никакие раны и переломы не сравнятся с этими жуткими муками. Потому что боль от ран я научился терпеть еще в детстве, и она не вызывает у меня даже малейшего стога. Но эти боли совсем другие. Как будто мне вытягивают жилы или сжигают заживо на костре, только в десять раз яростнее, – как-то горестно заметил он, тяжело вздохнув.

– Кристиан, я чувствую, как вы сильны. И верю вам. Я видела, как жутко изгибается ваше тело, а свет вашей ауры то и дело пропадает. Так происходит, только если человек на пороге гибели. Оттого я верю вам.

– Благодарю вас, майн херц.

– И когда вы заболели?

– Я болен уже давно. Еще с детства. Сколько себя помню, один раз в день, обычно вечером, начинаются эти жуткие муки, которым нет объяснения, и которые я не в силах сдерживать. Раньше, когда я был ребенком, боли не были столь сильными, и я вполне мог терпеть их, но с каждым годом они становятся все яростнее. Я не знаю, что это за недуг. Но монах, который воспитывал меня, говорил, что я проклят некоей злой колдуньей, которая пожелала мне когда-то смерти. Тогда монах Лионель спас меня. Но от того проклятия мне остались эти страшные мучения. Ибо они неизлечимы.

– И вы ежедневно испытываете это?

– Да. Иногда боли длятся всего несколько минут, иногда четверть часа. Иногда более получаса.

– И это всегда происходит вечером?

– Нет, не всегда. Это зависит от луны. Едва луна восходит на небо. Я давно это заметил, еще в детстве. А продолжительность мук зависит от дня лунного цикла, так же, как и их сила.

– Но зачем вы запираетесь в этом жутком месте?

– Чтобы никто не видел моих мучений, – выдохнул он печально. – То, что вы видели, – это лишь часть того, что может быть. Иногда боли бывают столь жуткими и продолжительными, что я кидаюсь на стены и бьюсь о ледяные камни в кровь, разбивая лицо и руки. Слуги могут испугаться и решить, что я сумасшедший. Но ведь вы, майн херц, так не считаете?

– Совсем нет.

– Пойдемте наверх. Тут сыро и холодно, – предложил фон Ремберг.

– Да, конечно, – согласилась Слава и, нахмурившись, не касаясь, быстро провела рукой рядом с его телом.

Молодой человек уже отвернулся от нее и накрыл железным колпаком факел, горящий в подземелье. Он обернулся и подал ей руку, и они направились вверх по лестнице.

– Кристиан, – произнесла Слава, когда они вышли. – Я хочу вам сказать нечто.

– Да?

– Я ощущаю, что некая сила как будто убивает вашу ауру, и эта сила исходит из вашего браслета, – заметила она, указывая глазами на серебряный чеканный браслет, который постоянно носил на правом запястье фон Ремберг под одеждой.

– Вы ошибаетесь, майн херц, – твердо ответил он. – Это древний оберег, подаренный мне монахом, который воспитывал меня. Этот старинный браслет, наоборот, дает мне силы жить, так как поддерживает мое сердце, чтобы оно не разорвалось от боли, которую я испытываю по вечерам.

– Но мне не кажется, что это так, – неуверенно сказала девушка.

– Поверьте, майн херц, это так. Вы знаете, поначалу в детстве мне тоже казалось, что браслет угнетает мое существо. Оттого я однажды снял его. И знаете, что произошло? Я упал в обморок и не приходил в себя почти неделю. Все думали, что я умер. Только моему наставнику монаху Лионелю удалось вернуть меня к жизни. Он сказал мне, что я совершил большую глупость, и этот браслет специально на моей руке, чтобы поддерживать мои жизненные силы. С годами моя болезнь прогрессирует и должна была давно убить меня. Лишь благодаря моему отменному здоровью и защите этого древнего оберега я все еще жив. Ибо он дает мне нужную силу. Поэтому я никогда не снимаю его.

На это заявление молодого человека Слава промолчала, хотя явственно ощущала, что от этого браслета на руке мужа исходит Темный поток энергии, который, как туман, окутывает все его существо. Этот браслет никак не мог помогать живому существу, потому что его Темная сила была мертвой. Но Кристиан, видимо, не видел этого и явно не понимал, о чем она говорила.

– Я думаю, майн херц, вам не стоит рассказывать о ваших, как вы говорите, исцелениях окружающим. Вы же наверняка знаете, как попы, да и вообще люди, мнительны. Они могут принять вас за ненормальную. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, вполне, – кивнула Слава. – Матушка говорила мне о том же. Она тоже была целительницей и лечила только в закрытой комнатке и так, чтобы никто не знал. А исцеленные ею люди в благодарность хранили гробовое молчание о ее даре.

– Ваша мать была мудрой женщиной, – подтвердил Кристиан, отчетливо понимая, что девушка должна скрывать свой дар и даже не помышлять развивать его, ибо тогда она могла прозреть и выпутаться из того капкана, в который они с Верховным нынче заманили ее. Да,

Слава помогла ему теперь, но это ничего не меняло, поскольку фон Ремберг не собирался отступать от своей цели. – Вот и вы должны поступать так же.

В тот день молодые люди провели остаток вечера вместе. Около одиннадцати фон Ремберг проводил девушку до ее спальни. Дежурно поцеловал ей руку и быстро удалился. Но отчего-то в тот миг, когда его высокая широкоплечая фигура исчезла во мраке коридора, Слава подумала о том, что нынче они стали немного ближе друг к другу. И то, что сегодня она помогала избавиться ему от невыносимых болей, помогло ей в этом. Возможно, вскоре она станет еще ближе к нему, так как она очень хотела этого.

Глава X. Целительница

Следующим вечером, после ужина, молодые люди, как обычно, беседовали в гостиной. И едва Слава заметила, как лицо фон Ремберга исказилось мукой, и он стремительно встал с диванчика, намереваясь выйти, девушка вскочила на ноги. Она придержала его за локоть и порывисто произнесла:

– Кристиан, не уходите! Присядьте со мною, я помогу вам!

Молодой человек нахмурился, не в силах смотреть в ее чистые глаза. Ощущая, как боль в его теле начинает нарастать с каждым мигмом, он попытался отстраниться от нее, буркнув:

– Я не думаю, что вы вновь должны...

– Но я хочу помочь вам, Кристиан! – вымолвила порывисто Слава. – И, если я могу это, отчего вы не хотите принять мою помощь?

– Я... – он замялся, и в следующее мгновение его лицо исказилось от судороги. Видя это, Слава почти насильно усадила Кристиана обратно на диванчик. Более не говоря ни слова, она присела рядом с ним и, подняв руки к его вискам, начала вливать в сущность молодого человека свою живительную энергию. Порыв Кристиана уйти прочь быстро улетучился, ибо новый приступ, который должен был быть гораздо сильнее предыдущего, наоборот, уменьшился, а следующий вообще не был ощутим. Уже через несколько минут он, стараясь не шевелиться и осознавая, что девушка, как и накануне, избавляет его боли, тихо глухо выдохнул: – Я весьма поражен, майн херц. У вас опять получилось это.

– Я рада утишить вашу боль, Кристиан. Если желаете, я могу ежедневно делать это. Мне это совсем не трудно, – с нежностью ответила она.

Однако Кристиан только теперь отметил, что живительная энергия девушки идет прямо из ее сердца, а проводником служат ее тонкие руки. С каждой минутой ее живительная аура становилась тоньше, как бы уменьшалась. Он видел это и прекрасно понимал, что она отдает свою энергию жизни ему и уменьшает свою защитную оболочку.

– Разве вы не ощущаете слабости? – невольно спросил он. – Или головокружения?

– Нет. Я умею лечить животных, и это обычно для меня. После сна моя сила восстанавливается, как и была до того.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – соврал молодой человек, хотя отчетливо все понял. – Но если это не обременит вас, то попрошу вас помочь мне. У вас такие ласковые целительные ручки.

Слава вмиг растрогалась и, кокетливо улыбнувшись ему, пролепетала:

– Я так счастлива, что могу помочь вам преодолеть ваш недуг.

– Вы позволите? – спросил фон Ремберг и тут же, не дожидаясь ответа девушки, пересадил Славу к себе на колени, как и вчера. – Вам так удобнее?

– Да, – кивнула смущенно она.

Действительно, на его коленях она была гораздо выше, и ей не надо было высоко поднимать руки. Она старалась сосредоточиться на своем действе, не прерывая его. Все-таки эта интимная поза была непривычна для девушки, а близость молодого человека была невозможно

притягательна. Она прямо таяла, ощущая его приятный запах и видя дорогое лицо. Он чуть придерживал ее за талию, как и вчера, и долгое время молчал.

Через полчаса, когда приступ окончился, Кристиан, осторожно пересадив девушку со своих колен обратно на диванчик, заметил:

– Я надеюсь, все это останется между нами?

– Если вы хотите этого, Кристиан, – согласно кивнула Слава, нежно улыбаясь ему.

С тех пор ежедневно девушка помогала фон Рембергу справиться с его недугом. Закончилась уже вторая неделя замужества Славы, а отношения между молодыми людьми не менялись. Кристиан так и не приходил в ее спальню, вел себя вежливо, располагающе, но довольно отстраненно. Лишь получасовые тайные лечения в гостиной или в его кабинете происходили ежедневно, во время чего молодой человек осторожно придерживал талию девушки, сидящей у него на коленях. Но более фон Ремберг ничего не позволял себе. Ни объятий, ни поцелуев, ничего интимного. Славе казалось, что все дело в болезни, которая забирала у него силы. Потому что уже давно она жаждала получить от него поцелуй и более смелые ласки. Все же она прекрасно помнила атаки Федора, когда была под замком в его тереме. Как Артемьев несколько раз мучил ее своими поцелуями и крайне дерзкими объятиями. Тогда Слава явственно чувствовала, что Федор только и ждет венчания, чтобы овладеть ею полностью.

В тот вечер, десятого октября, девушка снова утоляла его боль. Фон Ремберг уже привык к их ежедневному тайному действию, которое до крайности нервировало его существо. Он понимал, что она Светлая и что он не должен был пользоваться ее силой, но не мог ничего поделать с собой, думая только о том, что, пока ее руки находятся на его челе, жуткие невыносимые муки не терзают его.

Слава сидела у него на коленях и молодой человек, опустив лицо, смотрел вниз в одну точку, на пуговицу своего камзола. Врачевание девушки задевало его за живое, вызывая в его существе невозможные, недопустимые человеческие чувства благодарности и нежности к этой золотоглазой девице. Он понимал, что она для него делает, но упорно в своем жестоком сердце не хотел возвращать расположение к ней. Он упорно не смотрел ей в лицо и всегда, пока она сидела у него на коленях, прикрывал глаза. Однако запах девушки, свежий, еле уловимый, нежный, немного сладковатый, дразнил его обоняние, и это крайне нервировало Кристиана. Все эти полчаса целительства он старался держать свои мысли и чувства в узде и как будто абстрагировался от происходящего. Но в тот вечер, когда она избавляла его от боли, что-то пошло не как обычно, после того как Слава задала вполне невинный вопрос:

– Как вы себя чувствуете, Кристиан?

Он неосознанно поднял на нее лицо и, невольно устремив взор в ее глаза, ответил:

– Вполне сносно.

Слава нежно улыбнулась ему, и Кристиан чуть дольше задержал свой взор на ее лице. Он отметил, что сегодня она отчего-то не смущалась от его близости, как это бывало раньше. Это удивило, и он изучающе всмотрелся в ее огромные янтарные глаза, которые были невероятно близко. Отчего-то в эту секунду девушка показалась фон Рембергу немыслимо красивой, притягательной и желанной. Искрящаяся светло-золотистая аура окутывала ее голову, покрытую светло-серым убором, похожим на апостольник монахини, который она постоянно носила. Ее глаза, лучистые и манящие, притягивали взгляд, и молодой человек, словно замороженный, смотрел в золотые озера ее очей, чувствуя, что ему это жизненно необходимо в этот миг.

Неожиданно Кристиан ощутил, как перед его глазами все поплыло, а голова стала ватной. Он чуть прищурился, пытаясь сосредоточиться. Вдруг перед ним возникли некие образы и картины.

Как будто в каком-то замедленном сне Кристиан увидел перед собой крепостные стены некоего замка или монастыря. Вокруг разрывались снаряды, падали ядра, горела часть камен-

ной стены. Он будто оказался в центре кровавого боя. Невольно оглядел себя и увидел, что его сущность находится в теле мальчика лет шести-семи. В следующий миг он испуганно метнулся к высокому русоволосому воину, стоявшему чуть впереди, и что-то крикнул ему. Воин быстро обернулся и прокричал что-то в ответ, но Кристиан ничего не услышал. Вообще, это странное видение было беззвучным. Кристиан отметил на лице воина небольшой шрам, пересекавший висок. Вдруг воин схватил его за руку и потащил куда-то вниз. Они сбежали по крутым ступеням во двор монастыря. Именно здесь они наткнулись на некоего старца, которому воин что-то сказал. Седовласый старик схватил руку Кристиана, который был в теле мальчика, и потащил за собой.

Кристиан обернулся, ощущая, что в эту минуту должно произойти нечто страшное. Он увидел, как на каменной стене, куда поднялся русоволосый воин, идет ожесточенный бой. Через крепостную каменную стену перебирались целые полчища монахов в черных одеждах, и один из них немедленно накинулся на того воина. Кристиан порывисто выдернул руку из морщинистой ладони старца и попытался побежать наверх, к воину, что-то крича ему, ибо видел, как трое монахов, уже ранив воина, сбили его с ног. Однако старец быстро схватил Кристиана-мальчика за руку. Кристиан обернулся, вновь взглянув на раненого русоволосого воина, и увидел, как монах, с которого свалился капюшон, вонзил в самое сердце полулежащего противника длинный кинжал по самую рукоятку. Воин дернулся в предсмертной агонии и тут же безжизненно рухнул к ногам монаха. Дикий крик вырвался из уст Кристиана, но он не услышал его, так как не было слышно ни единого окружающего звука. Лишь видел он все очень отчетливо. А в следующий миг ощутил, как из его глаз брызнули слезы. Кристиан-мальчик с яростью смотрел на монаха, который только что убил русого воина. И своим сознанием Кристиан узнал его. Тем монахом был его наставник Лионель.

Кристиана в теле мальчика дернул за руку старец и вновь потащил прочь. Уже через минуту они скрылись в темном помещении. Они долго бежали по подземелью, и седой старик тащил его за руку, постоянно оглядываясь назад. Кристиан, глотая слезы, спотыкаясь, следовал за стариком. Они бежали долго по извилистым мокрым туннелям, едва освещенным факелами. Вскоре старец взял факел в руку. Мальчик понял, что дальше подземелье не освящается. Они вновь, не останавливаясь, бежали. Кристиан-мальчик уже совсем выбился из сил, и старик, видя это, чуть замедлил шаг и решил немного передохнуть. Они устало оперлись о стену, пытаясь перевести дух.

Через какое-то время старец резко выпрямился и устремил взор назад, в мрачный туннель. Его лицо стало смертельно бледным. Вдруг он что-то сказал и толкнул Кристиана вперед. Кристиан понял, что старик посылает его вперед одного, а сам хочет остаться и остановить преследователей. Кристиан испуганно заплакал и сказал, что не хочет бежать один. Но старик властно что-то воскликнул. И в этот миг Кристиан увидел вдалеке отсветы горящих факелов. Он невольно бросил отчаянный взгляд на старца и ощутил дикий страх перед подземельем, в которое должен был идти один. Но старик что-то прохрипел прямо ему в лицо, испепеляя яростным взором голубых глаз. Уже через минуту старик встал в проходе, повернувшись лицом к преследователям.

Кристиан схватил факел и побежал вперед один. Глотая горькие слезы и ощущая, как все его существо пронизывает страх, он бежал вперед и вперед, то и дело сворачивая в узкие проходы. Факел его еще довольно ярко горел, и отчего-то в ушах мальчика стояла последняя фраза старика о том, что он позже найдет его в подземельях. Через некоторое время факел стал угасать, и Кристиан смертельно испугался. Когда факел потух, Кристиан в теле мальчика, замедлил шаг и пошел уже более осторожно в крошечной тьме.

Он шел не более получаса. А затем, прислонившись к стене, заплакал от страха. Присев на корточки, он обхватил свои худые колени, думая только о том, что если его не надут преследователи, чтобы убить, то он умрет от голода в этом подземелье, потому что даже не знает,

как выйти отсюда. Сколько он сидел в темноте, в жутком одиночестве, было неизвестно, но через какое-то время вдруг увидел вдалеке свет. Вскоре к нему приблизился монах в черной сутане. При его приближении Кристиан-мальчик ощутил жуткое чувство страха. Монах остановился около него и скинул с головы капюшон. Кристиан увидел Лионеля, того самого, который убил русоволосого воина на стенах. Монах протянул ему руку и наклонился.

Видение прервалось.

Вновь яркие золотые глаза девушки предстали перед глазами Кристиана. Он отметил, что прошло не более пяти минут, как длилось видение, но увидел он очень много. Отчего-то в сей миг он дрожал всем телом, поскольку это видение затронуло все струны его души.

– Кристиан? – окликнул его мелодичный голосок Славы, которая так и сидела у него на коленях.

Она напряженно смотрела на него, чувствуя, что с ним что-то происходит.

Фон Ремберг ощутил, как от прелестного взора девушки по его телу разливается светлая умиротворяющая энергия, успокаивающая нервы. Молодой человек ощутил нарастающее желание поцеловать ее, ведь она была так близко. Желание, неосознанное и необузданное, завладело его существом. Подчиняясь неведомому порыву, Кристиан склонил голову сильнее, и его руки непроизвольно начали притягивать Светославу ближе к груди. В тот миг, когда его губы накрыли ее рот, молодой человек почувствовал, что пьет из живительного чистого источника, который мог прогнать его страхи.

Замерев от ласки Кристиана, Слава позволила ему привлечь себя ближе и, когда он поцеловал ее, вся затрепетала. Невольно убрав ладони с висков молодого человека, она обвила его шею руками и попыталась тоже поцеловать в ответ.

Затуманенным разумом фон Ремберга с упоением осознавал, что ее нежные губы невероятно сладкие. Неожиданно Кристиана пронзила неистовая яростная мысль. Он творил нечто недозволенное, а его существо тотчас охватило чувство опасности. Он мгновенно отстранился от девушки и вперил в ее янтарные глаза ошарашенный непонимающий взор.

Слава, опешившая и трепещущая, увидела, что энергетический облик Кристиана изменился. Темно-фиолетовые глаза молодого человека стали ярко-синими и как будто засветились изнутри. Его индиговая аура просветлела и сейчас имела почти сиреневатый оттенок.

Явно испугавшись чего-то, Кристиан стремительно спустил девушку со своих колен обратно на диван и выдохнул:

– О, майн херц, я не хотел пугать вас.

После его слов девушка невольно опомнилась и смутилась, чувствуя, как горят ее щеки от волнения. Слава подняла на него ласковый взгляд и проворковала:

– Вы мой муж, Кристиан, и вам не за что извиняться. Я лишь хочу стать вам хорошей и послушной женой...

Нахмурившись и не понимая, отчего все так произошло, и зачем он сделал все это, фон Ремберг напрягся. Он не имел права не то что целовать девушку, но и вообще прикасаться к ней. Он в ужасе осознал, что на миг его чувства, которые он всегда держал под контролем разума, теперь вырвались из узды. Понимая всю глупость своего поведения, Кристиан быстро вскочил на ноги и выпалил:

– Извините, мне надобно немедленно разрешить одно дело с Людвигом.

Более не сказав ни слова, фон Ремберг вылетел из гостиной, твердя про себя, что ему надо немедленно все забыть и более никогда не повторять подобное действие, которое выбило его существо из привычного непоколебимого состояния.

Глава XI. Дар

На следующий день, фон Ремберг с самого утра работал в своем кабинете. Наступило воскресенье, и он был свободен от службы. Около четырех часов дня Слава повстречала в коридоре слугу, который важно следовал с чаем на серебряном подносе. Узнав, что напиток для Кристиана, девушка выразила желание самой отнести чай мужу и, забрав поднос у слуги, направилась в сторону кабинета. Со вчерашнего вечера она не видела молодого человека, ибо он не появился ни за утренней трапезой, ни за обедом. Девушка подошла к кабинету с трепещущим сердцем. Ведь вчера Кристиан подарил ей этот упоительный долгожданный поцелуй. Правда, он был краток, но все равно Слава со вчерашнего дня пребывала в радужных розовых мечтах о своем муже. Постучавшись в дверь, девушка после приглашения проворно вошла и, улыбнувшись фон Рембергу, сидящему за письменным столом, проворковала:

– Я принесла вам чай, Кристиан. Вы с самого утра не выходите из кабинета.

Кристиан стремительно поднял голову и, прищурившись, вперил мрачный взор в свою юную жену. Она, как и обычно, была одета в бесформенное платье-балахон. Ее волосы и часть лба скрывал короткий апостольник темного цвета. Она постоянно носила подобные одеяния темно-серых, коричневых или черных тонов. Эти мешковатые платья, без талии и нижних юбок, неизменный апостольник на голове делали девушку похожей на отшельницу-монахиню.

Однако фон Ремберг прекрасно знал, как привлекательна ее фигура. Он отчетливо помнил прелести ее лица, волос и очертания стройного силуэта. Но в эту пору в этом неприглядном одеянии ее фигура среднего роста казалась приземистой и невзрачной. И отчего-то теперь Кристиана покорило от ее вида. Он не понимал, отчего Слава постоянно пытается скрыть все свои прелести от посторонних глаз. Все-таки молоденькие девицы ее круга, наоборот, пытались непременно показать в наилучшем свете красоту своего лица и тела. Оттого, окинув пронзительным взглядом жену, которая уже приблизилась к нему, он не удержался от вопроса:

– Отчего, майн херц, вы постоянно носите эти ужасные одеяния? Словно старая матрона или монахиня.

– Но я думала, что вас не смущают мои наряды, – удивленно ответила девушка, ставя поднос с чаем и свежее испеченными булочками перед ним.

– Наверное, – как-то мрачно вымолвил фон Ремберг и указал ей рукой на ближайший стул. Когда Слава села, он глухо продолжил: – Но мне кажется, было бы лучше, если бы вы, Светослава, начали одеваться в немецкое платье по моде, как уже давно приказал всем поданным ваш царь Петр.

– Но я никогда не одевалась по моде, – замялась девушка, наблюдая, как фон Ремберг деловито разливает чай по чашкам. – И не знаю, что нынче носят в столице. Но если вам будет приятно, то я постараюсь справиться себе новый гардероб.

Кристиан скорчил кислую мину и, встав с чашкой, подошел к ней, пробубнив:

– Впрочем, мне все равно, как вы одеты, майн херц. Я лишь подумал, когда вы вошли, что, возможно, вам будут к лицу модные туалеты.

– Благодарю вас за заботу, Кристиан, – приветливо ответила она, взяв из его руки блюдце с чашкой. – Но мне придется потратить немного денег, вы не против?

Он вновь вернулся на свое место и, взяв очередную бумагу, начал просматривать ее, забыв о своем налитом чае и едва услышав ее вопрос. Но через минуту, видимо, дочитав, он поднял глаза от бумаг и заметил:

– Я же положил вам ежемесячное содержание. Или вы думаете, его будет мало?

– Нет, – пролепетала девушка и смутилась. – Я думаю, хватит. Я не буду выбирать много туалетов.

– Однако, если вы не будете ничего заказывать, я пойму, – тут же вымолвил фон Ремберг, чувствуя, что разговор ушел немного в странное русло.

– Я поняла, – кивнула она.

Последние три недели Кристиан только и размышлял о том, как заставить девушку подарить ему камень, который, как он отчетливо знал, лежал внутри ее туалетного столика. Несколько раз он ходил вокруг этого заветного нижнего ящика, пока девушки не было в спальне, но ни разу не позволял себе прикоснуться к древнему кристаллу Инглии, боясь нарушить уникальную энергетику камня, и не дерзал даже увидеть его. Потому что Великий Владыка принадлежал ей и мог потерять свою силу от его прикосновения. Эта ситуация раздражала его невероятно, так как Верховный постоянно торопил его. В последние дни, размышляя над всем этим, молодой человек придумал некую легенду, которая могла бы заставить девушку подарить ему камень. Он прищурился и как бы нехотя сказал:

– Мои финансовые дела в настоящее время немного затруднительны, поскольку в этом году я выручил мало доходов с урожая.

Он чуть помолчал и вновь уткнулся взором в бумаги.

– У вас денежные трудности, Кристиан? – поинтересовалась напряженно Слава.

– Вам это интересно? – спросил он тихо, обратив на нее фиолетовый взор.

– Все, что касается вас, меня занимает. Вы мой муж.

– В наше время жены не интересуются делами своих супругов, это весьма немодно.

– Да что вы, Кристиан, все с этой модой? – ответила она порывисто. – Я люблю вас. И мне хочется знать обо всем, что происходит с вами и с вашими делами.

– Вы любите меня, майн херц? – опешив, тихо вымолвил он.

– Да, – пролепетала девушка и смущенно опустила глаза, но, тут же обратив на него горящий взор, искренне выпалила: – Люблю всем сердцем, ведь вы мой муж.

По телу фон Ремберга пробежал радостный озноб. Он почувствовал, что наконец его цель стала почти достижимой. Как-никак, влюбленную девицу можно было уговорить на многое, как говорил Верховный. Глаза молодого человека хищно заблестели, и он опустил взор на бумаги, пытаясь скрыть свое ликование. Как и предвещал Верховный, ему все же удалось внушить девице эту самую злосчастную любовь, хотя он вообще не верил, что у него это получится. И теперь дело было за малым, Кристиан чувствовал это. Он быстро поднялся на ноги и, приблизившись к девушке, чуть склонился над ней. Продолжительно поцеловав ее ручку, он внимательно посмотрел ей в глаза, и как можно ласковее выдавил из себя:

– Мне это приятно слышать, майн херц.

Слава подняла на него трепетный взгляд, ощущая неистовую потребность услышать в ответ такое же признание.

– А вы, Кристиан, что вы чувствуете ко мне? – проникновенно спросила она.

От ее прямого янтарного взора фон Ремберг вздрогнул всем телом и стремительно опустил глаза в пол. Он поразился ее вопросу, а более чистоте ее помыслов. Ибо только ребенок мог спрашивать так искренне и без боязни о том, что его волновало в данный момент. И вдруг Кристиана осенило осознание того, отчего золотистая аура девушки так светла и до сих пор не потемнела. Слава была невероятно искренна и чиста сердцем. Но, по мнению молодого человека, это было опасно, жить подобным образом в их беспокойное лживое время. Этой чистотой могли воспользоваться другие и сделать человеку зло. И фон Ремберг вмиг ощутил себя в коварной роли того самого человека, который пытается воспользоваться наивностью девушки. Нахмурившись, он сел обратно на свое место и тихо уклончиво вымолвил в ответ:

– Вы весьма приятны мне, майн херц. Мне нравится ваше общество. И вообще, я же женился на вас.

– Это так. Но... – девушка замялась.

Она надеялась услышать от него совершенно иные слова, а не эти вежливые фразы.

– Неужели вы сомневаетесь в моих чувствах к вам? – тут же начал выкручиваться он, подняв на нее глаза.

– Я даже не знаю...

– Светослава, поверьте мне, я доволен нашим браком. Вы любите меня, я этому весьма рад. А теперь простите, но мне надобно далее заняться делами, – как-то холодно заметил Кристиан. – Ведь я не могу более ни о чем думать, кроме как об этих злосчастных долгах, из-за которых этот высокомерный граф собирается вызвать меня на дуэль.

– На дуэль? – опешила Слава.

– Да. К сожалению, я не могу открыть вам его имя. Еще полгода назад я проиграл в карты этому графу. Очень большую сумму. Почти четверть миллиона рублей. И должен был выполнить обязательства по выплате долга до сентября. Но, к сожалению, у меня не нашлось нужных средств. Я просил графа дать мне еще отсрочку, однако он и слушать меня не стал в прошлый раз. Мы повздорили, и все кончилось оскорблениями. Мне пришлось вызвать его на дуэль.

– Какая страшная история, Кристиан, – пролепетала она. – И вы что же, пойдете на эту смертоносную дуэль?

– Непременно, майн херц. В противном случае я буду обесчещен. А фамильная честь не должна быть запятнана. И если надобно, я искуплю долги своей кровью. Но не позволю графу мешать мое имя с грязью, утверждая, что я не могу заплатить долг.

– А это граф, он умелый фехтовальщик и стрелок?

– Весьма, майн херц. Он один из самых опасных бретёров Петербурга. Его называют «железным клинком», оттого что он не проиграл еще ни одной дуэли.

– Кристиан, мне так жаль, – вымолвила удрученно Слава, устремляя свой чистый прелестный взгляд на его лицо. Кристиан смутился, ибо все, что он только что сказал, было чистой воды выдумкой, и сочинил он всю эту драматичную лживую историю прямо сейчас по ходу разговора. Он отчетливо ощущал, что еще немного – и девушка сама предложит то, что ему надо, потому что на ее лице было написано искреннее участие и мука. – Вот отчего вы в последнее время так печальны, мой друг, – тихо произнесла она. – А я все гадала, отчего это? Вы должны были давно рассказать мне все.

– Зачем, майн херц? Это мои дела. Я не хочу вмешивать вас в эти неприятные подробности.

– Как вы категоричны! – в сердцах воскликнула порывисто Слава. – Я ваша жена и вы очень дороги мне. Мой долг быть рядом и помогать вам.

– Но что вы можете сделать? – печально заметил он, продолжая играть свою роль. Он вперил в нее свой фиолетовый взор и начал внушать ей мысли о том, что она должна отдать ему камень. – Ах, майн херц, мне нужны деньги до пятницы, и вы ничего не можете сделать.

Не спуская с нее напряженного взгляда, он обреченно откинулся на спинку кресла, в котором сидел, и нахмурился, будто пытаясь решить эту трудную задачу.

Слава долго молчала, смотря в его печальное мрачное лицо. Ей было больно за него. И в ее любящем трепещущем сердце в какой-то момент загорелся ответ, и она вдруг выдохнула:

– А если бы я отдала вам одну вещь? Она очень ценная. Вы могли бы продать ее и погасить долги. И тогда вы будете спасены от этой жуткой дуэли с графом.

– Что вы сказали, майн херц? – опешил фон Ремберг, даже не надеясь, что девушка так быстро предложит отдать ему камень.

Он продолжил глазами завораживать Славу и посылать в ее голову мысли о том, что она поступает верно.

– У меня есть один камень. Это подарок моей матери. Это некий древний оберег. Мне кажется, что его можно дорого продать ростовщикам, – вымолвила на одном дыхании Слава.

Она сглотнула горький ком в горле, ощущая, что в этот миг предаёт память о матери, ведь именно она завещала передать этот камень Северным волхвам. Но Слава не знала, где искать их. Лишь одно имя, некоего Лучезара из Архангельска, она знала. Она так запуталась и не понимала, как ей следует поступить. Единственное, что она должна была сделать в данный момент, – это спасти Кристиана от жуткой дуэли, так как в эту секунду ее сердце разрывалось от страха за него. Оттого она была готова сейчас пожертвовать всем, что у нее было, лишь бы спасти молодого человека от смерти. Фон Ремберг яростно пронзительно смотрел на нее. Слава вдруг подумала о том, что Северные волхвы слишком призрачны и Архангельск так далеко, а драгоценный Кристиан находился здесь, перед ней, такой живой, родной и любимый, и она могла его спасти и безумно хотела это сделать. Решение – сильное, твердое и мощное – отдать ему камень нарастало в ее влюбленном сердце с каждым мигмом. После смерти родителей, отдаления Гриши и Любаши Кристиан стал самым любимым человеком для нее.

– И вы хотите отдать мне его? – спросил фон Ремберг, и его глаза загорелись темным победным светом.

– Я могу подарить вам его. Если вы подниметесь со мной в спальню, я покажу вам камень.

– Непременно! – выпалил порывисто Кристиан, проворно вскакивая на ноги, и велел: – Пойдемте, майн херц. Если этот камень, как вы говорите, так ценен, то я буду спасен.

Уже спустя несколько минут молодые люди вошли в спальню Славы. Девушка осторожно достала из ящика туалетного столика черный мешочек. Вынув древний кристалл из ткани и удерживая его в маленькой ладошке, она тихо произнесла:

– Это алмазный яхонт чистой воды. Матушка говорила, что он бесценен...

Замерев, Кристиан был не в силах отвести горящий взор от кристалла Инглии в ее руке. Переливающийся алмаз не менее шестисот карат, прозрачный, словно вода, и мерцающий, вызвал в существе молодого человека невольный трепет.

– Какой чудесный камень... – пролепетал фон Ремберг в благоговейном жутком восторге. Столько лет они пытались найти этот камень. Столько сотен жизней было погублено ради него. И вот после всех неудач Кристиан видел этот древний священный камень на ладони девушки. – Я думаю, он стоит очень дорого, и если его продать...

– Вы сможете покрыть всю сумму долгов? – спросила воодушевленно она.

– Разумеется, майн херц. Я с лихвой отдам долг графу, – произнес уверенно молодой человек, продолжая играть свою роль. Взор фон Ремберга впился в яркие прекрасные глаза девушки, и он всеми фибрами души начал вливать в ее сознание мысли о том, что она должна подарить ему камень немедленно, теперь. – Неужели вы готовы подарить мне его?

– Если он вам так нужен, Кристиан, я дарю вам его, – тихо прошептала Слава и протянула ему древний кристалл-оберег.

Несколько долгих судьбоносных мгновений Кристиан не решался взять камень из ее тонкой ладони. Но понимая, что должен наконец завладеть им и тем самым исполнить волю Ордена, он благоговейно протянул руку, почти не веря в то, что ему это удалось. Ведь изначально он сомневался в том, что у него получится получить этот древний камень в дар от Светлой девы. Но, как и предсказал Верховный, именно ему, Кристиану фон Рембергу, удалось заполучить Великого Владыку. Только он смог усыпить бдительность Светлых и до безумия влюбить в себя девицу, которая сама, по собственной воле, решила подарить этот бесценный кристалл Инглии ему. От этого осознания все существо молодого человека вмиг наполнилось трепетным яростным волнением.

– Я беру сей дар, – произнес Кристиан твердо.

Своей фразой он скрепил обряд перехода камня новому владельцу, дабы алмаз не потерял своей силы.

Протянув руку, он медленно взял огромный алмаз в свою широкую ладонь. Камень был тяжел и имел гладкие прохладные грани. Неожиданно прозрачный алмаз неясно засветился и

начал переливаться всеми цветами радуги. Но в следующий миг этот свет исчез, и Кристиан понял, что камень краткими отсветами отметил своего нового владельца.

Уже через мгновение перед взором молодого человека возникло странное отчетливое видение. Как будто он еще мальчик и сидит в большой лодке под парусом. Рядом с ним находился широкоплечий русоволосый мужчина, тот самый, которого он недавно видел в своих видениях в осажденном граде. Этот мужчина сидел рядом с Кристианом-мальчиком и что-то говорил ему, указывая на далекий еле видимый остров. Кристиан ощущал, что вокруг жутко холодно, а пронизывающий ветер дует ему в лицо. Однако он смотрел на мужчину и чувствовал, что хочет внимать каждому его слову, словно тот ему очень близок. Как и в прошлый раз, видение было беззвучным, и едва Кристиан напряг слух, чтобы услышать хоть звук, как яркое видение исчезло. А перед его глазами вновь престал древний прозрачный камень.

Опомнившись, молодой человек окинул победным темным взором девушку и, более не сказав ни слова, стремительно развернулся и направился прочь из ее спальни.

Слава с любовью смотрела ему вслед и думала о том, что Кристиан так обрадовался ее дару, что даже забыл поблагодарить, ибо немедля устремился разрешать свои проблемы с долгами.

– Он у меня, – лишь одну фразу произнес фон Ремберг.

Его звучный баритон прозвучал громким эхом в округлой каменной зале. Взор Верховного устремился на вошедшего молодого человека с белым волком, и он пораженно проскрежетал:

– Кристиан, мой мальчик, тебе это удалось?

– Да.

– Пошли вон! – тут же приказал Верховный жуткий хрипом.

Монахи, стоявшие по краям комнаты, послушно устремились прочь из каменной залы. Фон Ремберг замер на месте и следил за тем, как братья Ордена проходили мимо него к дверям. Белый хищник послушно уселся у ног молодого человека. В это время Верховный жрец Лионель тяжело слез со своего пьедестала и проковылял к Кристиану. Когда дверь за последним монахом закрылась, молодой человек вытянул руку из-под плаща и протянул округлый сверток из светлой ткани. Фон Ремберг медленно развернул кружевной платок, и Лионель задрожал от напряжения.

– В это невозможно поверить! – прохрипел Верховный благоговейно, протягивая к камню трясущиеся руки и боясь раньше времени схватить его. – Давай мне его, давай!

– Я отдаю вам в... – Кристиан не успел договорить, как ощутил жуткую боль в голени. Он резко дернулся и обратил взор. Белый волк, прокусив острыми зубами сапог, впился в его ногу, сильно дергал головой и злился. Кристиан не понимая, что происходит, начал отдергивать ногу, прохрипев: – Лихой, прекрати!

Белый волк сразу же отпустил его. Кристиан вновь обратил лицо к Верховному, который дрожащими руками почти уже обхватил камень. Именно в этот миг перед глазами молодого человека отчего-то всплыл ласковый золотистый взор Славы и тот момент, когда она сказала, что любит его. Ее слова до сих пор вызывали в Кристиане непонятную дрожь. В его голове неожиданно пронеслась мысль о том, что никто и никогда не любил его так сильно, как эта девушка, ибо только из-за глубокой и вдохновенной любви она могла отдать ему этот бесценный камень. Однако тут же его холодный разум взял верх над глупыми чувствами, прогоняя эти трепетные мысли, и он нахмурился.

– Да, да. Я беру этот камень в дар! – выпалил быстро Верховный и резко выхватил древний кристалл из руки молодого человека. – Отныне у меня есть то, что следует показать нашему Повелителю...

Верховный цепкими руками впился в камень, сжимая его в ладонях. Кристиан невольно отметил, что алмаз отчего-то не засветился тусклым светом изнутри, как это было в тот миг, когда Слава отдавала ему камень в дар. Верховный отвернулся и засеменял к своему каменному трону. Но, вдруг что-то вспомнив, жрец Лионель обернулся к фон Рембергу и приказал:

– Ах да, Кристиан, в данную минуту брат Бертран разговаривает с нашими братьями, приехавшими из Амстердама. Я считаю, тебе тоже будет полезно переговорить с ними. Ступай!
– Слушаюсь, ваше святейшество...

Быстро пройдя через парадные двери, фон Ремберг, перепрыгивая через две ступени, устремился на второй этаж. Он знал, что надо как можно скорее отправляться в путь, потому что местонахождение книги могло измениться. Он не был в усадьбе несколько дней, уехав из нее еще в тот памятный день, когда девушка подарила ему Великого Владыку.

Три дня назад приехали австрийские монахи, посвященные в ордене, и заявили, что вторая часть древней рукописи Светлых находится где-то на севере Европы, но точного места они указать не могли. Услышав эти слова, Кристиан неожиданно вспомнил о древнем алмазном камне, который ему удалось заполучить от девушки. Насколько он помнил, в первой части книги Светлых было указано, что Великий Владыка может указать место, где в настоящее время находится вторая часть рукописи, так как в конце первой книги был изображен некий знак, который служил ключом к разгадке.

Из-за этого почти двое суток и последнюю ночь Кристиан и брат Бертран бились над этой тайной, помещая великий алмаз Инглии то сверху на этот символ, то сбоку. Но ничего не выходило. Лишь сегодня поутру на фон Ремберга нашло некое озарение. Едва проснувшись, Кристиан, спавший на стуле в своей мрачной келье, приподнял голову и неожиданно заметил, как древний алмаз отбрасывает разноцветные тени на стол. Поскольку солнечный луч, падающий из окна на потолке, освещал камень в тот миг. И Кристиана тут же осенила догадка. Чуть позже, как раз с помощью солнечных лучей, преломленных через древний самоцвет и направленных на книгу, молодому человеку удалось различить в тайном преображенном знаке некий герб. Сразу же узнав герб определенного города, фон Ремберг с ликованием осознал, где следует искать вторую часть древней рукописи Светлых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.